ВЕСТНИК
Московской международной академии

2 / 2025

МОСКОВСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
АКАДЕМИЯ

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Образовательное частное учреждение
высшего образования
«МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

ВЕСТНИК

Московской международной академии

№ 2 – 2025

Учредитель: ОЧУ ВО «Московская международная академия»
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-37854
ISSN 2541-8343

Редакционный совет

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор
Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор
Дмитрюк Н.В., доктор филологических наук, профессор
Красных В.В., доктор филологических наук, профессор
Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор
Шингарева М.Ю., кандидат филологических наук, доцент

Редакционная коллегия

Терентий Л.М., ректор ОЧУ ВО «Московская международная академия», кандидат политических наук, доктор филологических наук, *главный редактор*
Кирилина А.В., доктор филологических наук, профессор, *заместитель главного редактора*
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук, *выпускающий редактор*
Бисалиев Р.В., доктор медицинских наук
Лапин А.А., кандидат политических наук
Сподах Г.Г., кандидат экономических наук
Султанова И.В., кандидат педагогических наук
Усачев Е.В., заместитель декана факультета лингвистики и педагогики
Хаимова В.М., кандидат филологических наук, доцент

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Выходит 2 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Адрес редакции: Москва, ул. Новомосковская, д.15а
e-mail: *info@mmamos.ru*

Москва 2025
© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2025
© Авторы, 2025

Подписано в печать 26.12.2025. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 6. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль,
e-mail: kancler2007@yandex.ru

Founder: Moscow International Academy
Registration number: ПИ No. ФС 77-37854
ISSN 2541-8343

Academic Advisory Board

Alexandrova O.V., Doctor of Philology, Professor
Gritsenko E.S., Doctor of Philology, Professor
Dmitryuk N.V., Doctor of Philology, Professor
Krasnykh V.V., Doctor of Philology, Professor
Ufimtseva N.V., Doctor of Philology, Professor
Shingareva M.Yu., Candidate of philological sciences, Associate professor

Editorial Board

Terenty L.M., Candidate of Political Science, Doctor of Philology,
Rector of the Moscow International Academy, *Editor-in-Chief*
Kirilina A.V., Doctor of Philology, Professor, *Deputy editor*
Dmitryuk S.V., Candidate of Philology, *Executive secretary*
Bisaliev R.V. Doctor of Medicine
Lapin A.A., Candidate of political sciences
Spodakh G.G., Candidate of economic sciences
Sultanova I.V., Candidate of pedagogical sciences
Usachev E.V., Deputy dean of the faculty of linguistics and pedagogy
Khaimova V.M., Candidate of philological sciences, associate professor

Scientific journal of theoretical and applied research.
2 issues per year.
Editorial office: Moscow, ul. Novomoskovskaya, 15a
e-mail: *info@mmamos.ru*
All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2025
© Moscow International Academy, 2025
© Authors, 2025

Содержание

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА, ПЕДАГОГИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

Ахмедова Э. М., Бобылев А.С.
Психологические особенности личности лидера 8
Ахмедова Э. М., Витюгов М.А.
Факторы эффективности коммуникационного взаимодействия в командном объединении 12
Ахмедова Э. М., Кац В.А.
Аспекты психоэмоционального восстановления после стресса: нейропсихологический и психотерапевтический анализ 16
Ахмедова Э. М., Коньков Д.С.
Условия формирования информационной культуры современной личности 22
Ахмедова Э. М., Машковский А.А
Выбор проблемы исследования, как ключевой фактор эффективности исследовательской деятельности и развития исследовательской компетентности 26
Дмитрюк Н.В., Стычева О.А., Мезенцева Е.С.
Онлайн-курсы как современный формат дистанционного обучения: создание и апробация 30
Лежнин В.А.
Трансформация профессиональных стратегий переводчика в эпоху нейросетевых технологий: теоретический аспект 36
Сандыбаева Н.А.
Узбекские заимствования в русском языке 44
Таджиева А.А.
Орфографическая зоркость как психолингвистическая проблема 50

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Бисалиев Р.В.
Суицидальное поведение при соматических заболеваниях: концептуальный подход 54
Новикова Г.В., Лупаева А.В.
Психологические особенности погружения в виртуальную реальность у молодых людей с различными характеристиками эмоционального интеллекта и акцентуациями характера 64
Коваленко О.М.
Особенности выполнения методики «Исключение предметов и понятий» учащимися 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи 74
Коваленко О.М., Кириллова Л.А.
Стабильность продуктивности воспроизведения слов различной слоговой структуры без помощи логопеда при первичном и повторном проговаривании у детей 6 – 7 лет с ФФН и ОНР (III уровень речевого развития) 82

Содержание

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Барышова Ю.Н., Барышов А.С.
Судебная экспертиза в системе МЧС России 94

Железнякова Е.А.
Корректность применения профессиональных суждений в учете 98

Тарасова Е.В.
Конфликт интересов реституции и защиты добросовестного приобретателя в сделках с недвижимым имуществом 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ММА

II Международной научно-практической конференции «Педагогика, психология и экономика: вызовы современности и тенденции развития» 10.02.2026 г., ММА 111

Аманжолова Д.Б., Дмитрюк Н.В.
Обзор III Международной конференции «Этноязыковое многообразие мира и тюркское наследие» 17–18 октября 2025 г. 112

ИНФОРМАЦИЯ

Правила представления рукописей 116

Content

THEORY OF LANGUAGE, PEDAGOGY AND LINGUODIDACTICS

Elmira M. Akhmedova, Alexander S. Bobylev
Psychological characteristics of the leader's personality 8

Elmira M. Akhmedova, Maxim A. Vitiugov
Factors of effectiveness of communication interaction in a team association 12

Elmira M., Akhmedova, Valeri A. Kats
Aspects of psycho-emotional recovery after stress: neuropsychological and psychotherapeutic analysis 16

Elmira M. Akhmedova, **Dmitry S. Konkov**
Conditions for the formation of the information culture of a modern personality 22

Elmira M. Akhmedova, **Alexander A. Mashkovsky**
Choosing a research problem as a key factor in the effectiveness of research activities and the development of research competence 26

Natalya V. Dmitryuk, Olga A. Stycheva, Elena S. Mezentseva
Online courses as a modern distance learning format: creation and approval 30

Valeriy A. Lezhnin
Transformation of translator's professional strategies in the era of neural network technologies: theoretical aspect 36

Nurzhamal A. Sandybaeva
Uzbek borrowings in the russian language 44

Aziza A. Tadzhieva
Spelling efficiency as a psycholinguistic problem 50

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

Rafael V. Bisaliev
Suicidal behavior in somatic diseases: conceptual approach 54

Galina V. Novikova, Anna V. Lupaeva
Psychological features of immersion in virtual reality among young people with different characteristics of emotional intelligence and character accentuations 64

O.M. Kovalenko
Features of the "exclusion of objects and concepts" method for 1st – 2nd grade students with severe speech disorders 74

O.M. Kovalenko, L.A. Kirillova
Stability of the productivity of reproducing words of various syllabic structures without the help of a speech therapist during primary and repeated pronunciation in children aged 6–7 with ffn and with ONR (III level of speech development) 82

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

Yulia N. Baryshova, Alexander S. Baryshov
Forensic examination in the russian ministry of emergency situations 94

Content

Elena A. Zheleznyakova
The correctness of the application of professional judgments in accounting under IFRS 16 leases 98

Elena V. Tarasova
Conflict of interests between restitution and protection of a good-needed buyer in real estate transactions 106

SCIENTIFIC LIFE OF MIA

II International Scientific and Practical Conference "Pedagogy, Psychology, and Economics: Modern Challenges and Development Trends" 111

Jemma B. Amanzholova, Natalya V. Dmitryuk
Review of the 3rd International Conference "Ethnolinguistic Diversity of the World and Turkic Heritage" October 17–18, 2025 112

INFORMATION

Manuscript Submission Guidelines 116

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЛИДЕРА

Ахмедова Эльмира Магомедгаджиевна
кандидат педагогических наук, доцент
Московская международная академия
Бобылев Александр Сергеевич
аспирант 1 курса Московской международной академии

Аннотация

В статье мы рассматриваем лидерство, как феномен современности и всего опыта становления социума, взаимодействия людей между собой.

Особое внимание, в нашем исследовании, мы выделяем для изучения психологических особенностей лидера, как уникальных и специфических черт личности, характеризующих её, и отличающих её от других индивидов.

В нашей статье, мы описываем и анализируем такие психологические черты лидера, как доминирование и неуверенность, их ключевое отличие одного от другого, в симбиозе их неотъемлемого взаимодействия и неразрывности.

Ключевые слова: лидерство, психология лидера, психологические особенности лидера.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE LEADER'S PERSONALITY

Elmira M. Akhmedova
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Moscow International Academy
Alexander S. Bobylev
1st year postgraduate student of the Moscow International Academy

Abstract

In the article, we consider leadership as a phenomenon of modernity and the entire experience of the formation of society, the interaction of people with each other.

In our research, we pay special attention to studying the psychological characteristics of a leader, as unique and specific personality traits that characterize her and distinguish her from other individuals.

In our article, we describe and analyze such psychological traits of a leader as dominance and insecurity, their key difference from one another, in the symbiosis of their inherent interaction and continuity.

Keywords: leadership, psychology of a leader, psychological characteristics of a leader.

Личность лидера всегда представляет особый интерес для всестороннего анализа, с точки зрения исследовательской заинтересованности в изучении сути проявления лидерского потенциала, форм взаимодействия лидера с окружающими, и его характерных особенностей, позволяющих полноценно и всесторонне проанализировать суть самого феномена [2].

Специфической особенностью лидера является набор черт и проявлений, отличающих его от других личностей, а именно, наличие внутренней возможности взять ответственность не только за свои дела и поступки, но и за других людей; умение проявить свои навыки с целью удержания внимания и привлечения других индивидов к его мнению и действиям, как к наиболее рациональным [4].

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на внутренне-ориентированных личностных звеньях лидера, а именно, психологических особенностях, посредством которых мы можем детально понять, что собой представляет психология лидера, как уникальная специфическая особенность личности, отличающая её во множестве проявлений других отличительных черт личности [6].

Психологические особенности любой личности формируются и закладываются с самого юного возраста, а также, имеют индивидуальную особенность, включая влияние генетического кода и врожденных специфических особенностей, которые принято называть характером человека. Мы имеем мнение, что лидерские качества не находятся в стороне от данного суждения [3].

Личность, которая располагает в себе лидерские качества, закладывает в себе их бессознательно и условно. Бессознательность заключается в том, что взаимодействие с окружающими, любой опыт жизнедеятельности, в совокупности с врожденными чертами характера, образовывают особую связь, которая формирует тот самый потенциал личности, способный продемонстрировать социуму свои возможности, в том числе и лидерские проявления [5].

Психологическая условность, рассматривается в контексте биологического термина «условных рефлексов», которые человек осознанно формирует в себе в течение всей жизни. Они, в особенности, закладываются с самого юного возраста. Однако не носят врожденный характер, а путем индивидуального опыта, склонного к влиянию извне – социального опыта, воздействующего на личность, посредством формирования у неё характерных особенностей. В том числе, у личности может отсутствовать врожденный дух лидера, но он может осознанно подойти к данному вопросу и начать свой процесс формирования «внутреннего лидера» [7].

В нашем исследовании мы хотим рассмотреть такие характерные психологические особенности, свойственные лидеру: доминирование и неуверенность.

Данные психологические особенности лидера, мы рассматриваем в общем взаимодействии взаимосвязи между собой, так как они перетекают один из другого, но, в итоге являются точками одного круговорота [8].

Таким образом, доминирование представляет собой внутренний порыв человека, через который он «ставит» себя выше других людей и осознанно или неосознанно, латентно или открыто, вне зависимости от уверенности в правдивости своих внутренних чувств, всячески пытается подавить мнение и действия окружающих его людей.

Как правило, любой лидер, тем более, если его таковым видит и считает общество, находится в доминирующей позиции. Он может это демонстрировать открыто, и заявлять об этом, или делать это латентно, но с одной единственной позицией – оказаться «выше» другого человека [1].

Данное психологическое проявление, как мы об этом и говорили, неизбежно связано со следующим – неуверенность. Казалось бы, что на первый взгляд лидер – это позиция точной уверенности, а, следовательно, наиболее эффективное проявление доминирования. Однако внутренний порыв доминировать, как раз таки, характерен от неуверенности, которую лидер пытается завуалировать, через внешнее давление [9].

Сами по себе термины «доминирование» и «неуверенность» являются противоположностями. Но, именно эти противоположности, с точки зрения психологического контекста, неизбежно и плотно связаны между собой. Неуверенность зачастую порождает формирование в личности других «сильных» черт, которыми она пытается как для себя, так и для окружающих, продемонстрировать свою неуязвимость и внутреннюю силу. Это, в свою очередь, помогает личности чувствовать себя уверенно и эффективно реализовывать потребности, которые он чувствует внутри себя и хочет проявить их окружающему миру [3].

Таким образом, психологические особенности лидера – это уникальные и специфические характеристики, которые представляют собой интерес для исследования, анализа и описания. В нашем исследовании, из множества психологических проявлений, для нас представил интерес именно анализ таких терминов, как доминирование и неуверенность, нехарактерных для лидера, на первый взгляд, но плотно связанных между собой.

Список литературы

1. Беспалов, Д.В., Матвеева, А.В. Динамика лидерства и руководства в молодежных общественных объединениях / Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета // 2017. С. 1-8.

2. Кричевский, Р.Л. Психология лидерства [Текст] : учебное пособие / Р.Л. Кричевский. - Москва : Статут, 2007. - 541 с. : ил.; 20 см.; ISBN 5-8354-0353-4 (В пер.)

1. Леонова Ж.К., Зотов В.В. Этика и психология лидерства // Журнал Индустриальная экономика. 2023. С.34-37.

2. Минова, М.Е. Подготовка лидеров детских и молодежных общественных объединений в учреждениях образования : пособие для педагогов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения, учреждений дополнительного образования детей и молодежи / М. Е. Минова. – Минск : Национальный институт образования, 2018. – 240 с.

3. Новашина М. С. Концепция воспитания лидера в цифровую эпоху по Т. Чаморро-Премузичу // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 161-170.

4. Пономарёв, А.В. Лидерство в молодежной среде: учеб.пособие / А.В. Пономарёв, А.О. Ланцев, М.С. Кырчиков ; Мин-во науки и высшего образования РФ.— Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2020. – 216 с.

5. Селезнева А.В., Томаев А.Х. Молодежное политическое лидерство в фокусе политической психологии: концептуальные основания Вестн. Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 2. С. 7-25.

6. Христидис Т. В. Психологические аспекты профессиональной адаптации молодых специалистов // Север и молодежь: здоровье, образование, карьера: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ханты-Мансийск 19-20 ноября 2020. -Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2020. С. 351-354.

7. Chamorro-Premuzic T. Why Do So Many Incompetent Men Become Leaders? (And How to Fix It): Book: Harvard Business Review Press.2019. 240 p.

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОМАНДНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

Ахмедова Эльмира Магомедгаджиевна
кандидат педагогических наук, доцент
Московская международная академия
Витюгов Максим Алексеевич
аспирант 1 курса Московской международной академии

Аннотация

В данной статье мы исследуем навыки коммуникации в командном объединении, посредством изучения специфики командного взаимодействия и анализа эффективной коммуникации.

Также, мы акцентируем внимание на важности каждого участника командного объединения, вне зависимости от рода деятельности команды и поставленных целей взаимодействия, так как каждый член команды имеет влияние на всю её деятельность.

В статье описываются факторы, которые оказывают влияние на результативность качественного коммуникационного поля взаимодействия между участниками группы, для комфортного индивидуального существования в команде, и положительного общего фона совместной деятельности.

Ключевые слова: команда, коммуникационные навыки, взаимодействие в команде, коммуникационное поле команды, факторы эффективной коммуникации в команде.

FACTORS OF EFFECTIVENESS OF COMMUNICATION INTERACTION IN A TEAM ASSOCIATION

Elmira M. Akhmedova
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Moscow International Academy
Maxim A. Vitiugov
1st year postgraduate student of the Moscow International Academy

Abstract

In this article, we will explore communication skills in a team association by studying the specifics of team interaction and analyzing effective communication.

We also focus on the importance of each member of a team association, regardless of the type of team activity and the goals of interaction, since each team member has an impact on all its activities.

The article describes the factors that influence the effectiveness of a high-quality communication field of interaction between group members, for a comfortable individual existence in a team, and a positive overall background of joint activities.

Keywords: team, communication skills, team interaction, team communication field, factors of effective communication in a team.

Успешность командной работы напрямую зависит от развития коммуникативных навыков участников данного объединения. Невозможно представить коммуникацию как процесс одной личности, она разворачивается между двумя и более её участниками. Команда, в данном случае, представляет собой объединение людей, под определенной целью, и их взаимодействие происходит исключительно на коммуникационном уровне, вне зависимости от рода деятельности. Коммуникационный процесс в команде раскрывается, для изучения и исследования, наилучшим образом [3].

Рассмотрим факторы, влияющие на эффективность коммуникационного взаимодействия участником одного объединения.

Первый фактор представляет собой индивидуально-ориентированное поле коммуникации. Он заключается в каждом участнике команды, как неотъемлемого звена общей цепи. А именно, наличие в каждом звене команды своего индивидуального опыта развития и проявления коммуникационных навыков, т.е. в каждом члене команды присутствуют свои уже сформированные вербальные и невербальные навыки общения и самопроявления. То, как каждый человек будет проявлять себя в командном взаимодействии, будет влиять на общий фон и климат в группе, не говоря уже о выполнении конкретных задач или достижении общей цели и мотивов объединения [7].

Опыт изучения и анализа командного взаимодействия говорит о том, что существует множество случаев, когда мнение и действия одного человека имели влияние на изменение всего хода работы того или иного объединения. Таким образом, мы хотим сказать, что на начальном этапе формирования команды, важно понимать, что каждый участник такого объединения – этой уникальный индивидуально-сформированный коммуникационный опыт, который будет оказывать воздействие на общий фон коммуникации в группе [5].

Следующим фактором мы хотим выделить внешнее воздействие на ход работы командного объединения. В данном контексте, под внешним воздействием, как положительным, так и отрицательным, предполагается взаимодействие команды с окружающим миром, который включает в себя внешний коммуникационный процесс, в виде сторонних людей, различных средств коммуникации, ресурсов и источников информации. Команда не существует только внутри самой себя, за исключительными случаями, которые мы не берем в расчет, все её участники взаимодействуют в социуме, и это взаимодействие влияет на внутренний коммуникационный процесс [8].

В свою очередь хотим отметить, что в зависимости от того насколько рационально, комфортно и эффективно налажена коммуникационная деятельность, будет зависеть уровень влияния подобных внешних факторов, которые могут не просто повлиять, а испортить или как-нибудь отрицательно повлиять на всю деятельность в группе [1].

В данном контексте, подтверждается необходимость постоянного развития навыков коммуникации в команде, для формирования особенного взаимодействия между её участниками, способствующему положительному внутрикомандному взаимодействию, и осознанию сути проявления каждого участника, для исключения случаев недопонимания [4].

Таким образом, в представленном исследовании помимо описания необходимости общего формирования коммуникационных навыков, мы акцентировали внимание на важности развития данных навыков в командной работе, как специфическом объединении индивидов, вне зависимости от вида деятельности и цели объединения. Так как, эффективность взаимодействия напрямую зависит от уровня развития вербального и невербального взаимодействия каждого члена команды, на благо общего комфортного коммуникационного климата в ней. Также, особую часть исследования мы выделили на анализ факторов, влияющих на положительную действенность коммуникации во взаимодействии в командном объединении. Индивидуально-ориентированный ход и внешнее воздействие являются теми факторами, которые мы проанализировали, с целью выявления важных аспектов, требующих внимания, для формирования эффективного поля коммуникации в команде.

Список литературы

1. Балышев, П. А. Универсальные психолого-педагогические механизмы формирования компетенции командной работы студентов вузов / П. А. Балышев // Мир науки. Педагогика и психология. — 2023. — Т. 11. — № 6. — С. 1-15.
2. Катценбах, Дж. Командный подход [Текст]: создание высокоэффективной организации: пер. с англ. т. 36 / Д. Катценбах, Д. Смит; пер. И. Евстигнеева. — М.: Альпина Паблишер, 2013. — 376 с.
3. Корчемный, П.А. Психологические механизмы формирования и проявления компетенций / П.А. Корчемный // Человеческий капитал. — 2017. — № 6(102). — С. 6–13.
4. Лизунков В.Г. и др. Развитие командной компетенции у выпускников технических вузов на базе коллаборативного обучения / Лизунков В.Г. // ПНиО. — 2021. — № 1(49). — С. 92–112.
5. Петренко, Е.А. Современные подходы к оценке общих компетенций и основные проблемы их диагностирования // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2014. – № 4. – С. 102–109.
6. Романенко О.А. Социально-психологический тренинг, как один из факторов развития коммуникативной компетентности. В сборнике «Гуманитарные науки». - Ставрополь: СевКавГГУ, 2003. - № 10
7. Сериков В.В. Особенности формирования компетентности внутрикомандного взаимодействия / В.В. Сериков, Е.И. Тычинина // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2017. — № 6(45). — С. 104–116.
8. Хуторской А.В., Хуторская Л.Н. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования / А.В. Хуторской, Л.Н. Хуторская // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода: Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Орлова. — Тула: Изд-во Тул. гос. пед. Ун-та имени Л.Н. Толстого. — 2008. — Вып. 1. — С. 117–137.
9. Serce, F.C. et al. Online collaboration: Collaborative behavior patterns and factors affecting globally distributed team performance / F.C. Serce, K. Swigger, F.N. Alpaslan, R. Brazile, G. Dafoulas, V. Lopez // Computers in human behavior. — 2011. — Vol. 27(1). — p. 490–503.

10. Wildman, J.L. et al. Team knowledge research: Emerging trends and critical needs / J.L. Wildman, A.L. Thayer, D. Pavlas, E. Salas, J.E. Stewart, W.R. Howse // Human Factors. — 2012. — Vol. 54(1). — p. 84–111.

11. Ku, H.Y., Tseng, H.W. and Akarasriworn, C. Collaboration factors, teamwork satisfaction, and student attitudes toward online collaborative learning // Computers in human Behavior. — 2013. — Vol. 29(3). — pp. 922–929.

АСПЕКТЫ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОСЛЕ СТРЕССА: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ахмедова Эльмира Магомедгаджиевна
кандидат педагогических наук, доцент
Московская международная академия
Кац Валери Алексеевна
студентка магистратуры, факультет общей и клинической психологии
Московской международной академии

Аннотация

Современные исследования подтверждают, что стресс является универсальным психофизиологическим механизмом адаптации, который в условиях краткосрочного воздействия выполняет защитные функции (Lupien et al., 2009) [2]. Однако хронический стресс приводит к дисбалансу в системе «гипоталамус — гипофиз — надпочечники», изменению работы лимбических структур и нарушению когнитивного контроля (McEwen, 1998) [1]. Эти процессы сопровождаются снижением когнитивной продуктивности, повышением тревожности, депрессивными проявлениями и истощением ресурсов. В данном исследовании автор подробно раскрывает механизмы и факторы, способствующие восстановлению адаптивных ресурсов личности после длительного воздействия стрессовых событий. Особое внимание уделено роли когнитивно-поведенческих стратегий, психотерапевтических подходов и социальных факторов поддержки в преодолении последствий хронического стресса. Полученные данные демонстрируют, что сочетание индивидуальных и средовых ресурсов позволяет формировать более устойчивые модели адаптации, снижает риск развития посттравматических расстройств и повышает эффективность реабилитационных программ. Результаты исследования могут быть применимы в клинической и консультативной практике, а также в профилактической работе с группами риска.

Ключевые слова: хронический стресс, психотравма, посттравматический стресс, ретротравматизация, соматизация, тревожные расстройства.

ASPECTS OF PSYCHO-EMOTIONAL RECOVERY AFTER STRESS: NEUROPSYCHOLOGICAL AND PSYCHOTHERAPEUTIC ANALYSIS

Elmira M. Akhmedova
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Moscow International Academy
Valeri A. Kats
Master’s degree of General and Clinical Psychology,
Moscow International Academy

Abstract

Contemporary research confirms that stress represents a universal psychophysiological mechanism of adaptation, which, under conditions of short-term exposure, fulfills protective functions (Lupien et al., 2009) [2]. However, chronic stress leads to an imbalance in the hypothalamic–pituitary–adrenal (HPA) axis, alterations in the functioning of limbic

structures, and disruption of cognitive control (McEwen, 1998) [1]. These processes are accompanied by reduced cognitive productivity, increased anxiety, depressive manifestations, and resource depletion. This study provides a detailed examination of the mechanisms and factors contributing to the restoration of adaptive resources of the individual after prolonged exposure to stressful events. Special attention is given to the role of cognitive-behavioral strategies, psychotherapeutic approaches, and social support factors in overcoming the consequences of chronic stress. The findings demonstrate that a combination of individual and environmental resources enables the formation of more resilient adaptation models, reduces the risk of post-traumatic disorders, and enhances the effectiveness of rehabilitation programs. The results may be applied in clinical and counseling practice, as well as in preventive work with at-risk groups.

Keywords: chronic stress, psychological trauma, post-traumatic stress, retraumatization, somatization, anxiety disorders.

Введение

Психоэмоциональное восстановление – является комплексным, системным процессом, который включает в себя такие процессы как: нервная система, когнитивные функции, социальные связи, поведенческая активность и смысловая сфера. Важно понимать, что такой процесс может занять длительное время и показать результаты лишь спустя неопределённое количество времени. Восстановление является комплексным, направленным на стабилизацию внутреннего состояния человека в различных событиях: длительное воздействие стресса, физическая травма, нахождение в экстремальных ситуациях.

Одним из наиважнейших условий эффективного восстановления является, обеспечение чувства безопасности и предсказуемости процесса, это позволяет снизить в значительной мере уровень тревожности и минимизировать острые стрессовые реакции.

Стресс представляет собой универсальную реакцию организма на требования внешней или внутренней среды. В краткосрочной перспективе он обладает адаптивным характером, однако при хроническом воздействии ведёт к истощению психофизиологических ресурсов и развитию нарушений в эмоциональной, когнитивной и соматической сферах. Современные исследования показывают, что реабилитация после травмы возможна благодаря нейропластичности мозга и системной работе с эмоциональной, когнитивной и социальной составляющей психики. Другими словами, ввиду того, что человеческий мозг крайне гибок, он способен адаптировать свою реакцию на острые произошедшие события, делегируя между различными системами, которые отвечают за мозговую активность.

На нейробиологическом уровне хронический стресс вызывает изменения в системе гипоталамус-гипофиз-надпочечники, что сопровождается гиперактивацией амигдалы, снижением регулярной функции префронтальной коры и уменьшением объёма гиппокампа. Эти процессы описаны в ряде крупных нейровизуализированных исследований (Lupien et al., 2009; ENIGMA Consortium, 2017) [3]. Параллельно формируется хроническое воспаление: повышаются уровни цитокинов IL-6,

TNF-a, что усиливает депрессивные и тревожные проявления. Согласно концепции аллостатической нагрузки (McEwen, 1998) [1], именно дисбаланс регуляторных систем приводит к уязвимости при длительном стрессе.

Восстановление предполагает пошаговый подход. Первая фаза – стабилизация. Она включает нормализацию сна, питания, восстановление базовой рутины, снижение физиологической гиперактивации психообразования. На этом этапе применяются простые и скоропомощные методы, такие как: дыхательные техники, прогрессивная пышечная релаксация, методы осознанности. Цель – сформировать у человека ощущение контроля, предсказуемости и безопасности.

Вторая фаза – переработка опыта и когнитивная реконструкция. Здесь важна работа с мыслями и убеждениями, которые особо активно формируются под влиянием стресса. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) доказала свою эффективность в снижении тревожности, депрессивных проявлений и руминаций (Butler et al., 2006 [4]; Hofmann et al., 2012) [5]. Mindfulness-based программы (MBSR, MBCT) также уменьшают физиологическое напряжение и улучшают эмоциональную регуляцию (Khoury et al., 2015) [6]. Интерперсональная терапия эффективна при стрессах, связанных с утратой или изменением социальных ролей (Weissman et al., 2007) [7], а проблемно-решающая терапия помогает при перегрузках и кризисах (Cuijpers et al., 2018) [8].

Однако следует учитывать и вероятность ретротравматизации, поскольку вынужденное мысленное возвращение индивида к травмирующим событиям может заново активировать эмоциональные и физиологические реакции, связанные с пережитой травмой. Такая реакция может возникнуть как немедленно, так и проявиться отсроченно — спустя часы, дни или даже недели после воздействия. Необходимо обеспечить условия, при которых человек сможет безопасно обработать возникающие переживания, а также предусмотреть доступ к поддержке со стороны специалиста в случае усиления эмоционального напряжения.

Третья фаза – реинтеграция. Она предполагает возвращение к социальным ролями, расширение спектра активности, развитие устойчивых стратегий совладения и профилактику рецидивов с последующей ретровматизацией. Практическая работа включает в себя поведенческую активацию, развитие новых навыков, участие в социальных и профессиональных проектах. На этом этапе также состовляется «план предупреждения срывов», в котором фиксируются ранние признаки ухудшения состояния и стратегии самопомощи. Данный план служит элементом скоропомощного инструмента, дабы предотвратить эскалацию.

Важную роль играют нелекарственные методы восстановления. Физическая активность признана одним из наиболее эффективных факторов: метаанализы показывают её значимый антистрессовый и антидепрессивный эффект (Schuch et al., 2018 [9]; Cooney et al., 2013) [10]. Аэробные и силовые упражнения нормализуют работу гиппокампа, улучшают настроение и когнитивные функции. Сон также критичен: когнитивно-поведенческая терапия бессонницы (КПТ-И) снижает уровень тревожности и депрессивной симптоматики (Trauer et al., 2015) [11].

Наряду с этим, эффективными оказываются и другие методы эмоциональной регуляции: прослушивание музыки, просмотр художественных или документальных фильмов, а также использование юмористического контента. Эти

формы медиастимуляции помогают снизить уровень эмоционального напряжения, переключить внимание и создать безопасное пространство для восстановления внутреннего равновесия.

Однако, применение лекарственных препаратов строго регламентируется и назначаются исключительно – компетентным специалистом. Ввиду того, что существуют пациенты, которые самостоятельно регулируют дозировку препарата или вовсе не следят за корректным применения ингибиторов обратного захвата серотонина, возникают случаи вторичного ухудшения состояния или возникновения острой фазы и нестабильность психического здоровья человека.

Не менее значим фактор питания. Исследование SMILES trial (Jacka et al., 2017) показало, что переход на средиземноморский рацион снижает депрессивные проявления [12]. Правильное питание поддерживает баланс нейромедиаторов и снижает воспалительные процессы. Социальная поддержка также является защитным фактором: наличие устойчивых связей уменьшает риск стресс-ассоциированных расстройств и ускоряет восстановление (Santini et al., 2015) [13].

Современные методы саморегуляции включают HRV-биофидбек, позволяющий тренировать дыхание на резонансной частоте. Этот метод увеличивает вариабельность сердечного ритма и способствует регуляции эмоций (Lehrer et al., 2020) [14]. К перспективным биологическим методам относятся нейромодуляционные технологии. Повторная транскраниальная магнитная стимуляция (рТМС) доказала эффективность при резистентных состояниях (Lefaucheur et al., 2020) [15].

Стрессовое состояние нарушает когнитивные функции, особенно внимание, рабочую память и когнитивную гибкость. Для восстановления применяются нейропсихологические тренировки: задания на рабочую память (N-back), упражнения на переключение внимания, когнитивные игры. Эти методы улучшают исполнительные функции и снижают руминации (Diamond, 2013) [16].

Практическая модель восстановления может включать несколько уровней. В первые 1–4 недели акцент делается на стабилизации: сон, питание, физическая активность (ходьба, йога), дыхательные практики и психообразование. В течение 5–12 недель проводятся когнитивно-поведенческая терапия или mindfulness-практики, когнитивные тренировки, социальная активация. После трёх месяцев важна реинтеграция: закрепление новых социальных ролей, регулярная физическая активность и профилактика рецидива.

Таким образом, психоэмоциональное восстановление после стресса — это многоуровневый процесс, включающий нейробиологические, когнитивные и социальные механизмы. Доказательная база подтверждает эффективность когнитивно-поведенческих и mindfulness-подходов, физической активности, нормализации сна, коррекции питания и социальной поддержки. Нейропсихологическая реабилитация и современные методы нейромодуляции усиливают восстановительные процессы. Стоит учитывать важность контроля пациента специалистом, корректность назначаемой дозировки препарата, в случае возникновения побочных действий, либо немедленно сменить препарат, либо скорректировать дозу. Комплексное применение этих стратегий повышает устойчивость к стрессу и снижает вероятность рецидивов в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. МакЮэн Б. Стресс, адаптация и болезнь // Annals of the New York Academy of Sciences. – 1998. – Т. 840, №1. – С. 33–44.

2. Лупьен С. Дж., МакЮэн Б. С., Гуннар М. Р., Хайм К. Влияние стресса на протяжении жизни на мозг, поведение и когнитивные функции // Nature Reviews Neuroscience. – 2009. – Т. 10, №6. – С. 434–445.

3. Консорциум ENIGMA. Аномалии объёмов подкорковых структур при большом депрессивном расстройстве // Molecular Psychiatry. – 2017. – Т. 22, №6. – С. 900–909.

4. Батлер А. К., Чапман Дж. Е., Форман Э. М., Бек А. Т. Эмпирический статус когнитивно-поведенческой терапии // Clinical Psychology Review. – 2006. – Т. 26, №1. – С. 17–31.

5. Хофманн С. Г., Аснани А., Вонк И. Дж., Сойер А. Т., Фан А. Эффективность когнитивно-поведенческой терапии: обзор мета-анализов // Cognitive Therapy and Research. – 2012. – Т. 36, №5. – С. 427–440.

6. Хури Б., Лекомт Т., Фортен Г. и др. Терапия, основанная на осознанности: комплексный мета-анализ // Clinical Psychology Review. – 2015. – Т. 33, №6. – С. 763–771.

7. Вайссман М. М., Марковиц Дж. С., Клерман Г. Л. Краткое руководство для клинициста по интерперсональной психотерапии. – Оксфорд: Oxford University Press, 2007. – 120 с.

8. Кёйперс П., Кариотаки Э., Рейиндерс М., Пургато М., Барбуи К. Мета- и мега-анализы эффективности проблемно-решающей терапии // World Psychiatry. – 2018. – Т. 17, №1. – С. 122–132.

9. Шух Ф. Б., Ванкампфорт Д., Фёрт Дж. и др. Физическая активность и риск развития депрессии: мета-анализ проспективных когортных исследований // American Journal of Psychiatry. – 2018. – Т. 175, №7. – С. 631–648.

10. Куни Г. М., Дван К., Грейг К. А. и др. Упражнения при депрессии // Cochrane Database of Systematic Reviews. – 2013. – Вып. 9. – Ст. № CD004366.

11. Трауэр Дж. М., Цянь М. Й., Дойл Дж. С., Раджаратнам С. М., Каннингтон Д. Когнитивно-поведенческая терапия при хронической бессоннице: систематический обзор и мета-анализ // Annals of Internal Medicine. – 2015. – Т. 163, №3. – С. 191–204.

12. Джакка Ф. Н., О'Нил А., Опи Р. и др. Рандомизированное контролируемое исследование улучшения диеты у взрослых с большой депрессией («SMILES trial») // BMC Medicine. – 2017. – Т. 15. – С. 23.

13. Сантани З. И., Коянаги А., Тироволас С., Харо Дж. М. Связь социальных отношений с депрессией: мета-анализ // Journal of Affective Disorders. – 2015. – Т. 175. – С. 53–65.

14. Лерер П. М., Каур К., Шарма А., Шах К., Хьюсби Р., Бхавсар Дж. Биологическая обратная связь по вариабельности сердечного ритма улучшает эмоциональное и физическое здоровье // Applied Psychophysiology and Biofeedback. – 2020. – Т. 45, №2. – С. 109–129.

15. Лефошёр Ж. П., Алеман А., Баекен К. и др. Рекомендации по терапевтическому использованию повторной транскраниальной магнитной стимуляции (рТМС) // Clinical Neurophysiology. – 2020. – Т. 131, №2. – С. 474–528.

16. Даймонд А. Исполнительные функции // Annual Review of Psychology. – 2013. – Т. 64. – С. 135–168.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Ахмедова Эльмира Магомедгаджиевна
кандидат педагогических наук, доцент
Московская международная академия
Коньков Дмитрий Сергеевич
аспирант 1 курса Московской международной академии

Аннотация

В представленной статье мы анализируем понятие информатизации общественной жизнедеятельности, посредством включения каждого индивида в современную картину мира, которая основана на уникальном информационном фундаменте.

Мы описаем роль информационной культуры, как широко распространенной способности личности эффективно и рационально функционировать в современном потоке жизнедеятельности.

Особое внимание мы уделяем важности развития таких составляющих информационной культуры, как информации и информационных технологий и ресурсов.

В данной статье, также, мы акцентируем внимание на базовых условиях, способствующих развитию ключевых навыков и умений адаптации в информационной культуре.

Ключевые слова: информационная культура, информационная культура личности, информация, информатизация, условия формирования информационной культуры.

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE INFORMATION CULTURE OF A MODERN PERSONALITY

Elmira M. Akhmedova
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Moscow International Academy
Dmitry S. Konkov
1st year postgraduate student of the Moscow International Academy

Abstract

In this article, we analyze the concept of informatization of public life by including each individual in the modern worldview, which is based on a unique information foundation.

We will describe the role of information culture as a unique ability of a person to function effectively and rationally in the modern field of life.

We pay special attention to the importance of developing such components of information culture as information and information technologies and resources.

In this article, we also focus on the basic conditions that promote the development of key skills and adaptations in the information culture.

Keywords: information culture, personal information culture, information, informatization, conditions for the formation of information culture.

Информационная культура личности складывается из множества факторов, способствующих её развитию и становлению, как для самого человека, так и для всего общественного развития и совершенствования жизнедеятельности [11].

В современных условиях образ информации представлен, как неотъемлемая часть современного поля деятельности, и как совокупность инновационности и актуальности для комфортного и своевременного включения в социально-значимые процессы, происходящие в мире [2].

Невозможно представить современную личность, вне зависимости от возрастных рамок, которая не является частью информационного поля деятельности социума. Каждый человек имеет уже свой опыт существования в информационном пространстве [8].

Информация давно не воспринимается в только рамках знаний о чем-либо. Информация – это глобальная технология, которая является частью всего сущего, и в тоже время все сферы жизнедеятельности общества являются частью её. Информация и технология существуют и воспринимаются, как единый механизм, неразрывный симбиоз всего инновационного и традиционного вместе [4].

Информационные технологии – это суть информационной культуры, посредством которых происходит формирование сути информатизации общества. Каждый из нас владеет теми или иными информационными технологиями, на разном уровне, с разными условиями, и на разном уровне доступа к ним [5].

Все крупные системы вовлечены в информационные процессы и контролируют их ход деятельности. С момента включения в обиход выражения «владеешь информацией – владеешь миром», мы стали понимать неизменную закономерность данного высказывания. Неважно, какого уровня информация, но человек, имеющий доступ к глобальным информационным знаниям – имеет доступ к пониманию всех взаимосвязанных и взаимозависимых процессов, происходящих вокруг нас [6].

В данном исследовании, в процессе анализа формирования информационной культуры, как общего термина всего описанного ранее, в виде информации, информатизации, информационных технологий и ресурсов, мы остановимся на некоторых условиях, способствующих развитию данного вида культуры [3].

Условия формирования информационной культуры носят глобальный характер, так как мы указывали выше, в представленном исследовании, информация есть все происходящее, и в ней всё и происходит [10].

Мы выявили следующие базовые условия, способствующие формированию и развитию навыков владения информационной культурой личности:

– Обучение основам информационных технологий. Индивиды должны знать, как эффективно искать информацию в интернете, пользоваться цифровыми ресурсами и оценивать достоверность полученной информации, для собственной безопасности.

– Развитие навыков критического мышления. Индивиды должны научиться анализировать информацию, выявлять факты, аргументированно высказываться и принимать обоснованные решения, а также, понимать, что существует большое множество лжеинформации.

– Умение эффективного использования информации в образовательном процессе, в течение всей жизни. Индивиды должны научиться применять

информацию и знания в решении задач, развивать идеи и создавать новые знания, для последующих поколений [1].

Таким образом, современная жизнь направляет каждого человека на формирование стандартизации жизнедеятельности в сторону адаптации в информационном поле деятельности. Информатизация социума подразумевает владение каждым её индивидом информационной культуры, как неотъемлемым элементом эффективного жизненного цикла современной уникальной личности, способной пользоваться и совершенствовать навыки информатизации.

Список литературы

1. Виноградов В.А. Информационные потребности и информационная культура // Теория и практика общественно–научной информации. 2018. Вып. 4. С.48–60.
2. Витухновская А.А. Информационная культура выпускника школы: итоги одного исследования// Научные и технические библиотеки. 2018. № 7. С. 34–41.
3. Гендина Н.И. Информационная грамотность или информационная культура: альтернатива или единство (результаты российских исследований)// Школьная библиотека. 2017. № 3. С. 22.
4. Гендина, Н. И. Информационная и медийная грамотность в России: результаты исследования, выполненного по заказу ЮНЕСКО / Н. И. Гендина // Международный электронный научно-образовательный журнал «Медиа. Информация. Коммуникация». – 2013. – № 6.
5. Гендина, Н.И. Информационная культура личности: технология продуктивной интеллектуальной работы с информацией в условиях интернет-среды. В 2 томах. Т. 1: учебное пособие / Н.И. Гендина, Е.В. Косолапова, Л.Н. Рябцева; под редакцией 63 Н.И. Гендиной. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2020. — 357 с.
6. Гендина, Н.И. Информационная культура личности: технология продуктивной интеллектуальной работы с информацией в условиях интернет-среды. В 2 томах. Т. 2: учебное пособие / Н.И. Гендина, Е. В. Косолапова, Л.Н. Рябцева; под редакцией Н.И. Гендиной. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2020. — 309 с.
7. Гендина, Н.И. Медийно-информационная грамотность и информационная культура библиотечно-информационных специалистов в условиях цифровой среды: учебное пособие / Н.И. Гендина, Е.В. Косолапова, Л.Н. Рябцева; под редакцией Н.И. Гендиной. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2021. — 512 с.
8. Городнова, А.А. Развитие информационного общества: учебник и практикум для вузов / А.А. Городнова. — Москва: Юрайт, 2022. — 243 с.
9. Гречихин А.А. Информационная культура: опыт типологического определения // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Москва, 2017. С. 66–74.
10. Качева, Е. В. Формирование информационной культуры школьников на основе ресурсов школьных информационно-библиотечных центров [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / Е. В. Качева. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 844 Кб). – Челябинск: ЧИППКРО, 2021.

11. Колин К.К. Информационная культурология: философские и научнометодологические основания изучения развития информационной культуры человека и общества // Современные информационные технологии и ИТ-образование : сб. избр. тр. – М.: ИНТУИТ.РУ, 2013. – С. 4–13.

12. Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. – М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2015. – 288 с.

13. Минкина В. А. Формирование информационной культуры личности: роль библиографа // Мир библиографии. 2014. № 4. С. 21–23.

14. Нечитайло А.А., Депцова Т.Ю., Гнутова А.А. Информация и информационная культура: учебное пособие / А.А. Нечитайло, Т.Ю. Депцова, А.А. Гнутова [и др.]. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – 68 с.

ВЫБОР ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Ахмедова Эльмира Магомедгаджиевна
кандидат педагогических наук, доцент
Московская международная академия
Машковский Александр Александрович
аспирант 1 курса Московской международной академии

Аннотация

В данной статье анализируется формирование и развитие исследовательской компетентности, посредством выбора проблемы исследования, как базового катализатора эффективности всего процесса конкретного исследования и всего исследовательского пути личности.

Описываются условия формирования исследовательских компетенций, через понимание личности, как субъекта исследования, во взаимосвязи внутренних воззрений, как основных факторов способствующих выбору проблемы исследования, для включенности в сам его процесс, а не только конечный результат.

Отдельное внимание отводится описанию и последующему анализу уровней выбора проблемы исследования. Также, подробно рассмотрены моральный и социально-ориентированный уровни внутренних мотивов личности, находящейся на стадии выбора проблематики исследования.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, проблема исследования, моральный уровень, социально-ориентированный уровень, исследовательская компетентность, исследовательские компетенции.

CHOOSING A RESEARCH PROBLEM AS A KEY FACTOR IN THE EFFECTIVENESS OF RESEARCH ACTIVITIES AND THE DEVELOPMENT OF RESEARCH COMPETENCE

Elmira M. Akhmedova
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Moscow International Academy
Alexander A. Mashkovsky
1st year postgraduate student of the Moscow International Academy

Abstract

This article analyzes the formation and development of research competence by choosing a research problem as a basic catalyst for the effectiveness of the entire process of specific research and the entire research path of a person.

The conditions for the formation of research competencies are described, through understanding the personality as a subject of research, in the interrelation of internal views, as the main factors contributing to the choice of a research problem, for inclusion in its process itself, and not just the final result.

Special attention is given to the description and subsequent analysis of the levels of choice of the research problem. Also, the moral and socially-oriented levels of internal motives of a person who is at the stage of choosing a research problem are considered in detail.

Keywords: research activity, research problem, moral level, socially oriented level, research competence, research competencies.

Условия для формирования исследовательской компетентности имеют наилучшее основание с момента понимания внутренней потребности личности в решении поставленной задачи, как базовой включенности в процесс исследования, а не поверхностное решение очередной проблемы [8].

Заинтересованность в решаемом аспекте исследования позволяет субъекту исследования максимально использовать все ресурсы, для искреннего включения в предполагаемую исследовательскую работу, с глобальной целью, которая заключается в индивидуальном опыте исследовательского пути, на благо общих решаемых проблем социума, посредством исследовательской деятельности [4].

Процесс исследования является одним из инструментов образования и конкретной формы обучения. Однако, в большинстве случаев, обучающийся рассматривает данную деятельность, как вынужденный аспект образования. В данном контексте, исследовательская деятельность имеет поверхностный характер. В таком случае, мы ведем речь о необходимости внутреннего стремления учащегося, как субъекта исследования, выделить для себя интересные ему и актуальные для общественности проблемы, и отталкиваться от этого в последующем познании исследовательского пути – как ступени к формированию исследовательских компетенций [7].

Необходимость в понимании проблемы, на моральном уровне, или социально-значимом для самого субъекта исследования является большим шагом к формированию данного вида компетентности, так как ничто лучше не заставляет искать наиболее эффективные способы решения проблемы исследования, как искренне желание, основанное на внутренних мотивах, в решении той или иной проблемы [5].

Субъект исследования, в рассматриваемом контексте, представляет собой ключевую фигуру исследовательской деятельности, даже выше, чем сама проблема исследования. Фраза «понимание проблемы – это уже половина её решения» является к месту, в нашем понимании субъектно-ориентированного подхода исследовательской деятельности [1].

В субъекте исследования имеется внутренне понимание решения проблемы, на моменте её выбора, а способы решения данной проблемы – это цели и задачи, который он ставит перед собой в процессе. Но, именно внутреннее понимание есть у него изначально, так как, используя внешние факторы, он решает проблему исследования, имея ориентир на внутренние мотивы и ценности [3].

Выбор проблемы исследования мы рассматриваем на моральном и социально-значимом или социально-ориентированном уровне. Таким образом, моральные воззрения личности позволяют сделать выбор проблемы исследования, отталкиваясь от внутренних установок, требующих разрешения на внешнем анализе проблемы. Также, ощущение внутреннего дисбаланса, как ключевого фактора неудовлетворенности личности, как субъекта исследования, в отсутствии ответов на вопросы, которые возможно разрешить на исследовательском пути, позволяющем разрешить суть данного дисбаланса.

Эффективность и результативность исследования, как звена общего научно-исследовательского «хранилища», заключается, посредством рассматриваемого морального уровня выбора проблематики, в мотивации и понимании всего процесса, как формы становления эмоционального интеллекта индивида [2].

Социально-ориентированный уровень выбора проблемы исследования включает в себя понимание личности внешних факторов мироздания, ориентирования в социально-значимых проблемах общества. В данном контексте, в отличие от предыдущего уровня, ориентированного на внутренние ощущения и восприятия, данный уровень предполагает заинтересованность в разрешении окружающих, актуальных и своего рода современных проблемах социума, посредством исследовательской деятельности [6].

Таким образом, в нашем исследовании, мы описали необходимость формирования исследовательских компетенций, посредством изучения и анализа исследовательской деятельности, а именно, ориентирования на выбор проблемы исследования, как ключевого фактора эффективности самого исследования, а также, формирования и развития всего пути субъекта исследования. Выбор проблемы исследования начинается на уровне самой личности.

В данном контексте, с целью формирования максимального интереса к процессу исследования, нежели только результата. Внутренние и внешние факторы, которые мы обозначили как моральный и социально-ориентированный уровень выбора проблемы исследования, позволяют стать рациональным началом любого исследовательского пути.

Список литературы

1. Акбаева М.Д. Критерии и уровни развития исследовательской компетентности студентов // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. –2015. –№ 3(41). – С. 113-118.
2. Ансимова Н.П., Ракитина О.В. Научно-исследовательские компетенции как новообразования личности преподавателя педагогического вуза // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. Т. 2 «Психолого-педагогические науки». – 2010. – №4 (65). – С. 137-142.
3. Апазаова З.Н. Компетентностный подход в формировании исследовательской компетентности будущего педагога // Концепт. – 2012. – № 3. – С. 1-5.
4. Стефанова, Н.Л. Проблемы формирования исследовательских компетенций у магистрантов педагогического вуза / Н.Л. Стефанова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2018. – № 2(3). – С. 35-39. – EDN XWPQAH.
5. Тарханова, И.Ю. Формирование универсальных компетенций студентов вуза средствами учебной и производственной практики / И.Ю. Тарханова // Социально-политические исследования. – 2019. – № 1(2). – С. 110-118. – DOI 10.24411/2658-428X-2019-10344. – EDN KYFYYA.
6. Шадриков, В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход / В.Д. Шадриков // Высшее образование. – 2004. – № 8. – С. 26-31.
7. Шереметьева, Е.Н. Приоритетные направления развития вуза: научно-исследовательская деятельность / Е.Н. Шереметьева, Т.Е. Степанова // Вопросы инновационной экономики. – 2015. – Т. 5. – № 1. – С. 9-26.

8. Янюк, И.А. Формирование исследовательской компетентности студентов технических вузов: автореф. дис. … канд. пед. наук / Янюк Иван Александрович. – Шуя: ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2010.

ОНЛАЙН-КУРСЫ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ФОРМАТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: СОЗДАНИЕ И АПРОБАЦИЯ

Дмитрюк Наталья Васильевна
доктор филологических наук, профессор
Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова
Казахстан, Шымкент
Стычева Ольа Андреевна
кандидат педагогических наук, доцент
Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова
Казахстан, Шымкент
Мезенцева Елена Сергеевна
кандидат филологических наук
Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова
Казахстан, Шымкент

Аннотация
В статье рассматриваются вопросы составления, разработки, апробации и внедрения нового дистанционно-цифрового образовательного формата – массового открытого онлайн курса (МООК), его актуальность и целевую предназначенность в системе современного высшего и послевузовского образования для решения задач конкретной научной отрасли, в частности, применяемой для содержательного и методического обеспечения дисциплины «Культура русской речи и стилистика». Курс актуален на этапе профессионализации выпускников-бакалавров, он носит пропедевтический характер и строится с опорой на вузовскую подготовку, полученную в рамках освоения общеобязательных дисциплин лингвистического цикла.
***Ключевые слова*:** онлайн курс, методическое обеспечение, учебное моделирование

ONLINE COURSES AS A MODERN DISTANCE LEARNING FORMAT: CREATION AND APPROVAL

Natalya V. Dmitryuk
South Kazakhstan Pedagogical University named after U. Zhanibekovы
Kazakhstan, Shymkent
Olga A. Stycheva
South Kazakhstan Pedagogical University named after U. Zhanibekov
Kazakhstan, Shymkent
Elena S. Mezentseva
South Kazakhstan Pedagogical University named after U. Zhanibekov
Kazakhstan, Shymkent

Abstract
The article discusses the issues of compilation, development, testing and implementation of a new distance-digital educational format – a massive open online course (MOOC), its relevance and target purpose in the system of modern higher and postgraduate education for solving the tasks of a specific scientific branch, in particular, applied for the substantive and methodological support of the discipline “Culture of the Russian speech and stylistics”. The course is relevant at the stage of professionalization of bachelor’s graduates. It is of a propaedeutic nature and is based on the university training obtained as part of the study of mandatory disciplines of the linguistic cycle.
Keywords: online course, methodological support, educational modeling

Массовый открытый онлайн курс (далее МООК) – это разрабатываемый и внедряемый в образовательное пространство современный дистанционно-цифровой формат обучения с массовым интерактивным участием, с применением технологий электронного обучения и открытым доступом через Интернет, одна из форм дистанционного образования. Такие курсы включают в себя обязательные аудио и видео фрагменты, тексты для чтения теоретического (лекционного) характера и практического усвоения (задания и упражнения), а также вопросы и тестовые задания, различные элементы контрольного типа, задания для суммативного оценивания и для самопроверки по завершению курса, а также для подготовки к сдаче итогового экзамена с целью получения сертификата обучения.

Из истории создания и функционирования МООК

Видеозаписи лекций по разным общеобразовательным дисциплинам появились впервые в конце 1990-х годов и стали популярны с распространением Интернета – не только как новейшего средства коммуникации, но и как обучающей структуры, активно внедряемой в образовательное пространство. Прообразом МООК был сервис Open Course Ware Массачусетского технологического института. Онлайн-курсы задумывались как дистантная форма обучения с бесплатным доступом для неограниченного числа людей

Термин «МООК» впервые использовали в 2008 году. В нулевые 2000-е годы с появлением интерактивных форумов и обучающих площадок стало очевидной эффективность такой формы дистанционного общения и обучения. Этому же способствовало создание и распространение множества социальных сетей, а с 2012 года разнообразные формы МООК стали популярны с инвестициями в Coursera, Udacity и Udemy. Причем, следует отметить, что ранние сайты, на которых размещались онлайн-курсы, пропагандировали массовый открытый доступ, а более поздние стремятся сделать контент платным и отчасти закрытым.

МООК (в латинице МООС) и их классификация. Разновидности МООК

Ставшие популярными в последнее время массовые открытые онлайн курсы рассчитаны на слушателей различных уровней подготовки. Самые востребованные из них собирают десятки и сотни слушателей: численность участников фактически никак не ограничена, основана на добровольных началах, без ограничения просмотра, чтения, комментариев. Обучение при этом полностью проводится в дистанционном формате в сети интернет; используются как асинхронные (например, самостоятельное изучение материалов), так и синхронные (например, вебинары) методы электронного обучения.

Такие курсы обладают обязательными учебными характеристиками: есть преподаватели и обучаемые (участники); представлены дидактические учебные материалы; фиксируются даты начала обучения на курсах и его окончания; содержание курса обычно разделено на обучающие модули, в которых принято примерно одинаковое число часов на усвоение теоретического материала, его практическое усвоение, закрепление навыков, задания на самопроверку и иных событий внутри курса; предполагается наличие обязательных элементов контроля (текущего и итогового) результатов обучения; трудоемкость таких контрольных элементов может выражаться в разнообразных зачетных единицах.

Итак, МООК, или МООС – это массовый (massive), открытый (open), онлайн (online), курс (course) – вид дистанционных образовательных программ, предполагающий неограниченное число участников и открытый доступ через интернет.

В зависимости от целевой аудитории можно выделить несколько модификаций курсов МООК / МООС:

BOOC (big open online course) – большой открытый онлайн курс (до 100 участников);
SOOC (selectively open online course) – открытые курсы с отбором участников;
COOC (corporate open online course) – корпоративный открытый онлайн курс;
SPOC (small private online course) – небольшой закрытый онлайн курс;
GROOC (group open online course) – курсы с обучением в небольших группах;
SMOC (synchronous open online course) – синхронный массовый онлайн курс;
POOC (private open online course) – индивидуализированный онлайн курс;
TORQUE (tiny, open-with-restrictions courses, focused on quality and efectiveness) – маленький, открытый с ограничениями онлайн курс, сфокусированный на качестве и эффективности.

Приобретенный за последнее время опыт и наработанная практика обучения в формате МООК обнаружила ряд некоторых проблем и не решенных пока задач, среди которых можно назвать такие, как отсутствие единых стандартов качества курсов, недостаточность мотивации и самоорганизации отдельных категорий слушателей, которые по этой причине не заканчивают, а бросают курсы, не прослушав их до конца.

МООК дисциплины «Культура речи и стилистика»

МООК по дисциплине «Культура речи и стилистика» разработан для использования на платформе *Goursera* широким кругом потребителей, осваивающих (и освоивших) образовательные программы (ОП) высшего и (или) послевузовского образования (ОВПО). Разработка *МООК,* ведущего к реализации задач конкретной научной отрасли, в данном случае дидактической, применяемой для содержательного и методического обеспечения дисциплины «Культура речи и стилистика», была организована в несколько этапов:

- определение объекта-применения;
- анализ и отбор необходимого учебного материала;
- моделирование учебных действий адресата;
- определение результата через систему регулируемого оценивания.

Цель курса – выработка коммуникативных навыков в деловой сфере употребления русского языка, письменной и устной его разновидностях, расширение лингвистического кругозора обучающихся, повышение уровня практического владения современным русским литературным языком

Задачи курса:

- ознакомить обучающихся с основами современной теории стилистики;
- дать представление об исторической изменчивости стилистических норм, их зависимости от сферы употребления языка;
-развить навыки анализа образцовых текстов, редактирования деформированных и создания оригинальных текстов с использованием жанрово-ситуативных разновидностей деловой речи;

Ожидаемые результаты обучения:

- систематизация знаний о сферах официально-делового общения;
- сформированность навыков соотнесения правила с речевыми фактами и свободного владения письменной и устной формами литературного языка;
- выработка навыков соблюдения норм современного литературного языка, введение в активный словарный обучающихся трудных с точки зрения орфоэпии и употребления слов русского языка;

- выбор языковых единиц в соответствии с закономерностями их варьирования;
- умение строить связные устные и письменные высказывания в различных условиях делового общения

Традиционно лекционный материал призван сформировать у обучающихся прочную теоретическую базу, в которой стержневыми понятиями будут дефиниции: виды речевой деятельности, культура речи, норма, качества речи, речевая характеристика, речевые ошибки, типы текстов, стили и жанры. Особое место отводится практическим действиям обучающихся: предполагается продолжение работы над формированием понятийного уровня и выполнение системы заданий, связанных с овладением нормами произношения, словоупотребления, синтаксического конструирования, и упражнений, призванных способствовать повышению общего уровня речевой культуры обучаемых.

Составители программы внесли отдельные коррективы в методологию проектирования, предложенную в Требованиях и критериях разработки МООК [Астана, 2023]. Отказавшись от сложных программных кодов, разработчики предложили для улучшения характеристик управления, применения и верификации дидактического обеспечения предмета апробированный в практике преподавания курс «Культура речи и стилистика». В качестве основного компонента УМКД использовалось учебно-методическое пособие, составленное д.ф.н., профессором Н.В. Дмитрюк [Дмитрюк, 2017] для студентов, осваивающих образовательную программу филологической направленности.

В процессе составления МООК для динамического и эффективного воздействия на реализацию поставленных задач разработчики следовали установленным рекомендациям по структурированию и оформлению программы. Что касается содержания приложений, то оно носит адаптированный характер, отражая специфику учебной дисциплины, авторское видение целей и задач МООК, а также лингводидактических условий их реализации с учетом познавательных действий обучающихся.

Эмпирическое построение модели на основе метода идентификации позволило собрать и обработать исходные данные с уже существующим алгоритмом освоения предмета. Сконструированная модель используется для динамических характеристик объекта и для определения содержательного обеспечения курса. Для трансформации содержания в методическую плоскость предлагается онлайн-моделирование, которое обеспечивается лекциями и видеопрезентациями. Время отклика динамической системы на входные данные исследуется путем практических заданий, выполняемых после усвоения темы каждой лекции в виде простой линейной системы. Регулятором проверки освоенного материала всех модулей является система тестовых заданий. Общий контроль знаний, умений и навыков, приобретенных в процессе освоения предмета, определяется результатами самостоятельно выполненного эссе, предлагаемого на заключительном этапе с целью проверки усвоения разделов и тем и выставления балла итогового контроля.

Курс разработан для использования на платформе *Goursera* с широким кругом обучающихся – студентов-бакалавров, магистрантов и докторантов, которым необходимо освоить навыки правильной, образной и логичной речи, а также основы речевого мастерства и ораторского искусства, а также может быть адресован широкому кругу пользователей, освоивших образовательные программы бакалавриата, он ориентирован на дальнейшее совершенствование профессиональной компетентности, в которой коммуникативная грамотность имеет первостепенное значение.

Курс актуален на этапе профессионализации выпускников-бакалавров, он носит пропедевтический характер и строится с опорой на вузовскую подготовку, полученную в рамках освоения общеобязательных дисциплин лингвистического цикла.

Объектом учебной дисциплины являются коммуникативные качества речи в их совокупности и системе, а предметом – языковая структура речи в ее коммуникативном воздействии. В центре внимания – речеведческие понятия и языковые единицы, которые оказываются востребованными при организации различных видов устной ипиcьменной речи (слушание, говорение, чтение, письмо). При этом должное внимание обращается на характеристику ситуации и мотивов общения, что ориентирует на освоение функциональных особенностей языковых единиц разных уровней. Содержание МООК составили различные аспекты речевой культуры, дающие представление о современном состоянии русского языка, его нормативности, кодифицированности и функционировании.

Курс ориентирован на рассмотрение вопросов теоретического обоснования и описания культуры речи и стилистики применительно к деловому общению; анализируется нормативное использование языковых средств в официально-деловой сфере общения; применяются знания о грамматической, орфоэпической правильности; лексическом разнообразии письменного текста и устного выступления на практике. Демонстрируются коммуникативные качества, навыки и умения правильного произношения

Курс рассчитан на 3 модуля, включающих пять занятий, и предполагает еженедельную организацию познавательной деятельности в объеме трех-четырех часов, что необходимо для полноценного освоения материала. В рамках каждой недели предусмотрено: прослушивание лекции, просмотр видеоматериалов, изучение теоретических сведений и выполнение разноуровневых заданий для их закрепления. Качество выполнения практических заданий, предлагаемых после усвоения темы каждой лекции, выводит на уровень формативного оценивания. Изучение модуля завершается тестовой системой проверки освоенного материала и обеспечивает суммативное оценивание в пределах пяти пройденных тем. На этапах формативного и суммативного контроля приветствуется самоанализ и самооценивание со стороны обучаемых. Итоговый балл выставляется по результатам самостоятельно выполненного эссе, предлагаемого на заключительном этапе освоения курса.

Предлагаемый МООК состоит из трех разделов – 3 модулей: 1. Общие проблемы культуры речи (составитель к.ф.н. Е.С. Мезенцева), 2. Грамматические нормы языка (составитель д.ф.н., профессор Н.В. Дмитрюк) и 3. Стилистика речи (составитель к.ф.н. доцент О.А. Стычева); каждый из модулей состоит из пяти занятий, предполагающих еженедельную организацию познавательной деятельности в объеме трех-четырех часов, что необходимо для полноценного освоения материала. Авторы разработали и создали своеобразный современный свод теоретически обоснованных орфоэпических и лексико-грамматических правил и установок и сопровождающий их методический комплекс упражнений, заданий, тренировочных и контрольных тестов для усвоения программного материала.

Системно организованное обучение по данному курсу предусматривает прослушивание лекции, просмотр видеоматериалов, изучение теоретических сведений и выполнение разноуровневых заданий для их закрепления. Качество выполнения практических заданий, предлагаемых после усвоения темы каждой лекции, выводит на уровень формативного оценивания.

Несомненным достоинством представленного комплекса является использование современных инновационных методов и приемов цифровизации в образовательных целях, включение аудио- и видео материалов по каждой теме, что стимулирует познавательный интерес обучаемых и способствует более прочному запоминанию и усвоению предлагаемого учебного материала.

Список литературы

1. Требования и критерии разработки МООК. Составители Н.Ж. Сулейменова, К.К. Тлеужанов. – Астана, 2023.
2. Дмитрюк Н.В. Культура русской речи. Курс лекций. Шымкент: ЮКГПУ. – 2017. 168 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДЧИКА В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лежнин Валерий Александрович
Московская международная академия

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния нейросетевых технологий на профессиональные стратегии переводчика, особенно в сфере деловой переписки. Рассматриваются фундаментальные сдвиги в переводческой парадигме, вызванные внедрением искусственного интеллекта. Обосновывается формирование новой профессиональной идентичности переводчика, интегрирующей технологические и гуманитарные компетенции. Анализируются ключевые направления трансформации переводческой деятельности: от межъязыкового посредничества к технологически опосредованному экспертному сопровождению коммуникации. Сформулирована концепция интегративного подхода к подготовке переводчиков, эффективно взаимодействующих с нейросетевыми технологиями.

Ключевые слова: нейросетевые технологии, профессиональная трансформация, переводческие стратегии, постредактирование, интегративный подход, деловая переписка, цифровые компетенции.

TRANSFORMATION OF TRANSLATOR'S PROFESSIONAL STRATEGIES IN THE ERA OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES: THEORETICAL ASPECT

Valeriy A. Lezhnin
Moscow International Academy

Abstract

The article examines the influence of neural network technologies on the professional strategies of translators, especially in business correspondence. Fundamental shifts in the translation paradigm caused by artificial intelligence integration are considered. The formation of a new professional identity of translators, integrating technological and humanitarian competencies, is substantiated. Key transformations of translation activity are analyzed: from interlanguage mediation to technologically mediated expert communication support. The concept of an integrative approach to training translators capable of effectively interacting with neural technologies is proposed.

Keywords: neural network technologies, professional transformation, translation strategies, post-editing, integrative approach, business correspondence, digital competencies.

Интеграция нейросетевых технологий в профессиональную сферу перевода знаменует собой смену парадигмы, сопоставимую по масштабу с появлением компьютеризированных инструментов перевода в конце XX века. Однако в отличие от предыдущих технологических революций, современная трансформация затрагивает саму сущность переводческой деятельности – формируется принципиально новая экосистема, в которой переводчик выступает уже не столько создателем перевода, сколько координатором сложного процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации, опосредованного искусственным интеллектом.

Проблема влияния машинного перевода на профессиональные стратегии переводчика приобретает особую актуальность в контексте деловой переписки – сферы, где точность, стилистическая корректность и соответствие конвенциям делового общения имеют критическое значение. В этой сфере проявляется ключевое противоречие современной переводческой практики: нейросетевые технологии значительно повысили продуктивность процесса перевода, но и выдвинули новые требования к компетенциям переводчика. Согласно Лян Юй и У Дунчжэну, «в процессе локализации недостаточно корректный перевод текста может привести к его несоответствию культурным нормам носителей целевого языка» [4, с. 152]. Этот тезис особенно актуален в отношении деловой коммуникации, где культурные конвенции и стилистические нормы существенно различаются даже в близких языковых сообществах.

Формирование новой профессиональной идентичности переводчика происходит в условиях, когда, по наблюдению Фэн Чживэя и Чжан Дэнкэ, «технологическое развитие в цифровую эпоху разрушило традиционную парадигму гуманитарных исследований и способ производства знаний» [8, с. 8]. Цель данной статьи – теоретическое осмысление трансформации профессиональных стратегий переводчика под влиянием нейросетевых технологий и формулирование концептуальных основ интегративного подхода к подготовке специалистов новой формации.

Трансформация от механистических правиловых систем (RBMT) через статистические модели (SMT) к нейронному машинному переводу (NMT) отражает фундаментальные изменения в подходе к автоматизированному переводу. Концептуальное отличие нейронного машинного перевода заключается в принципиально ином подходе к обработке языка – от сегментированного анализа отдельных лингвистических единиц к целостному восприятию текста.

Как отмечает Чэнь, современные системы NMT «используют механизм внимания во время декодирования, что значительно улучшает грамматическую корректность перевода» [16, с. 664]. Это позволяет системам нового поколения генерировать тексты, отличающиеся не только лексико-грамматической правильностью, но и стилистической когерентностью. Модель Transformer произвела революцию в сфере NMT благодаря применению механизма самовнимания (self-attention), позволяющего системе одновременно анализировать все элементы исходного текста и устанавливать между ними сложные семантические взаимосвязи.

Исследование Ян и соавторов показало, что «точность переводов при использовании данного подхода увеличилась с 83,18% до 94,42%» [23, с. 425]. Технологический прогресс привел к появлению крупномасштабных моделей машинного обучения,

таких как GPT, BERT и другие, которые благодаря самообучению на огромных массивах многоязычных текстов достигают беспрецедентного уровня понимания языка.

В исследовании Ali и коллег отмечается, что современные системы машинного перевода особенно успешны при работе с текстами, имеющими четкую структуру и стандартизированную лексику [14, с. 2370]. Это делает их эффективными при переводе деловой корреспонденции, где соблюдение определенных стилистических конвенций является нормой. Вместе с тем, несмотря на значительный прогресс, системы машинного перевода продолжают демонстрировать ряд существенных ограничений. Savoldi и соавторы отмечают, что современные системы «часто выбирают маскулинную форму по умолчанию и неадекватно представляют феминные референции» [21, с. 848]. Это проявление более широкой проблемы культурной нейтральности систем машинного перевода, неспособных адекватно передавать культурно-специфические нюансы текста.

Технологический прогресс инициировал глубинную трансформацию профессиональной роли переводчика. Происходит смещение фокуса от непосредственного создания перевода к экспертному сопровождению технологически опосредованного коммуникативного процесса. Современный переводчик, по определению Ван Хуашу, все больше выступает в роли «лингвокультурного технолога», способного интегрировать технические инструменты и гуманитарные знания для обеспечения эффективной межкультурной коммуникации [1, с. 198]. Такая трансформация отражает фундаментальные изменения в характере переводческой деятельности, приобретающей черты проектного менеджмента.

В условиях широкого внедрения нейросетевых технологий возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, возрастает скорость и объем выполняемых переводов, с другой – повышаются требования к экспертной оценке и редактированию текстов, генерируемых системами машинного перевода. По мнению Ли Жуйлиня, «переводческая компетентность уступает место переводческой грамотности как более комплексному феномену, включающему технологические, социокультурные и этические аспекты» [3, с. 48]. Наиболее ярким проявлением трансформации профессиональной роли переводчика является стремительное развитие постредактирования машинного перевода (PEMT) как самостоятельного вида профессиональной деятельности.

PEMT предполагает не только коррекцию лексико-грамматических ошибок, но и адаптацию текста к культурному контексту, стилистическим нормам и коммуникативным интенциям. Фесенко рассматривает современный переводческий процесс как «разновидность когнитивной деятельности человека, предполагающей взаимодействие когнитивных и языковых структур индивида в самом широком контексте его психосемиотической характерологии» [7, с. 66].

В этой парадигме переводчик выступает не как механический транслятор текста, а как когнитивный агент, осуществляющий сложную мыслительную деятельность. Особую значимость приобретает этическая составляющая переводческой деятельности. Переводчик становится гарантом этичности и культурной сенситивности межъязыковой коммуникации, предотвращая возможные негативные последствия некритического использования технологий.

Как отмечает Киршхофф, «машинный перевод может воспроизводить и усиливать существующие в обществе стереотипы и предубеждения», что требует от переводчика повышенной бдительности и критического мышления [17, с. 395]. Анализируя трансформацию профессиональных стратегий переводчика при работе с деловой корреспонденцией, необходимо отметить возрастающую роль предредактирования исходных текстов как способа повышения эффективности машинного перевода. Предредактирование предполагает упрощение сложных синтаксических конструкций, унификацию терминологии и устранение потенциальных источников неоднозначности.

Технологическая трансформация переводческой деятельности ведет к переосмыслению структуры профессиональных компетенций. Традиционная модель, ориентированная преимущественно на лингвистические навыки, дополняется новыми компонентами, отражающими технологическую сложность современной переводческой практики. Анализируя эволюцию переводческих компетенций, можно выделить несколько ключевых направлений их трансформации:

1. Технологическая грамотность становится фундаментальным компонентом профессиональной компетентности. По мнению Чжоу Чжунляна, переводчик должен «владеть не только традиционными инструментами компьютерного перевода (CAT), но и методами эффективного взаимодействия с нейросетевыми системами» [11, с. 138]. Это включает способность формулировать эффективные промпты для генерации качественного машинного перевода и умение оценивать надежность результатов.
2. Информационно-аналитические навыки приобретают особую значимость в контексте работы с большими объемами данных. Переводчик должен уметь создавать и поддерживать терминологические базы, осуществлять контекстуальную маркировку текстов и эффективно управлять информационными потоками. Как отмечает Marita и соавторы, «способность интегрировать различные источники информации и анализировать лингвистические данные становится ключевым фактором эффективности» [19, с. 27].
3. Критическое мышление и навыки постредактирования формируют ядро профессиональной компетентности. По наблюдению Reballiwar и соавторов, «постредактирование требует не только лингвистической компетентности, но и способности идентифицировать и корректировать системные ошибки машинного перевода» [20, с. 8]. Это предполагает развитие специфических когнитивных навыков для эффективного анализа результатов машинного перевода.
4. Цифровая этика и информационная безопасность становятся неотъемлемыми компонентами профессиональной компетентности. В условиях использования облачных технологий переводчик должен демонстрировать высокий уровень осведомленности о рисках информационной безопасности. Как указывает Чжу Чжитин, «этические аспекты использования искусственного интеллекта требуют особого внимания в контексте формирования новой парадигмы» [12, с. 12].
5. Мультимодальная компетентность отражает расширение спектра форматов, с которыми работает современный переводчик. Традиционный текстоцентричный подход уступает место интегративному, учитывающему взаимодействие различных семиотических систем. По мнению Шастри и Вишвакарма, «технологии распознавания

изображений и извлечения текста становятся важными инструментами в арсенале современного переводчика» [22, с. 47].

6. Социокультурная мобильность приобретает новое измерение в контексте глобальной цифровой коммуникации. Как отмечает Рябова, «переводчик не только видит и понимает другую картину мира, обладая «билингвокогнитивным сознанием», но и транслирует лингвокультурные смыслы» [5, с. 132]. В условиях автоматизации многих аспектов перевода именно способность интерпретировать культурно-специфические элементы становится ключевым преимуществом перед системами машинного перевода.

При переводе деловой переписки особую значимость приобретает комбинация навыков технологического взаимодействия с системами машинного перевода и глубокого понимания конвенций деловой коммуникации в различных культурных контекстах. Как отмечает Сагратян, переводчик выступает в роли «мембраны между автором и читателем, регулируя колебаниями биоритмов авторского текста процесс считывания его в стилистической неповторимости» [6, с. 128].

Трансформация переводческих компетенций требует переосмысления методологических основ подготовки специалистов в области перевода. Интегративный подход, объединяющий технологические и гуманитарные аспекты, представляется наиболее адекватным ответом на вызовы технологической трансформации. Сущность интегративного подхода заключается в формировании целостной профессиональной личности, способной эффективно использовать технологические инструменты при сохранении гуманитарной основы переводческой деятельности.

Как отмечает Рябова, «интегративные процессы в переводческом образовании направлены на подготовку такого специалиста, переводческое решение которого основано на самокритичности, объективности и стремлении к совершенствованию профессиональных качеств» [5, с. 134]. Реализация интегративного подхода предполагает несколько ключевых направлений трансформации системы подготовки переводчиков:

1. Модернизация содержания образования – включение в учебные планы курсов, посвященных технологическим аспектам переводческой деятельности. Как отмечает Чэнь Цзяньлинь, «технологические компоненты должны органично интегрироваться с традиционными лингвистическими и культурологическими дисциплинами» [13, с. 18].

2. Трансформация образовательных практик – внедрение проектно-ориентированного обучения, моделирующего реальные условия профессиональной деятельности. По мнению Халеевой, «эффективное формирование профессиональных компетенций возможно только в контексте решения комплексных практических задач» [9, с. 124]. Это предполагает создание цифровых переводческих лабораторий, обеспечивающих доступ к современным технологиям.

3. Развитие рефлексивного мышления – формирование способности критически оценивать результаты своей деятельности и деятельности систем машинного перевода. Как отмечает Klimova и соавторы, «рефлексивное мышление становится ключевым фактором эффективности переводческой деятельности в условиях технологической трансформации» [18, с. 668].

4. Формирование этической позиции – воспитание осознанного отношения к этическим аспектам использования технологий. По мнению Ван Хуашу и Лю

Шицзе, «цифровая этика становится неотъемлемым компонентом профессиональной компетентности переводчика» [2, с. 72].

5. Интеграция с профессиональным сообществом – установление тесных связей с профессиональной средой, обеспечивающих актуальность образовательного процесса. Как отмечает Ван Хуашу, «создание отраслевых стандартов и системы сертификации является важным фактором повышения качества подготовки специалистов» [1, с. 199]. Особую значимость в контексте подготовки переводчиков для работы с деловой корреспонденцией приобретает формирование комплексной компетентности, включающей технологические навыки и понимание конвенций деловой коммуникации.

Как отмечает Berger и Packard, «анализ эмоционального тона языка в текстах позволяет оценить общественное настроение по ряду тем», что важно при работе с деловой корреспонденцией, требующей высокой культурной сенситивности [15, с. 530]. Интегративный подход должен учитывать не только текущее состояние технологий, но и перспективы их развития.

Чжан Чжэньюй и Хун Хуацин подчеркивают, что «ChatGPT и аналогичные системы создают индивидуализированную среду обучения и демонстрируют хорошие функции межличностного взаимодействия» [10, с. 39]. Интеграция таких систем в образовательный процесс может повысить его эффективность, создавая персонализированные траектории обучения.

Проведенный анализ влияния нейросетевых технологий на профессиональные стратегии переводчика позволяет сделать ряд существенных выводов.

Во-первых, технологическая трансформация переводческой деятельности носит фундаментальный характер, затрагивая саму сущность профессиональной идентичности переводчика. Происходит смещение фокуса от непосредственного создания перевода к экспертному сопровождению технологически опосредованного коммуникативного процесса. Переводчик выступает в роли «лингвокультурного технолога», интегрирующего технологические инструменты и гуманитарные знания.

Во-вторых, трансформация профессиональных стратегий отражает диалектическое единство технологических и гуманитарных аспектов.

Несмотря на достижения нейросетевых технологий, они продолжают оставаться инструментом, требующим квалифицированного человеческого сопровождения, особенно в сферах, где культурный контекст имеет критическое значение.

В-третьих, новая модель переводческих компетенций представляет собой многомерную структуру, интегрирующую технологические, когнитивные, социокультурные и этические компоненты.Технологическая грамотность, информационно-аналитические навыки, критическое мышление, цифровая этика, мультимодальная компетентность и социокультурная мобильность формируют ядро профессиональной компетентности современного переводчика.

В-четвертых, интегративный подход к подготовке переводчиков, объединяющий технологические и гуманитарные аспекты, представляется адекватным ответом на вызовы технологической трансформации. Реализация этого подхода предполагает модернизацию содержания образования, трансформацию образовательных практик, развитие рефлексивного мышления, формирование этической позиции и интеграцию с профессиональным сообществом.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с эмпирическим изучением конкретных практик использования систем машинного перевода при переводе деловой переписки и разработкой детализированной методологии подготовки переводчиков, ориентированной на формирование комплексных профессиональных компетенций, адекватных вызовам технологической трансформации.

Список литературы

1. Ван Хуашу. Исследование стандартов технологии перевода в эпоху искусственного интеллекта // Переводоведение в Китае. 2024. № 2. С. 197–209.
2. Ван Хуашу, Лю Шицзе. Исследование цифровой грамотности переводчиков в перспективе цифровых гуманитарных наук: понятие, проблемы и предложения // Теория и практика преподавания иностранных языков. 2023. № 2. С. 70–79.
3. Ли Жуйлинь. От переводческой компетентности к грамотности переводчика: смена целей преподавания перевода // Китайский перевод. 2011. № 1. С. 46–51.
4. Лян Юй, У Дунчжэн. Анализ построения идентичности переводчика в цифровых гуманитарных науках: с точки зрения инструментов перевода в преподавании // Сравнительные исследования текстовых инноваций. 2024. № 1. С. 151–154.
5. Рябова М.Э. Интегративные процессы как основа повышения качества подготовки переводчиков // Интеграция образования. 2014. № 2. С. 130–135.
6. Сагратян А. На скорости света // Переводчик: науч.-худож. журн. Чита, 2011. Вып. 11. С. 128–130.
7. Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку: сб. науч. трудов, посвящ. Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж: ИЯ РАН; Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 65–71.
8. Фэн Чживэй, Чжан Дэнкэ. ChatGPT и языковое образование // Аудиовизуальное обучение иностранным языкам. 2023. № 3. С. 6–12.
9. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). Москва: Высшая школа, 1989. 238 с.
10. Чжан Чжэньюй, Хун Хуацин. Обучение иностранным языкам с поддержкой ChatGPT: расширение возможностей, проблемы и стратегии // Сообщество иностранных языков. 2023. № 2. С. 39–45.
11. Чжоу Чжунлян. Потенциал применения ChatGPT в преподавании перевода // Журнал Пекинского университета иностранных языков. 2023. № 4. С. 134–146.
12. Чжу Чжитин, Хань Чжунмэй, Хуан Чанцинь. Искусственный интеллект (eAI) в образовании: новая парадигма искусственного интеллекта // Исследования по аудиовизуальному образованию. 2021. № 1. С. 5–15.
13. Чэнь Цзяньлинь. Воплощение и применение технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестник Второго пекинского университета иностранного языка. 2020. № 1. С. 14–24.
14. Ali M.N.Y., Rahman M.L., Chaki J., Dey N., Santosh K.C. Machine translation using deep learning for universal networking language based on their structure // International Journal of Machine Learning and Cybernetics. 2021. Vol. 12, № 8. P. 2365–2376.

15. Berger J., Packard G. Using natural language processing to understand people and culture // American Psychologist Association. 2022. Vol. 77, № 4. P. 525–537.

16. Chen T. Design of translation error correction system based on improved SEq2SEQ // Procedia Computer Science. 2024. Vol. 243. P. 663–669.

17. Kirchhoff P. Machine translation in English language teaching // ELT Journal. 2024. Vol. 78, № 4. P. 393–400.

18. Klimova B., Pikhart M., Benites A.D., Lehr C., Sanchez-Stockhammer C. Neural machine translation in foreign language teaching and learning: a systematic review // Education and Information Technologies. 2022. Vol. 28, № 1. P. 663–682.

19. Marita, Tom E.M., Kanna R.R. Language translation application based on machine learning // Artificial Intelligence Implementation in Education Processes. Deep Science Publishing, 2025. P. 22–33.

20. Reballiwar L., Yergude S., Urade V., Birewar S., Karmarkar Prof. Language Translation Using Machine Learning // International Journal of Advanced Research in Science Communication and Technology. 2023. Vol. 3, № 1. P. 1–9.

21. Savoldi B., Gaido M., Bentivogli L., Negri M., Turchi M. Gender bias in machine translation // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2021. Vol. 9. P. 845–874.

22. Shastri S., Vishwakarma S. An efficient approach for Text-to-Speech conversion using machine learning and image processing technique // International Journal of Engineering and Manufacturing. 2023. Vol. 13, № 4. P. 44–49.

23. Yang X., Cui Q., Dong X. Language System path of Intelligent Machine Translation // Procedia Computer Science. 2024. Vol. 243. P. 423–430.

УЗБЕКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сандыбаева Нуржамал Ануарбековна
кандидат филологических наук, доцент
Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова
Казахстан, Шымкент

Аннотация

В статье рассматриваются особенности узбекских заимствований в русском языке, причины, условия возникновения и актуализации интеркультурем, их деривационные производные и функции, приводятся примеры из разговорной и публицистической речи, говорится об укоренении русского языка и русской культуры в социоментальном пространстве Узбекистана; фиксируются лингвистические изменения в русском языке Узбекстана в постсоветский период, называются проблемы нынешнего статуса русского языка в Узбекстана.

Ключевые слова: заимствование, словообразовательная деривация, узбекизмы, русизмы, инофоны, адаптация

UZBEK BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Nurzhamal A. Sandybaeva
South Kazakhstan Pedagogical University named after U. Zhanibekov
Kazakhstan, Shymkent

Abstract

The article examines the features of Uzbek borrowings in the Russian language, the reasons, conditions for the emergence and actualization of intercultures, their derivational derivatives and functions, provides examples from colloquial and journalistic speech, discusses the rooting of the Russian language and Russian culture in the socio-mental space of Uzbekistan, records linguistic changes in the Russian language of Uzbekistan in the post-Soviet period, and identifies the problems of the current status of the Russian language in Uzbekistan.

Keywords: borrowing, derivational derivation, Uzbekisms, Russisms, foreign speakers, adaptation

Любой язык, проходя закономерные стадии своего развития на протяжении сотен и тысяч лет, неизменно обрастает включениями, пришедшими в него из других наречий. Естественно, это произошло и с русским, и с узбекским языком, носители которого проживали на пересечении множества цивилизаций, контактировали и продолжают взаимодействовать с представителями сотен языков и десятков языковых групп.

Плотное взаимодействие, особенно в последние 50-100 лет, носителей русского и узбекского языков не могло не привести к взаимопроникновению немалого количества слов в оба языка.

Заимствованная лексика в любом языке является наиболее красноречивым свидетелем исторического диалога культур народов. Известно, что появление иноязычных слов – естественный и необходимый процесс языкового развития, способствующий обогащению лексического состава и совершенствованию языка. Лексические заимствования являются результатом контактирования не только языков, но и различных этнических общностей, каждая из которых характеризуется своеобразием культуры. Лексика чутко реагирует на все культурные изменения, поскольку ее предназначение – номинация явлений и предметов данной культуры. Заимствование происходит практически на любом пласте существования языка. И взаимодействие между народами достаточно легко проследить именно через призму отслеживания реалий, которые находят свое отражение в языке. Особенно это касается тюркоязычных заимствований, ведь взаимодействие русского и тюркских народов происходит на протяжении свыше тысячи лет. Как следствие, активно пополнялся общий словарный запас языков. Тюркские слова настолько прочно вошли в словарный состав языка, что часто не воспринимаются как заимствования.

К настоящему времени в отечественной лингвистике накоплен обширный материал по изучению роли и места тюркизмов в словарном составе русского, и др. языков. В результате разносторонних связей с ближними и дальними соседями словарный состав русского языка пополнялся иноязычными словами. Но при этом сохранялась основная лексика и грамматический строй русского языка. Например, такие тюркизмы, как *боярин, богатырь, жемчуг, кумыс, телега, орда,* проникали в русский язык благодаря соседству Киевской Руси с такими тюркскими, как племенами – булгарами, половцами, печенегами. Тюркские слова настолько прочно вошли в словарный состав языка, что часто не воспринимаются как заимствования. Прежде всего, лексемы пришедшие через посредство тюркских языков, в частности, узбекского языка по происхождению могут быть персидско-таджикскими (алыча, дервиш, дутар, ишан, сюзане) или арабскими (атлас, ассалом алейкум, амбал, аския, газават, газель, джин, Раис, медресе, мечеть, муэдзин). Следует также учитывать достаточно активное словообразование на базе восточных заимствований в русском языке (ср. арычек, кетменщик, каракулевод, урючина, курашист, карнайщик, лагманная, мусульманка, суфизм, махаллинцы и мн.др.). (см. об этом: [Асфандияров, 1991, с.59-50]).

Но теперь часто происхождение тюркизмов, проникших в русский язык, русизмов, проникших в узбекский язык, обнаруживается только с помощью этимологического анализа.

В узбекском языке имеется немало слов, заимствованных из русского языка и через русский. В бытовой узбекской разговорной речи (особенно в крупных городах) употребляется большое количество русских слов, например: *театр, вокзал, билет, пальто, костюм, телефон, лампочка, автобус, кино, сумка, метр, кило, консерва, грамм, стол, стул, шкаф, стакан, банка, булка печенье, помидор, конфет, магазин* и многие другие. Немало русских слов вошло в обычную устную и письменную речь *(парта, доска, резинка, карта, перо, ручка, линейка, циркуль, арифметика, география, спорт, футбол, волейбол, зал, буфет, портфель, папка* и т. д.) [Фасмер, 2004]/

Слова, очень давно вошедшие из русского языка в узбекский, подверглись сильной фонетической ассимиляции и по своей звуковой структуре мало отличаются от узбекских слов, например: *чўтка – щётка, адёл* – одеяло, *талинка* – тарелка, *чўт* – счёты, *қулупнай* – клубника, *саллот* – солдат; валет, *кармон* – кошелёк, бумажник, *ром* – рама, *калиш* –галоши, *черков* – церковь [Джусупов, 2016: 17]/

Ряд чисто узбекских слов (а также тюркских, иранских и арабских слов, вошедших в словарный состав узбекского языка) употребляется в русском языке и, таким образом, является «общим» для обоих языков. Эти слова часто встречаются в русских газетах, журналах, книгах и официальных документах, причем не только в Узбекистане, но и за его пределами. Примеры таких слов: *арык, базар, кишлак, урюк, инжир, арбуз, бахча, карагач, саксаул, саман, плов* и т. п. Немало подобных слов широко употребительны в бытовой разговорной речи русского населения Узбекистана и в местной прессе, а также в произведениях русских писателей республики. Например: *дувал* (глинобитный забор), *дутар* (струнный музыкальный инструмент), *гузапая* (стебель хлопчатника), *маш* (мелкий горошек), *манты* (крупные узбекские пельмени), *ганч* (местный алебастр), *пиала* (маленькая чашка без ручки), *каса* (большая чашка), *казан* (чугунный котёл), *алыча* (мелкая слива), *сюзьма* (откидное кислое молоко), *той* (свадьба или семейный праздник с угощением), *чайхана* (чайная), *карнай* (большая труба – узбекский музыкальный инструмент).

Значение некоторых русских слов, вошедших в словарный состав узбекского языка, не совпадает с их значением в узбекском языке (обычно в узбекском языке их значение сужается). Так, например, слово *стол* в русском языке обозначает 4 понятия [Евгеньева,1999: 325], а в узбекском одно. При этом некоторые из подобных слов в узбекском языке имеют не такой смысл, какой они выражают в русском языке. Так, *доска* в узбекском языке значит только классная доска; *олча* (русск. алыча) означает не алычу, а вишню; слово *кармон* (русск. карман) значит вовсе не карман, а кошелёк, бумажник и т. п. Некоторые русские слова, заимствованные узбекским языком, приобрели в нем дополнительное значение, например, слово *самовар* в узбекском языке, кроме самого самовара, означает также чайхану; слово *резинка* имеет в узбекском языке еще смысл резина, резиновый *(резинка этик* – резиновые сапоги).

Вкрапления языковых единиц из одного языка в другой в условиях Узбекистана (как и в других странах СНГ) имеют двусторонний характер: русские заимствования в узбекском языке; тюркские (узбекские) заимствования в русском языке. Первое доминирует. Второе характеризуется меньшим объемом. Ниже мы продемонстрируем тюркские (узбекские) речевые элементы в русской речи узбекистанцев (как генетических носителей русского языка, так и русскоязычных инофонов: и узбекско-русских, и русско-узбекских билингвов.

Русская речь с узбекскими лексическими вкраплениями.

I. - *Покушаем… - Да, давай самсу… . Самсу так самсу*.

II. – *Поехали… – Хоп… – Куда? – На Чор-су. – Хоп, согласен*. Узбекское многозначное слово *хоп* в данном диалогическом контексте означает «ладно, согласен».

Вкрапление в русскую речь тюркских (узбекских) лексических единиц в Ташкенте обычное явление. Эти лексические вкрапления не нарушают структуру и семантику русского предложения и в целом высказывания. Они придают речи особый региональный колорит, усиливают информативную и волюнтативную функцию высказывания. С позиции русского или русскоязычного индивида и социума в условиях тюркского мира Центральной Азии такая ситуативная русская речь является нормальной, так как она соответствует нормам современного русского литературного языка.

С позиции же русскоговорящего индивида, например, москвича или жителя Рязани, такая русская речь кажется странной, то есть для них такая русская речь – это поток варваризмов.

Словообразовательный аспект узбекского лексического материала в русской речи.

I. - *Бери самсушку… - Беру…, она горячая.* Лексема *самсушка* образована от слова *самса* присоединением русского суффикса, который придает слову уменьшительно-ласкательное значение, как в русских словах типа поле – полюшко, дед – дедушка, тетя – тетушка.

II. - *Кызымка, почем? – Сто сумов*. Лексема *кызымка* образована от общетюркского слова қыз – ‘девочка, девушка’. Қыз+ым – ‘моя девочка (дочь)’. Кызым+к+а – образовано посредством суффикса русского языка и окончания женского рода. Словоформа кызымка употребляется в русской речи русских и русскоязычных жителей Узбекистана, хотя само слово қыз является общетюркским.

III. - *Ма, кто там? – Да, какая-то кишлачница. – Кто? – Да, кишлачка*. Слово *қишлоқ* в узбекском языке означает узбекский сельский населенный пункт, то есть деревню. *Кишлачница* – досл.: ‘жительница кишлака’. Но в региональной русской речи это слово приобретает такое же стилистически сниженное значение, как в русском языке, когда слова деревня, деревенщина в речи городских жителей используется с оттенком пренебрежения.

По аналогии образовано и слово *кишлачник*, обозначающее жителя кишлака мужского пола и имеющее такое же уничижительное значение. В зависимости от контекста, от интонации речи слова *кишлачница* и *кишлачник* могут иметь и положительную семантико-стилистическую окраску.

Отрицательное значение в этих словах, образованных посредством суффиксов русского языка на основе узбекского слова, появилось как под влиянием русского языка, так и узбекского:

В узбекском языке словами қишлоқ (деревня), қишлоқи (деревенский) «обзывают» неотесанных городских жителей, людей, недавно переселившихся из кишлака в город, то есть человека, у которого еще полностью не сформирован городской лоск; неопытного, в той или иной степени растяпу, слишком доверчивого. Новообразованные региональные русские слова *кишлачник, кишлачница, кишлачка* характеризуются такими же переносными значениями, которые свойственны словам узбекского языка қишлоқ, қишлоқи.

IV.– *Ты будешь лагманчик или пловешник? – Я маставушку*. Слово лагман (узб. лаґмон) китайского происхождения, Лагманчик – уменьшительно-ласкательное название этого блюда в русскоязычной речи определенной части узбекистанцев. Плов (узб. палов) – слово, заимствованное из фарси, национальное блюдо не только узбеков, но и таджиков, каракалпаков, казахов и т.д. К плову отношение особое: торжественное, уважительное как в обычной семейной обстановке, так и на торжествах, банкетах и т. п. Поэтому, как правило, по отношению к плову в русской речи используется суффикс, указывающий на его особенную национальную колоритность, то есть пловешник, а не пловчик. Конечно же, слово лагман в русской речи можно произнести и с другим (увеличительным) суффиксом – *лагманище.* Но от этого лагман как блюдо не может занять место плова (пловешника) в иерархии узбекских национальных блюд.

В русской речи слово плов иногда используют, произнося с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *пловчик*. Это ситуативное использование, которое обозначает умиление, большое желание есть плов. Такие русские новообразования несут в себе те же семантические и стилистические значения, которые свойственны и новообразованиям, созданным на основе русской лексики.

Таким образом, русский язык в Узбекистане – это литературный русский язык, выполняющий (после государственного – узбекского языка) свои образовательные (в школе и в вузе), межнациональные (средство межнационального общения), научные и другие функции, то есть русский язык в жизни узбекистанцев выполняет полисоциальные функции.

В условиях контактирования языков осуществляется процесс заимствования. Одни из заимствований уже стали достоянием языка-рецепиента, другие являются фактом сегодняшнего дня, а их будущую жизнь в языке, в который они вошли, покажет время.

Список литературы

1. Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. – Ташкент: Фан, 1991. – 123 с.
2. Джусупов М.Д. К вопросу об официальном и образовательном статусе русского языка в современном мире / Вестник МАПРЯЛ, 2003. – № 41.
3. Джусупов М.Д. Тюркофонное пространство СНГ: русский язык с региональными тюркоязычными компонентами // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. – № 2(28).
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. Толковый словарь узбекского языка В 2-х т. 60000 слов и сочетаний / АН УзССР, Ин-т яз. и лит» им. А. С. Пушкина; Под ред. З. М. Магруфова. – Москва : Русский язык., 1981.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка /Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. –М.: Астрель – АСТ, 2004.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОРКОСТЬ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Таджиева Азиза Алихановна
магистрант кафедры русского языка и литературы
Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова
Казахстан, Шымкент

Аннотация

В статье рассматривается решение актуальной проблемы развития орфографической зоркости на уроках русского языка с применением традиционных и новационных психолингвистических методов обучения; сопоставляются понятия орфограммы и виды работы с ними; обсуждается выбор диагностических заданий по усвоению орфографических правил; анализируется проблема развития орфографической зоркости с психологической точки зрения о взаимосвязи языка и мышления; подчеркивается особая значимость комплекса практических упражнений и дидактических игр на развитие орфографической зоркости.

Ключевые слова: орфограмма, орфографическая зоркость, психолингвистический аспект, дидактические основы, комплексное обучение

SPELLING EFFICIENCY AS A PSYCHOLINGUISTIC PROBLEM

Aziza A. Tadzhieva
Master's degree student of the Department of Russian Language and Literature
South Kazakhstan Pedagogical University named after U. Zhanibekov
Kazakhstan, Shymkent

Abstract

The article discusses the solution of the actual problem of developing spelling vigilance in Russian language lessons using traditional and innovative psycholinguistic teaching methods; compares the concepts of an orthogram and types of work with them; discusses the choice of diagnostic tasks for mastering spelling rules; analyzes the problem of developing spelling vigilance from a psychological point of view on the relationship between language and thinking; emphasizes the special importance of a set of practical exercises and didactic games for developing spelling vigilance.

Keywords: orthogram, spelling vigilance, psycholinguistic aspect, didactic foundations, comprehensive training

Проблема развития орфографической зоркости уже довольно долгое время привлекает внимание ученых-лингвистов и является основной для изучения в их научных трудах. Однако, несмотря на это, вопрос низкого уровня орфографической грамотности довольно остро стоит в современной педагогической науке. В.П. Шереметевский в своем исследовании впервые ввел понятие орфографической зоркости, и под данным понятием он подразумевал навык пристального внимания к орфографической стороне слова при чтении и списывании, точнее – развитый навык видеть места в слове, которые могут вызвать затруднения при написании [Шереметьевский, с. 21].

Актуальность данной проблемы подтверждается тем фактом, что в данном случае в качестве сензитивного периода для развития данного вида грамотности выступает младший школьный возраст, в котором трудно усваиваются достаточно сложные правила русского правописания. Именно уровень развития навыков правописания в период обучения на начальной ступени образования закладывает основы орфографической и речевой грамотности, а также оказывает непосредственное влияние на способности усваивать родной язык в письменном виде, что впоследствии отражается на дальнейшем обучении в школе.

Принято считать, что русская орфография – наиболее сложный и трудно усваиваемый раздел в преподавании русского языка, и если учесть, что обучаемым необходимо усвоить более 70 орфограмм с соответствующими правилами правописания и обилием исключений к ним, то приходится согласиться с тем, что это действительно так.

Психолингвистическая природа работы с орфограммами появляется в тот момент, когда учитель подвергает их смысловой обработке: прежде всего, формирует умение увидеть, опознать ту слабую позицию в написании слова, когда осознается сомнение в правописании и возникает вопрос – как правильно написать?

Этот этап – умение найти и опознать сомнительный вариант написания слова – является чрезвычайно важным в формировании всего комплекса последовательных этапов, действий, вырабатываемых в процессе формирования орфографической грамотности. Если этот навык не сформирован в самом начале процесса, то последующие дидактические этапы работы над правилом становятся бессмысленным или трудоемким механическим запоминанием.

Рассматривая данную проблему с точки зрения психолингвистики, мы должны обратится к определению понятий «*орфограмма*», «*орфографическая зоркость*» и «*орфографическая грамотность*», увязывая их с психическими процессами восприятия, понимания, усвоения и запоминания, поскольку именно эти процессы лежат в основе всего комплекса дидактических этапов усвоения всех базовых основ русской орфографии. В педагогических, лингвистических и психологических трудах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, Н.Н. Алгазиной, М.Р. Львова, П.С. Жедек и др. ученых поднимался вопрос о связи между языком и мышлением – овладением человеком формами как устной, так и письменной речи в совокупности с развитием сознания, осознания и понимания; они определяли сформированность речемыслительных умений как главного признака образования, что в полной мере определяет и способность формировать в целом профессиональную грамотность человека.

Понятие *орфограммы*. М.Р. Львов определяют орфограмму как главную орфографическую единицу, для написания которой необходимы проверки и своеобразные алгоритмы рассуждения [Львов, с. 12]. По мнению В.В. Репкина, орфограмма – это элемент буквенной записи, который невозможно верно определить

только по произношению, важен выбор орфографически правильной записи [Репкин, с. 6]. П.С. Жедек под орфограммой понимает определенный письменный знак, который невозможно уловить на слух [Жедек, с. 22]. Е.В. Бузмакова считала, что для младших школьников подойдет наиболее простое определение орфограммы – это некое ‘ошибкоопасное’ место в слове, для верного написания которого требуется проверка [Бузмакова, с. 20].

Орфографическая зоркость – базовый принцип работы со словом при обучении правописанию, способность обнаруживать орфограммы. Развитая «*орфографическая зоркость*» определяется как умение быстро находить при написании звучащего слова их слабую ‘ошибкоопасную’ позицию с точки зрения возможного правильного или неправильного выбора написания слова. Многочисленные исследования правил правописания всегда обращались к процессу обнаружения орфограмм как к необходимому аспекту обучения. Под орфографической зоркостью мы будем понимать развитое умение видеть и отличать при написании ошибки в таких местах, где возможен различный вариант написания при разных вариантах произношения.

Идея формирования орфографической зоркости у учащихся в теории и на практике связаны такими проблемами, как, во-первых, неумение выделять орфограммы, что тормозит развитие орфографического навыка; во-вторых, важны зрительный, слуховой и динамический (рукодвигательный, мелкая моторика) факторы для орфографической зоркости; осознание смысла ведущего принципа правописания – морфологического (написания по морфемному признаку, с учетом единообразного написания морфем). Орфографическая зоркость формируется на начальном этапе обучения. Низкий уровень орфографической зоркости свидетельствует о системных просчётах в обучении.

В многих учебно-методических исследованиях приведено описание различных мнений по поводу развития орфографической зоркости. На современном этапе обучения самым популярным является мнение о том, что орфографические навыки развиваются на базе умений, которые только по мере их прочного комплексного лингвопсихологического формирования становятся навыками. В данном определении орфографический навык понимается как автоматизированное действие, формируемое у школьников на основе заложенных умений [Асмолов, с. 21].

Обучение развитию орфографической зоркости необходимо строить с опорой на главные задачи русской орфографии:

- познакомить учащихся с понятием орфограммы, при этом объяснить главную суть орфографических трудностей, которые возникают при написании текста;
- определить и указать причины ошибок в орфографии;
- применять в обучении разнообразные способы научения, связанные с логикой, восприятием, опознанием и запоминанием орфограммы (например, письмо с пропусками орфограмм, основанный на правиле «если знаю букву, то пишу, не знаю – то пропускаю и оставляю сигнал опасности»;
- научить школьников пользоваться орфографическим словарем;
- использовать прием осложненного списывания, позволяющий обеспечить запоминание орфографического образа слов разных групп;
- развивать орфографическую зоркость обучающихся при помощи само-диктантов и систематического самоконтроля для лучшего запоминания правил написания.

М.Р. Львов указывал, что орфографическое действие обладает своей характерной структурой и предлагал алгоритм действий внутри такой структуры, называя следующий порядок действий:

- найти орфограмму;

- определить тип, к которому она принадлежит;
- провести поиск способов решения задач на основании вида орфограммы;
- определить все этапы решения задач и осуществить все эти этапы;
- записать правильно слово с учетом выше указанных действий [Львов, с. 21].

Все приведенные операции в точности характеризуют сущность понимания учащимися выполняемых орфографических решений, но тем не менее М.С. Соловейчик предлагает применять более подробные характеристики орфографических действий. С учетом того, если первый этап представляет собой умение ставить перед собой орфографическую задачу, а следующий этап представляет поиск решения орфографической задачи (на практике это представляет собой поиск правил написания), с учетом этого все последующие этапы (третий, четвертый и пятый) можно совместить [Соловейчик, с. 32].

Многочисленные исследования правил правописания всегда обращались к процессу обнаружения орфограмм как к необходимому аспекту обучения правописанию. Однако в методологических исследованиях при рассмотрении определений орфографической зоркости используются различные трактовки этого явления. М.Р. Львов и М.Т. Баранова описывали обязательное умение находить орфограммы, другие авторы (М.М. Разумовская) писали об умении опознавать, третьи (П.С. Жедек) указывали на сформированный навык ставить орфографические задачи. Н.Н. Алгазина пишет об развитом умении нахождения, опознавания, определения орфограммы и запоминания правил его написания, то есть основными психолингвистическими процессами речевой деятельности.

Итак, орфографическая зоркость является выработанной способностью к поиску таких мест в словах, где написанное может не совпадать с произносимым. В своем исследовании под орфографической зоркостью мы также понимаем развитое умение видеть слабые ‘ошибкоопасные’ позиции, различать ошибки в таких местах, где может быть разный вариант написания, но при этом уверенно выбирать именно правильный вариант написания.

Список литературы

1. Алгазина Н.Н. Формирование офографических навыков. – М.: Наука, 2013. – 96 с.
2. Асмолов А. Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли. / А.Г. Асмолов. – М.: Просвещение, 2011. – С. 28-32.
3. Бетенькова Н.М. Офография – М.: Каро, 2014. 70 с.
4. Бузумакова Е.В. Современные технологии проведения урока русского языка. – М.: АРКТИ, 2013. – 325с.
5. Воителева Т.М. Русский язык. – М.: Наука, 2013. – 96 с.
6. Выготский Л.С. Лекции по психологии. – М. : Мозаика-Синтез, 2013. – 286с.
7. Жедек П.С. Вопросы теории и методики обучения орфографии – М., 2015. – 96 с.
8. Леонтьев А.Н. Психическое развитие. – М.: Наука, 2013. – 498 с.
9. Львов М.Р. Методика обучения русскому языку – М.: Просвещение, 2015. – 431 с.
10. Панов М.В. Занимательная орфография – М. : Просвещение, 2015. – 96 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: пособие для педагогов. Ярославль: Академия развития. 2012. –236 с.
12. Соловейчик М.С. Русский язык: Оценка достижения планируемых результатов освоения / М.С. Соловейчик. – Смоленск: Ассоциация XXI век, 2012, – 256 с.
13. Шереметевский В.П. Орфографическая зоркость// Начальная школа. – 2012, № 5. – С. 17 – 22.

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРИ СОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Бисалиев Рафаэль Валерьевич
доктор медицинских наук
Московская международная академия

Аннотация

Проблема суицидального поведения остается актуальной в связи неуклонным ростом случаев суицидальной смертности. Высокий уровень смертности отмечается у пациентов соматического профиля. Многолетние теоретические исследования настоящей проблемы позволило автору работы предложить новый концептуальный подход. Определены особенности распространенности суицидального поведения при соматических расстройствах, перечень заболеваний с наибольшей суицидальностью и преобладающий способ самоубийства в зависимости от соматической нозологии. В предложенной авторской концепции речь идет о соматическом виде суицидального поведения.

Ключевые слова: суицид, соматические заболевания, смертность, профилактика, суицидальные мысли, попытки, факторы риска.

SUICIDAL BEHAVIOR IN SOMATIC DISEASES: CONCEPTUAL APPROACH

Rafael V. Bisaliev
Doctor of Medical Sciences
Moscow International Academy

Abstract

The problem of suicidal behavior remains relevant due to the steady growth of suicide mortality. A high level of morbidity is observed in patients with a somatic profile. Long-term theoretical study of this problem allowed the author to propose a new conceptual approach. The features of prevalence of suicidal behavior in somatic disorders, the list of diseases with the greatest suicidality and the prevailing method of suicide depending on the somatic nosology are determined. The proposed author's concept deals with the somatic type of suicidal behavior.

Keywords: suicide, somatic diseases, mortality, prevention, suicidal thoughts, attempts, risk factors.

Введение

Не вызывает сомнения факт, что проблема суицидального поведения является ключевой для общественного здоровья. Так, за последние 45 лет уровень самоубийств в мире возрос на 60%, в котором Российская Федерация занимает 9 место [10]. Согласно данным Росстата на 2023 г. показатель суицидов составлял 7,8 случаев на 100 000 населения, средний глобальный показатель составляет 9,1 случай на 100 000 населения [12]. При этом феномен суицидального поведения может варьироваться в зависимости от психологического и социального контекста [8]. Однако имеются публикации, посвященные роли соматических заболеваний и состояний в актуализации суицидального поведения. К сожалению, по проблеме суицидального поведения у пациентов соматического профиля ощущается существенный пробел научных исследований и практических решений. Нами не отрицается роль психических нарушений и состояний в актуализации суицидальности. Вместе с тем не изученность проблемы объясняется как недоучетом соматического фактора, например, при недоучете суицида в структуре внешних причин смерти (в структуре смертности лиц трудоспособного возраста они занимают лидирующие позиции – самоубийства, дорожно-транспортные происшествия, отравления алкоголем, убийства, производственный травматизм. Высокий уровень смертности от них обусловлен поведенческими особенностями людей [14]), так и недостаточной подготовкой специалистов общей практики (терапевты, педиатры) в вопросах суицидологии. Устоявшаяся точка зрения о роли стресса в формировании суицидального поведения не лишена смысла, однако не является единственной. Например, психотравмирующая ситуация может рассматриваться как вторичная, в то время как генетически заложенный потенциал человека, определяющий индивидуальные психофизические особенности личности выступает как первичный механизм суицидогенеза. Иначе как объяснить факт, что те же психотравмирующие обстоятельства (условия) являются для одних лиц достаточными для принятия решения о прекращении своей жизни, а для других – лишь очередными жизненными трудностями [13]. Справедливо отмечено, что суицидальная превенция должна включать предотвращение самоповреждений и попыток самоубийства или эскалации рискованного поведения, а также давать возможность снижать уровень травматизма от самоповреждающего поведения, повышать качество жизни, развивать социальное и профессиональное функционирование личности, улучшать состояние психического здоровья, купировать физические симптомы. При этом построение модели превенции суицидов включает понимание влияния совокупности условий как в формировании суицидальной готовности, так предупреждение, предотвращение совершения аутодеструктивного акта человеком. Направления работы не исключает подготовку специалистов непсихиатрического профиля и профессионалов, ответственных за оказание психологической и психотерапевтической помощи и поддержки пациентам с суицидальным поведением [17].

Цель настоящего исследования заключалась в изложении концептуального видения проблемы суицидального поведения при соматических заболеваниях и разработке практических рекомендаций по профилактике суицидального поведения у пациентов соматического профиля.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поиск статей осуществлялся в базах данных E-Library.ru, Schoolar.google.ru, PubMed. Были определены сочетания ключевых слов «соматическое заболевание/суицид», «болезни/суицид», «суицид/самоубийство», «suicide/physical illness». Критерии включения: полнотекстовые статьи; оригинальные исследования; клинические наблюдения. Не рассматривались абстракты; тезисы; материалы конференций, диссертации, руководства, учебные пособия, лекции.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный ранее нами всеобъемлющий современный теоретический анализ настоящей проблемы позволил сформировать основные моменты концепции суицидального поведения при соматических заболеваниях. По сути, данная статья представляет собой заключение предыдущих авторских исследований [2-6]. Подчеркнем, полученные статистические данные по суицидальному поведению у больных соматического профиля являются результатом обобщения из литературных источников. Однако это не снижает ценности проводимого исследования, а также позволило нам обозначить концептуальные теоретические основы феномена суицидального поведения. Безусловно, мы не претендуем на аксиоматичность представленной концептуальной модели, осознавая влияние иных факторов актуализации суицидальных форм поведения, но которые остались за рамками исследования. В соответствии с классическими направлениями, в суицидологии выделен ряд теоретических подходов, таких как репрессивный, биологический, социологический, психологический, социально-психологический, клинико-психологический и интегративный [16]. В тоже время, значению соматической патологии в развитии суицидальности уделяется весьма скоромное внимание. Иными словами, соматический теоретический подход как таковой не представлен в специальной литературе. Если учесть попытки разделения взглядов на медицинский и психиатрический, рассмотрение связи между болезнью/патологическим состоянием и совершением самоубийства [1], то эти аспекты в большей степени анализируются сквозь призму психопатологических составляющих. Хотя имеются работы, иллюстрирующие связь повышенного риска самоубийства с соматическими заболеваниями: злокачественные новообразования, эпилепсия, хроническая обструктивная болезнь легких, инсульт и хронические болевые состояния, бронхиальная астма. Более того, соматические расстройства явились самыми распространенными диагнозами из 286 летальных самоубийств в медицинских учреждениях: новообразования (25,2%), сердечно-сосудистая патология (16,1%), легочные (15,4%) и неврологические (13,3%) заболевания [9]. Вслед за авторами, также считаем, что, не умаляя достоинств предложенных современных концепций, нельзя не признавать ограниченность каждой из них и, вместе с этим, исключать из этого значение одного из основополагающих структур и функций биологии о взаимосвязи. В итоге из них вытекают основания и для других не менее обоснованных представлений о природе суицидального поведения [7].

Первоначально следует отметить обобщающие выявленные особенности, недостатки и перспективы изучения проблемы суицидального поведения у пациентов соматического профиля. На основе проведенного фактологического анализа по проблеме суицидального поведения при соматических заболеваниях получены следующие **выводы**:

– суицидальное поведение при соматических заболеваниях находит свое отражения вне зависимости от возраста, пола пациентов, а также стадии соматического расстройства;

– психологические и социальные стрессовые факторы, стигматизация являются значимыми в формировании суицидального поведения у пациентов соматического профиля;

– периодом повышенного суицидального риска является период от двух месяцев до одного года после постановки диагноза онкологического расстройства;

– показатели суицидального поведения выше в группе пациентов с соматической и психиатрической коморбидностью и полиморбидностью (их сочетанное течение), по сравнению с пациентами с множественной соматической патологией;

– имеется существенный пробел исследований по проблеме суицидального поведения у пациентов соматического профиля;

– не сформированы теоретико-методологическая основа, концептуальные подходы и принципы понимания феномена суицидального поведения в структуре соматических расстройств педиатрических и терапевтических пациентов;

– взаимосвязь между суицидальным поведением и соматическими заболеваниями подтверждается в основном популяционными исследованиями;

– подавляющее число исследований по проблематике суицидального поведения в структуре соматических болезней ограничиваются статистическими данными по распространенности суицидального поведения;

– недостаточно изучены и детализированы динамика суицидального поведения, географические и гендерные различия, психиатрическая отягощенность на различных стадиях заболевания и условиях;

– нет единых стандартов и протоколов ведения данной группы больных, а также единой точки зрения в вопросах терминологии и методов диагностики суицидального поведения при соматических заболеваниях, при коморбидных и полиморбидных состояниях;

– в настоящее время наблюдается дефицит программ профилактики суицидального поведения в клинике соматических расстройств;

– недостаточная осведомленность о суицидальном поведении специалистов непсихиатрического профиля обуславливает дефицит объективной информации о серьезности и распространенности этой проблемы, ведущей к снижению эффективности лечения и качества жизни пациентов;

– требует изучения вопросы лечения, эпидемиология суицидального поведения и эквивалентов саморазрушающего поведения, общие и особенные суицидогенные и защитные (антисуицидальные) факторы;

– необходима оценка кратко- и долгосрочных последствий соматических заболеваний, коморбидных и полиморбидных состояний, сочетанных суицидальным поведением, которая может быть достигнута путем реализации крупных когортных исследований;

– дискуссионными, а точнее неизученными остаются вопросы в отношении клинико-психологических, клинико-психопатологических и клинико-динамических особенностей суицидального поведения у пациентов соматического профиля;

– дискуссионными, а точнее неизученными остаются вопросы в отношении возрастных клинико-психологических, клинико-психопатологических и клинико-динамических особенностей суицидального поведения у детей и подростков-пациентов соматического профиля.

Во-первых, установлен уровень распространенности суицидального поведения в зависимости от поражения органов и систем организма (Рис. 1).

Рисунок 1. Уровень распространенности суицидального поведения в зависимости от поражения органов и систем организма

Условные сокращения: ЗСК и ОД – заболевания системы кровообращения и органов дыхания; ЗОП – заболевания органов пищеварения; ЗЭС – заболевания эндокринной системы.

Как видно из рисунка 1, показатели суицидальной активности при соматических заболеваниях варьируют в весьма широких пределах, при этом суицидальный риск, равно как и актуализация суицидальных тенденций обнаруживается в подавляющем большинстве случаев, максимальные значения обнаружены при онкологических заболеваниях. Вероятно, дополнительным факторами актуализации суицидальных тенденций у больных онкологического профиля являются восприятие болезни как смертельной и состояние безнадежности. Так как во внутренней картине болезни диагноз злокачественного новообразования несет в себе психотравмирующее действие, который ассоциируется с близостью смерти, причем мучительной с тяжелыми страданиями. Как правило, образ болезни и его динамика в будущем представляются в фатальном свете [15]. Другими словами, указанные соматические расстройства являются суицидогенными, а, следовательно, суицидоопасными состояниями.

Во-вторых, определен перечень соматических заболеваний и состояний с наибольшей суицидальной активностью (Таблица 1).

Таблица 1

Соматические заболевания и состояния с наибольшей суицидальной активностью

ЗСК	хроническая сердечная недостаточность, острый инфаркт миокарда, кардиомиопатия, фибрилляция и трепетание предсердий, стенокардия и желудочковая тахикардия, артериальная гипертензия
ЗОД	бронхиальная астма, хроническая обструктивная болезнь легких, острый респираторный дистресс-синдром, туберкулез легких, коронавирусная инфекция
ЗОП	язвенная болезнь, болезни печени, вирусные гепатиты, цирроз печени
ЗК и ПК	атопический дерматит, акне, псориаз, экзема
ЗОЭС	сахарный диабет, тиреоидит Хашимото, гипотериоз, гипертиреоз, ожирение
ЗНО	рак головного мозга, рак легких и бронхов, рак желудка, рак предстательной железы и гинекологический рак
Депрессия	ишемическая болезнь сердца, артериальная гипертензия, сахарный диабет, COVID-19, ВИЧ-инфекция, кожные болезни (атопический дерматит, акне, гнойный гидраденит) и злокачественные новообразования (рак простаты, желудочно-кишечного тракта, молочной железы)

Условные обозначения: ЗСК – заболевания системы кровообращения; ЗОД – заболевания органов дыхания; ЗОП – заболевания органов пищеварения; ЗК и ПК – заболевания кожи и подкожной клетчатки; ЗОЭС – заболевания органов эндокринной системы; ЗНО – злокачественные новообразования

На наш взгляд, прослеживается специфичность проявлений суицидального поведения не только по системам организма, но и по наличию определенных заболеваний. При этом наличие депрессивной симптоматики также имеет очерченный круг соматических расстройств. С уверенностью можно предположить, что данные расстройства могут самостоятельно актуализировать суицидальные тенденции, и лишь часть из них связана с сопутствующей аффективной симптоматикой. Другими словами, суицидальность при соматических расстройствах может иметь собственные, преимущественно биологические и психологические факторы. Вместе с тем, формирование риска суицида и суицидального поведения, например при воспалительных и сердечно-сосудистых заболеваниях, связано с общностью и взаимодействием генетических механизмов депрессии [11].

В-третьих, расстройства соматической сферы имеют преобладающий способ самоубийства (Таблица 2). С одной стороны, способы самоубийств не являются специфичными, так как они могут встречаться в структуре соматических расстройств в разных сочетаниях.

Таблица 2

Способы суицидов при соматических заболеваниях

ЗСК	самоотравления
ЗОД	самоотравления

ЗОП	заглатывание инородных тел нанесение самоповреждений на различные участки тела
ЗК и ПК	нанесение самоповреждений на различные участки тела
ЗОЭС	самоотравления, передозировка инъекционным инсулином
ЗНО	суицидальные мысли и суицидальные попытки

Условные обозначения: ЗСК – заболевания системы кровообращения; ЗОД – заболевания органов дыхания; ЗОП – заболевания органов пищеварения; ЗК и ПК – заболевания кожи и подкожной клетчатки; ЗОЭС – заболевания органов эндокринной системы; ЗНО – злокачественные новообразования.

С другой стороны, прослеживается специфичность суицидальных форм аутоагрессивного поведения. Резонно предположить наличие отдельных механизмов суицидогенеза для соматических заболеваний.

Обобщив данные литературы, мы можем сформулировать следующие стратегии профилактической направленности:

- соматические заболевания должны рассматриваться специалистами непсихиатрического профиля как суицидоопасные состояния;
- для установления диагноза, прогноза болезни, выбора оптимальных методов ее лечения и профилактики, в исследовательскую часть (сбор биографических и клинических данных) необходимо включить вопросы, касательно суицидологической составляющей: отягощенность, клинические проявления (антивитальные переживания, суицидальные мысли, суицидальные намерения и суицидальные попытки, если таковые имели место быть);
- разработка специфических диагностических критериев позволяет внести ясность в понимание особенностей суицидального поведения и поможет эффективно идентифицировать лиц, подверженных суицидальному риску;
- разработка скрининговых диагностических программ для соматических пациентов для оценки суицидального риска может сыграть жизненно важную роль в предотвращении депрессии и риска самоубийства на различных стадиях заболевания;
- акцент в профилактике суицидального поведения должен быть смещен на введение в протоколы лечения обязательного осмотра врачом-психиатром;
- в план лечения и реабилитации пациентов с вышеуказанным списком суицидоопасных заболеваний включаются консультации психиатра, психотерапевта и медицинского психолога;
- при разработке программ профилактики суицидального поведения следует определить уровень профилактики (первичная, вторичная, третичная) и характер терапевтического вмешательства, психологическое консультирование, психофармакотерапия и психотерапия;
- в профилактические и лечебно-реабилитационные программы должны охватывать весь период суицидогенеза (пресуицидальный, суицидальный, постсуицидальный);

- в целом профилактические и лечебно-реабилитационные мероприятия должны быть направлены на повышение стрессовой устойчивости и нивелирование стрессовых, депрессивных и тревожных расстройств;
- акцент в профилактических мероприятиях следует сделать на повышение уровня знаний врачей-специалистов общей практики в области суицидологии;
- требуется введение унифицированных критериев по формированию официальной отчетности по смертности по причине суицидов пациентов соматического профиля и пациентов с коморбидными и полиморбидными состояниями;
- требуется разработка и внедрение объективной и экономически целесообразной системы диагностических измерительных процедур, позволяющих оценить качество, адекватность и своевременность проводимых противосуицидальных мероприятий;
- требуется проведение углубленных научно-практических исследований в этом перспективном направлении.

Таким образом, обозначены преимущества, недостатки и перспективы изучения проблемы суицидального поведения в структуре соматических заболеваний.

Определены особенности распространенности суицидального поведения при соматических расстройствах, перечень заболеваний с наибольшей суицидальностью и преобладающий способ самоубийства в зависимости от соматической нозологии.

Назрела необходимость рассмотрения особой формы или варианта суицидального поведения. В предложенной авторской концепции речь идет о соматическом виде суицидального поведения. Полученные факты оставляют пространство для разработки дифференцированных мер профилактики суицидального поведения с обязательным включением в терапевтические схемы пунктов по суицидальной превенции.

Список литературы

1. Антипов А.В. Об основных понятиях критической суицидологии // Философия и общество. – 2022 – Т. 4. – №105. – С. 71–88.

2. Бисалиев Р.В. Суицидальное поведение в структуре болезней системы кровообращения и болезней органов дыхания // Психическое здоровье. – 2024. – Т. 19. – №3. – С. 66–79. https://doi.org/10.25557/2074-014X.2024.03.66-79

3. Бисалиев Р.В. Суицидальное поведение и болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ // Медицинский алфавит. – 2024. – №12. – С. 36–42. https://doi.org/10.33667/2078-5631-2024-12-36-42

4. Бисалиев Р.В. Суицидальное поведение пациентов онкологического профиля // Медицинский вестник Юга России. – 2024. – Т. 15. – №3. – С. 18–25. DOI 10.21886/2219-8075-2024-15-3-18-25

5. Бисалиев Р.В. Суицидальное поведение лиц, инфицированных вирусом иммунодефицита человека // Кремлевская медицина. Клинический вестник. – 2024. – №3. С. 36–41.

6. Бисалиев Р.В. Депрессия, суицидальное поведение и соматические расстройства // Медицина. – 2024. – Т. 12. – №2. – С. 71–89.

7. Божченко А.П. Факторы риска суицида, устанавливаемые в ходе судебно-медицинской экспертизы трупа // Суицидология. – 2023. – Т. 14. - №2. – С. 3–21. DOI: 10.32878/suiciderus.23-14-02(51)-3-21

8. Васильев В.В. Групповые, имитационные, индивидуальные, истинные, демонстративные, скрытые, эгоистические, альтруистические, аномичные суициды // Научно-практический подход. – 2025. – №1. – С. 43–46.

9. Голенков А.В., Козлов В.А., Филоненко А.В. Больничные суициды // Суицидология. – 2024. – Т. 15. – №2. – С. 94–112. doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-94-112

10. Добрянская Е.Э., Надеева Н.А., Голенков А.В. Динамика суицидального поведения: мысли, попытки, действия // Наукосфера. – 2024. – №11-2. – С. 33–38.

11. Кибитов А.О., Мазо Г.Э., Касьянов Е.Д., Горбунова А.П., Рукавишников Г.В., Незнанов Н.Г. Генетическая коморбидность депрессии и соматических заболеваний: обоснование дизайна изучения популяционной когорты с использованием полигенных шкал риска // Психиатрия. – 2024. – Т. 22. - №2. – С. 54–65. https://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-2-54-65

12. Колпаков Я.В. и др. Суицидальность среди лиц с фетальным алкогольным спектром нарушений: обзор // Вопросы наркологии. – 2024. – Т. 36. – №6. – С. 55–64.

13. Логинов Ю.Е., Глазунова И.В., Богомолов Д.В. О распознавании признаков суицида // Вестник военного права. – 2024. - №1. – С. 26–32.

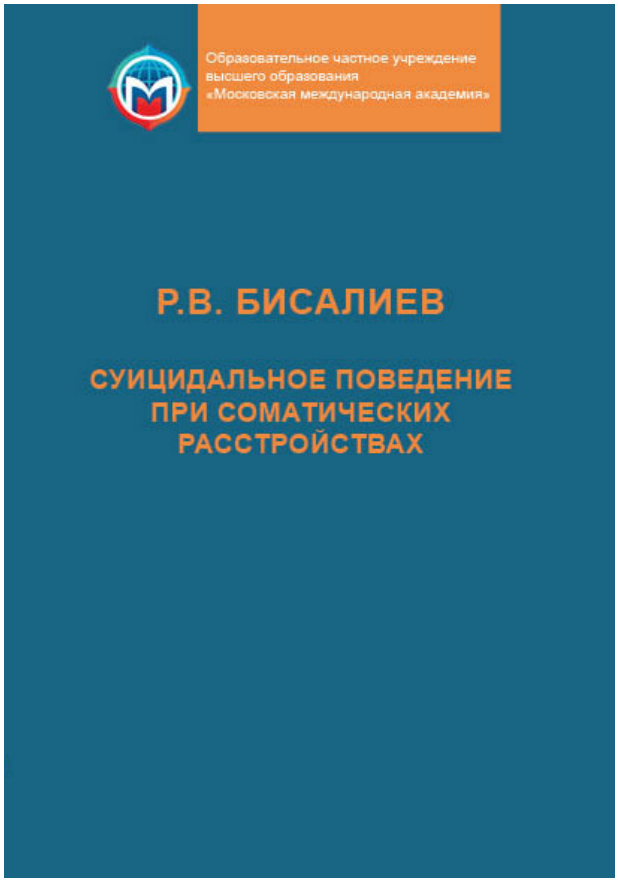
14. Санников А.Л., Грищенкова Е.В., Семерикова Д.А., Соломатина Е.В. Тенденции смертности от внешних причин населения Европейского Севера за 2010–2021 годы // Журнал медико-биологических исследований. – 2024. – Т. 12. – №1. – С. 89-98. DOI: 10.37482/2687-1491-Z171

15. Пчелкин М.А., Разуваева Т.Н. Типологические особенности внутренней картины болезни у онкобольных // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – Т. 3. – №141.– С. 29.

16. Шамрей В.К., Нечипоренко В.В., Лыткин В.М., Зун С.А., Ятманов А.Н. О философской, культуральной и клинической трактовках некоторых ключевых понятий суицидологии (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. – 2022. – №3. – С. 9-16. DOI: 10.24412/1609-2163-2022-3-9-16

Электронные ресурсы

17. Морозова И.С., Борисенко Ю.В., Евсеенкова Е.В. Современное состояние исследований риска суицидального поведения. Общество: социология, психология, педагогика. 2019. https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/121993179/spp.2019.10-libre.pdf?1742877091=& response-content



Бисалиев Р.В. **Суицидальное поведение при соматических расстройствах**: Монография. Москва: ОЧУ ВО «ММА», 2025. 152 с.

Представленная монография базируется на результатах многолетних обширных исследований феномена суицидального поведения. Подробно описаны эпидемиологические, биологические, личностно-психологические, клинические и социальные детерминанты суицидального поведения у пациентов соматического профиля. Отражены характеристики суицидального поведения и их современные особенности. Скрупулезно исследуется связь между актуализацией суицидальных тенденций и развитием соматического расстройства.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в квалифицированной диагностике признаков суицидального риска и разработке единого методологического подхода при реализации программ по суицидальной превенции у пациентов соматического профиля.

Монография предназначена для психиатров, психотерапевтов, суицидологов, клинических психологов, терапевтов, организаторов здравоохранения, магистрантов, аспирантов и докторантов медико-психологического направления подготовки.

Монография будет полезна и интересна для студентов, обучающихся по специальности 030301.65 «Клиническая психология», направленность (профиль) «Патопсихологическая диагностика и психотерапия» и студентов медицинских высших учебных заведений, обучающихся по специальностям: 31.02.01 «Лечебное дело» и 31.05.02 «Педиатрия».

Книигу можно скачать на сайте ММА по ссылке:
https://mmamos.ru/wp-content/uploads/2025/08/bisaliev_monograf.pdf

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРУЖЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА

Новикова Галина Викторовна
Кандидат психологическиих наук, доцент кафедры истории и философии образования
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Лупаева Анна Владимировна
Московская международная академия

Аннотация

В статье представлены результаты исследования психологических особенностей погружения в виртуальную реальность *(ВР)* у молодых людей с различными характеристиками эмоционального интеллекта и акцентуациями характера. Применены методы психодиагностики (опросник САН, опросник ЭмИн Д.В. Люсина, тест акцентуаций К. Леонгарда – Г. Шмишека), а также методы наблюдения, анкетирования и тематический анализ интервью после ВР-просмотра. Установлено наличие взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и процессом погружения в ВР-среду, в частности между скоростью адаптации молодых людей к виртуальной среде и выраженностью их физиологических реакций. Также было выявлено, что акцентуации характера не продемонстрировали устойчивого влияния на характеристики процесса погружения в виртуальную реальность. Полученные результаты позволяют учитывать различия в эмоциональной чувствительности взрослых пользователей при образовательном и ином применении ВР-оборудования и программного обеспечения.

Ключевые слова: виртуальная реальность, феномен присутствия, эмоциональный интеллект, акцентуации характера, погружение в виртуальную реальность.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF IMMERSION IN VIRTUAL REALITY AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT CHARACTERISTICS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND CHARACTER ACCENTUATIONS

Galina V. Novikova
Ph. D., Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Education
Lomonosov Moscow State University
Anna V. Lupaeva
Moscow International Academy

Abstract

The article presents the results of a study of the psychological features of immersion in virtual reality (VR) among young people with different levels of emotional intelligence and character accentuations. The methods of psychodiagnostics (the SAN questionnaire, the D.V. Lyusin EmIn questionnaire, the K. Leonhard – G. Shmishek accentuation test), observation questionnaires, and thematic interview analysis after VR viewing were used. It has been established that there is a relationship between indicators of emotional intelligence and the process of immersion in a VR environment, in particular, the speed of adaptation of young people to a virtual environment and the severity of physiological reactions. It was also revealed that character accentuations did not demonstrate a stable effect on the process of immersion in virtual reality. The findings highlight the importance of considering emotional sensitivity in educational and other VR applications.

Keywords: virtual reality, presence, emotional intelligence, character accentuations, immersion.

В связи со стремительным развитием технологий в обществе происходит активная цифровизация различных областей жизнедеятельности человека. В числе таких новых цифровых технологий в настоящее время стала активно применяться технология виртуальной реальности (далее – ВР, от английского *Virtual reality*, *VR*, *искусственная реальность*). Это делает актуальным изучение психологических факторов, определяющих особенности взаимодействия человека с виртуальными средами. Как отмечает Ю.П. Зинченко, виртуальная реальность «становится новым типом культурной среды, в которой изменяются способы восприятия, поведения и взаимодействия» [4].

Несмотря на рост числа исследований в сфере виртуальной реальности, влияние индивидуальных особенностей пользователей ВР на их погружение в среду ВР и феномен присутствия изучены недостаточно. В частности, отсутствуют данные о том, как эмоциональный интеллект (далее – ЭИ) и акцентуации характера связаны с погружением в виртуальную реальность. Под виртуальной реальностью на сегодняшний день понимается генерируемая программно-аппаратным комплексом среда, создающая с помощью шлема виртуальной реальности иллюзию нахождения пользователя в конкретном пространстве, предлагаемом программной системой.

Наблюдаемая тенденция к ускоряющемуся распространению ВР-технологий во многих отраслях современной жизни, в том числе и в образовательной сфере, обусловливает актуальность изучения многогранного феномена взаимодействия человека с ВР, который опирается как на природные свойства психики (тип нервной системы человека), так и на сформировавшийся в процессе развития человека характер. Из общей психологии известно о существовании индивидуальных различий между людьми, которые проявляются в любом виде деятельности. Однако, на фоне имеющихся различий, психика функционирует по определенным закономерностям. Разносторонняя природа личности проявляется через темперамент, характер, способности, т.е. через когнитивную и аффективную сферы. Индивидуальной характеристикой личности является характер человека, который в узком смысле слова представляет собой совокупность устойчивых свойств человека, в которых выражаются способы его поведения и способы эмоционального реагирования на происходящие события. Еще одной наиболее популярной в современных исследованиях характеристикой развития эмоциональной сферы человека является его эмоциональный интеллект.

В ходе изучения научной литературы по данной тематике у нас появилось предположение о том, что процесс погружения в среду виртуальной реальности и феномен присутствия в ней могут быть связаны с показателями эмоционального интеллекта и акцентуациями характера молодых людей. **Целью** исследования было выявление взаимосвязей между характеристиками эмоционального интеллекта и акцентуациями характера у молодых людей и особенностями их процесса погружения в ВР-среду при просмотре короткого фильма, длительностью не превышающего 12 минут. Была выдвинута гипотеза о наличии взаимосвязи между характеристиками эмоциональной сферы и особенностями погружения в виртуальную реальность, а именно, что процесс погружения в виртуальную реальность у молодых людей с высоким уровнем эмоционального интеллекта происходит быстрее, с большей включенностью, а у молодых людей с низким уровнем эмоционального интеллекта

происходит более медленное погружение и этот процесс сопровождается низкой включенностью в ВР-среду.

В исследовании участвовали 60 молодых людей (18–35 лет), различающихся по полу, образованию и опыту взаимодействия с ВР-средой. Методологической основой исследования стали труды по общей психологии (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), психологии индивидуальных различий (Е.П. Ильин), эмоциональному интеллекту (Д.В. Люсин, И.Н. Андреева), акцентуациям характера (К. Леонгард, А.Е. Личко), работы российских психологов и специалистов других областей, исследовавших процессы погружения и восприятия ВР.

В процессе анализа использованы методы анкетирования, тестирования и опроса. Для обработки данных использовались методы математической статистики и качественного анализа, в частности, тематический анализ видео-интервью и метод наблюдения. Перечень методик, использованных для тестирования и анкетирования: разработанные Г.В. Новиковой анкеты до и после просмотра ВР-фильма; опросник САН, который предлагался испытуемым до просмотра ВР-фильма; тест на эмоциональный интеллект Люсина Д.В. (опросник ЭмИн); тест на выявление акцентуаций характера К. Леонгарда; наблюдение за респондентами в процессе просмотра ими ВР-фильма; интервью после просмотра ВР-фильма (тематический анализ).

Основными теоретическими понятиями, использованными в исследовании, являются понятия «акцентуации характера», «эмоциональный интеллект», «погружение» и «вовлеченность (включенность)» в виртуальную реальность, а также понятие «средового присутствия».

Напомним понятие «характер»: в узком смысле слова характер представляет собой совокупность устойчивых свойств человека, в которых выражаются способы его поведения и способы эмоционального реагирования на происходящие события. Характер связан с темпераментом, формируется и развивается под влиянием окружающей среды, воспитания и жизненного опыта человека.

Характер может быть более либо менее выражен, при этом по интенсивности проявлений выделяют:

1) «нормальные» характеры;
2) выраженные характеры (акцентуированные);
3) характеры с сильными отклонениями (психопатии).

По определению немецкого психиатра и психолога Карла Леонгарда, акцентуация означает чрезмерную выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, пограничную с психопатиями. Однако, от психопатий акцентуации отличаются тем, что у них отсутствует однозначная определенность проявления во всех без исключения ситуациях взаимодействия человека с миром, потому что поведение человека остается вариабельным. Акцентуации характера не ограничивают возможностей человека, а определенным образом «окрашивают» его поведение в ситуациях взаимодействия с другими. В настоящем исследовании была использована диагностическая методика акцентуаций характера К. Леонгарда и Г. Шмишека.

Современная концепция эмоционального интеллекта (ЭИ) Д.В. Люсина определяет его как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [6]. Д.В. Люсин предлагает рассматривать ЭИ, как психологическое образование, которое формируется в процессе жизни человека под воздействием трех групп факторов, которые обуславливают его глубину и индивидуальные особенности, а именно [6]:

1) когнитивные способности человека (влияют на скорость и точность переработки эмоциональной информации);

2) представления человека об эмоциях (как о ценностях, как о важном источнике информации о себе самом и о других людях и т. п.);

3) особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т. п.).

В структуре ЭИ выделяются два «измерения»:

1. *Способность к пониманию или управлению*. Способность к пониманию эмоций предполагает, что человек может распознавать наличие эмоции, идентифицировать и называть её, а также понимать её причины и предвидеть возможные последствия. Способность к управлению эмоциями означает, что человек может произвольно контролировать интенсивность эмоций и их внешнее выражение, вызывать необходимую эмоцию [6].

2. *Направленность на свои или чужие эмоции*. На собственные эмоции направлен внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ), а на чужие межличностный (МЭИ) [6].

Под процессом погружения в ВР-среду мы понимаем деятельность психики человека, находящегося в шлеме виртуальной реальности, в ходе которой происходит замещение стимулов реального мира стимулами, создаваемыми в виртуальном пространстве. ВР-шлем обеспечивает полное визуальное погружение человека, так как человек видит перед собой только виртуальный мир, а реальный не видит, но может ощущать. Соответственно, при воздействии на органы чувств пользователя ВР-шлема возникают ощущения, которые позволяют воспринимать виртуальную среду и действовать в ней, тем самым у пользователя обретается чувство погружения [1].

Вовлеченность (включенность) – это психологическое состояние, переживаемое как следствие сосредоточения внимания на последовательном наборе стимулов, логически связанных действий или событий [1]. Чем больше сосредоточение на стимулах, предъявляемых в виртуальной среде, тем сильнее вовлеченность, что в свою очередь увеличивает выраженность чувства присутствия. Вовлеченность есть основание для переживания пользователем чувства присутствия. Вовлеченность человека зависит от того, какое значение он придает стимулам, действиям и событиям.

В настоящем исследовании авторы рассматривали следующие показатели взаимодействия испытуемого с ВР, характеризующие процесс погружения и включенность (вовлеченность):

1. Скорость погружения характеризует непосредственно процесс погружения, вхождения в виртуальную среду;

2. Восприятие времени в виртуальной среде;

3. Оценка физического состояния респондента во время и после просмотра ВР-фильма;

4. Наличие средового присутствия, которое характеризует степень включенности респондента в виртуальную среду (состояние, в котором человек осознает себя находящимся в другом пространстве, в спроектированной среде, как в реальном месте нахождения) [1].

Показатели 1 – 3 взаимодействия респондента с ВР оценивались по ответам испытуемых на вопросы анкеты после просмотра фильма в ВР-шлеме, представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Соответствие показателей взаимодействия с виртуальной реальностью вопросам анкеты после просмотра фильма в ВР-шлеме

Показатели взаимодействия с ВР	Вопрос анкеты
Скорость погружения	**1. Каким образом происходило начало просмотра фильма?** - я ДОЛГО НЕ МОГ приспособиться к просмотру фильма в шлеме; - мне БЫЛО ТРУДНО приспособиться к просмотру в шлеме; - мне было НЕ ТРУДНО приспособиться к просмотру в шлеме; - мне было ЛЕГКО приспособиться к просмотру фильма в шлеме
Восприятие времени (продолжительности просмотра фильма)	**2. Как вы оцениваете продолжительность фильма?** - меньше 12 мин; - больше 12 мин; - ровно 12 мин
Оценка физического состояния	**3. Изменилось ли Ваше физическое состояние после просмотра фильма?** - да; - нет
	4. Если Ваше физическое состояние изменилось, то укажите, пожалуйста, в чем конкретно состояли эти изменения
	Положительные изменения
	Отрицательные изменения

Была проведена обработка неформализованных ответов на вопрос 3, и для последующего количественного анализа ответы испытуемых были отнесены к одной из двух групп: «положительные изменения» или «отрицательные изменения» физического состояния после просмотра фильма.

Для установления феномена **средового** присутствия был проведен тематический анализ текстов видео-интервью. В комментариях испытуемых выделены подтверждающие фразы, а именно упоминание респонденом места нахождения во время просмотра, описание окружающей обстановки и людей, как если бы испытуемый описывал свое реальное присутствие, отвечая на вопросы «Где я был? Где я находился?». При этом устанавливалась глубина средового присутствия – полная или умеренная с присвоением соответствующего цифрового значения (2 – для полного средового присутствия, 1 – для умеренного средового присутствия).

Итоги расчета показателей взаимодействия с виртуальной реальностью у молодых людей с различными характеристиками эмоционального интеллекта приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Показатели погружения в виртуальную реальность у молодых людей с различными характеристиками эмоционального интеллекта

	Группировка по показателю общего эмоционального интеллекта			**Всего**	%
	Низкий	Средний	Высокий		
Всего респондентов, чел.	17	25	18	**60**	
к общему кол-ву испытуемых, %	28%	42%	30%	100%	
Скорость погружения: **7. Каким образом происходило начало просмотра фильма?**					
- я ДОЛГО НЕ МОГ приспособиться к просмотру фильма в шлеме;	2	1	0	**3**	5%
- мне БЫЛО ТРУДНО приспособиться к просмотру в шлеме;	2	0	2	**4**	7%
- мне было НЕ ТРУДНО приспособиться к просмотру в шлеме;	6	6	3	**15**	25%
- мне было ЛЕГКО приспособиться к просмотру фильма в шлеме;	7	18	13	**38**	63%
Контрольная сумма, чел.	17	25	18	**60**	100%
Восприятие времени (продолжительности просмотра): **3. Как вы ощутили продолжительность фильма?**					
- меньше 12 мин	10	14	11	**35**	58%
- больше 12 мин	3	7	4	**14**	23%
- ровно 12 мин	4	4	3	**11**	18%
Контрольная сумма, чел.	17	25	18	**60**	100%
Оценка физического состояния: **9. Изменилось ли Ваше физическое состояние после просмотра фильма?**					
Да	7	12	10	**29**	48%
Нет	10	13	8	**31**	52%
Контрольная сумма, чел.	17	25	18	**60**	100%
10. Если Ваше физическое состояние изменилось, то укажите, пожалуйста, в чем конкретно состояли эти изменения:					
Положительные изменения	5	10	5	**20**	69%
Отрицательные изменения	2	2	5	**9**	31%
Контрольная сумма, чел.	7	12	10	**29**	100%

На основании проведенного анализа были сделаны следующие выводы.

1. Выявлена взаимосвязь между скоростью погружения в ВР-среду и показателями эмоционального интеллекта. У молодых людей со средним и высоким показателями ЭИ погружение в ВР-среду в начале просмотра фильма происходило легче, чем у людей с низким показателем ЭИ. Так, число людей с высоким уровнем ЭИ ответивших, что им было легко или не трудно приспособиться к просмотру ВР-фильма, составило 16 человек, а тех, кому было трудно или он долго не мог приспособиться – 2 человека, что в процентном соотношении составляет 89% и 11% соответственно. У людей со средним уровнем ЭИ эти показатели составили 24 человека и 1 человек, что в процентном соотношении составляет 96% и 4% соответственно.

У молодых людей с низким показателем ЭИ ответивших, что им было легко или не трудно приспособиться было 13 человек, а тех, кому было трудно или он долго не мог приспособиться – 4 человека, что в процентном соотношении составляет 76% и 24% соответственно. Таким образом, среди молодых людей с низким показателем ЭИ 24% тех, кто засвидетельствовал, что он долго не мог или ему было трудно приспособиться к просмотру фильма. Этот же показатель у людей со средним ЭИ составил 4%, с высоким ЭИ – 11%.

Исследование акцентуаций характера показало, что наиболее проявленными среди молодых людей стали следующие четыре типа акцентуаций: эмотивный тип, аффективно-экзальтированный тип, гипертимический тип и демонстративный тип акцентуации характера.

Среди молодых людей, кому было легко и не трудно приспособиться к просмотру фильма в шлеме, преобладают эмотивный тип (доля ответивших с преобладанием данного типа акцентуации составляет 37%, из них легко 19% и не трудно 18%) и аффективно-экзальтированный тип (доля ответивших составляет 34%, в том числе 12% легко и 22% не трудно) акцентуаций характера. Трудности в погружении (было трудно или долго не мог приспособиться к просмотру) преобладают у молодых людей с аффективно-экзальтированным типом (доля ответивших с данным типом акцентуации составляет 48%, в том числе 29% долго не могли приспособиться к просмотру и 19% было трудно) и демонстративным типом акцентуаций (доля ответивших составляет 33%, из них 14% долго не могли приспособиться к просмотру и 19% было трудно). Из представленных данных видно, что, например, среди молодых людей, кому было трудно приспособиться к началу просмотра, высокая доля (48%) с аффективно–экзальтированным типом акцентуации характера. В тоже время, доля молодых людей с данным типом акцентуации высока (34%) и среди ответивших, что им было легко или не трудно приспособиться к просмотру.

Похожую тенденцию можно наблюдать среди молодых людей с преобладающим демонстративным типом акцентуации: среди тех, кому было трудно или он долго не мог приспособиться к просмотру, доля имеющих преобладающий демонстративный тип акцентуации составляет 33%; среди ответивших, что им было легко или не трудно приспособиться – 26%.

Таким образом, четкой взаимосвязи между скоростью погружения в виртуальную среду и акцентуациями характера не прослеживается. Можно сделать вывод, что скорость погружения в виртуальную реальность не зависит от типа акцентуации характера.

2. Исследование показало, что восприятие времени (продолжительности просмотра ВР-фильма) не находится в устойчивой взаимосвязи с показателем эмоционального интеллекта. Так, ответы на вопрос «Как вы ощутили продолжительность фильма» внутри каждой группы (с высоким, средним и низким показателями ЭИ) распределились в равной пропорции, а именно – около 60% испытуемых внутри каждой группы ощутили фильм короче его фактической продолжительности (т. е. менее 12 минут), около 20% – дольше его фактической длительности (т.е. более 12 минут) и около 20% – ровно 12 минут.

3. Анализ физического состояния испытуемых после просмотра фильма показал, что половина респондентов обратили внимание на изменение физического состояния, при этом у большинства (69% из сообщивших об изменениях) эти изменения можно охарактеризовать как положительные; сообщения 9 человек можно отнести к отрицательным изменениям (15% от общей выборки). Из отрицательных состояний 6 раз упоминается головокружение или «легкая тяжесть в голове» (в том числе 2 раза сопровождается напряжением в глазах), 3 раза упоминается повышение возбудимости, короткое состояние волнения. Из 9 человек с отрицательными ощущениями 5 являются представителями с высоким ЭИ, 2 – со средним показателем ЭИ, 2 – с низким ЭИ.

Те, кто отмечал положительные изменения физического состояния и настроения, описывал это так: «появилось ощущение бодрости», «улучшение самочувствия», «появилось ощущение легкости», «спокойствие, безмятежность».

Можно говорить о наличии взаимосвязи между показателями ЭИ в процессе взаимодействия с ВР, и изменении физического состояния. Так, среди представителей с высоким показателем ЭИ больше всего заметивших изменения физического состояния – 56% сообщили об изменениях, среди молодых людей со средним показателем ЭИ – 48%, а с низким ЭИ – 41%. Таким образом, то, что свойственно молодым людям с показателями высокого эмоционального интеллекта в естественной среде, в нормальной реальности, проявилось и в виртуальной реальности, а именно – у представителей с высоким ЭИ выше скорость и точность переработки информации об эмоциях, их проявлениях, выше чувствительность.

Анализ распределения ответов на вопрос об изменении физического состояния испытуемых с наиболее выраженными типами акцентуаций, показал, что зафиксированные изменения физического состояния не связаны с проявлением той или иной акцентуации характера у респондента.

4. Тематический анализ видео-интервью подтвердил погружение через наличие средового присутствия у 94% участников (34 человека из 36 участников видео-интервьюирования), что говорит о включенности (вовлеченности) в процесс просмотра фильма. При этом у 61% респондентов отмечено позитивное настроение, наблюдается положительный эмоциональный фон. У 25% участников видео-интервьюирования отмечено нейтральное настроение, у 14% (5 человек) наблюдался негативный эмоциональный фон. Все представители с высоким показателем ЭИ подтверждают погружение и средовое присутствие. Среди представителей с низким и средним показателями ЭИ по одному человеку в каждой группе (что составляет по 8% от общего числа респондентов в каждой группе) отмечены как не подтвердившие средовое присутствие. Существенным оказалось то, что в большинстве случаев уровень ЭИ не оказал существенного влияния на глубину включенности: у представителей всех уровней ЭИ наблюдается равномерное распределение между полным и умеренным средовым присутствием: 6 человек среди молодых людей с низким ЭИ; 5 человек с полным и 6 человек с умеренным средовым присутствием среди представителей со средним ЭИ; 6 и 5 человек соответственно среди представителей с высоким ЭИ.

Общие выводы. Таким образом, первоначальная гипотеза о наличии взаимосвязи между характеристиками эмоциональной сферы и особенностями погружения в виртуальную реальность подтвердилась частично. Процесс погружения в виртуальную реальность у молодых людей с высоким уровнем ЭИ происходит быстрее, чем у представителей с низким показателем ЭИ. Однако взаимосвязи между глубиной включенности в процесс и показателями эмоционального интеллекта не выявлено. Также в настоящем исследовании не выявлена взаимосвязь между процессом погружения в виртуальную реальность и акцентуациями характера.

Эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими связан с индивидуальными физиологическими аспектами их проявлений. То, что свойственно молодым людям с показателями высокого эмоционального интеллекта в нормальной реальности, в естественной среде, проявилось и в виртуальной реальности. Акцентуации характера в большей степени

проявляются в процессе взаимодействия людей друг с другом, поэтому они не оказали существенного влияния на познавательный однонаправленный процесс, к которым можно отнести просмотр фильма в ВР-шлеме.

Как уже было отмечено, исследованием выявлено то, что свойственно молодым людям с показателями высокого ЭИ в естественной среде, проявилось и в виртуальной реальности, а именно – у представителей с высоким ЭИ выше скорость и точность переработки информации об эмоциях и их проявлениях, выше чувствительность к своему эмоциональному и физическому состоянию. Это нашло отражение в том, что среди представителей с высоким показателем эмоционального интеллекта максимальное количество молодых людей отметили изменения своего физического состояния.

Поскольку процесс взаимодействия с виртуальной реальностью может сопровождаться изменением физического состояния, авторы считают целесообразным при использовании ВР-шлемов педагогами, психологами и другими пользователями ВР-продукции в образовательных, просветительских или иных целях, учитывать индивидуальные эмоциональные особенности погружения и восприятия виртуальной реальности. Это может выражаться в проведении обязательного предварительного индивидуального инструктажа с акцентом на возможность возникновения изменений физического состояния, в частности, непродолжительного головокружения.

В свете полученных результатов целесообразно продолжать исследование взаимодействия и влияния ВР-технологий на здоровье и психику человека. Ещё раз хочется отметить, что виртуальная реальность – это многообразное явление. Не всякие виртуальные среды могут быть полезны, их верный выбор является актуальной задачей для каждой специфической области применения ВР-технологий. В связи с этим представляет интерес изучение и сравнение показателей взаимодействия пользователей с ВР-средой при просмотре ВР-продукции различного содержания. По мнению авторов, это позволит находить и внедрять наиболее эффективные решения прикладных задач с использованием технологий виртуальной реальности.

Список литературы

1. Авербух Н.В. Субъективный метод изучения особенностей переживания феномена присутствия. // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 69–89.

2. Величковский Б.Б. Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах / Б.Б. Величковский // Национальный психологический журнал. – 2014. – №3(15). – С. 31–38.

3. Войскунский А.Е. О применении систем виртуальной реальности в психологии. / А.Е. Войскунский, Г.Я. Меньшикова // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. – 2008. – № 1. – С. 22–36.

4. Зинченко Ю.П. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. / Ю.П. Зинченко, Г.Я. Меньшикова, Ю.М. Баяковский, А.М. Черноризов, А.Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2010. –№1(3). – С. 54–71.

5. Кузьмина А.С. Анализ зарубежных исследований опыта человека в среде виртуальной реальности. / А. С. Кузьмина. – Вестник РУДН, серия Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2014. – № 2. – С. 102–112.

6. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова – М.: Изд-во Института психологии РАН. – 2004. – С. 29–36.

7. Виртуальная реальность в образовании [Электронный ресурс] https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/ (дата обращения 20.02.2021)

8. Рынок устройств виртуальной и дополненной реальности [Электронный ресурс] https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения 20.03.2021)

ОСОБЕННОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕТОДИКИ «ИСКЛЮЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ПОНЯТИЙ» УЧАЩИМИСЯ 1 – 2 КЛАССОВ С ТЯЖЁЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ

Коваленко О.М.
к.п.н., доцент кафедры общей и клинической психологии
Московская международная академия

Аннотация

В статье представлены особенности выполнения методики «Исключение предметов и понятий» по семантическим группам, образующим единство более широкого порядка, у учащихся 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи. Выявлены варианты выполнения данной методики, которые определяются степенью самостоятельности детей при исключении лишних предметов и понятий, правильностью производимого ими выбора и мотивации. Установлены варианты ответов, характерные для нормально развивающихся учащихся и учащихся с ТНР, а также варианты ответов, характерные только для учащихся с ТНР. Представлено соответствие вариантов выполнения методики и вариантов ответов, которое может служить основой для определения стратегий работы с детьми в ходе диагностики и коррекции речевого и интеллектуального развития учащихся 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи.

Ключевые слова: тяжёлые нарушения речи, учащиеся 1 – 2 классов, методика «Исключение предметов и понятий».

FEATURES OF THE "EXCLUSION OF OBJECTS AND CONCEPTS" METHOD FOR 1ST – 2ND GRADE STUDENTS WITH SEVERE SPEECH DISORDERS

O.M. Kovalenko
PhD, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology
of the Moscow International Academy

Abstract

The article presents the features of the "Exclusion of Objects and Concepts" method for semantic groups that form a broader unity in 1st – 2nd grade students with severe speech disorders. The article identifies the variants of this method, which are determined by the degree of children's independence in excluding unnecessary objects and concepts, the correctness of their choices, and their motivation. The test includes answer options specific to normally developing students and students with TDD, as well as answer options specific to students with TDD. The article presents the correspondence between the methodology and the answer options, which can serve as a basis for determining strategies for working with children during the diagnosis and correction of speech and intellectual development in 1st and 2nd grade students with severe speech disorders.

Keywords: severe speech disorders, 1st – 2nd grade students, "Exclusion of Objects and Concepts" method.

Введение

При общем недоразвитии речи (ОНР) отмечаются нарушение формирования всех компонентов речевой системы, относящихся к её звуковой и смысловой стороне [1, 2], а также вторичная задержка психического развития, проявляющаяся, прежде всего, в нарушении мышления [3, 4].

При обследовании ребёнка для диагностики состояния мышления первой, как правило, предлагается методика «Исключение предметов и понятий», направленная на выявление способности детей выделять существенные признаки предметов. При проведении коррекционно–развивающей работы данная методика также используется для расширения знаний и представлений детей об окружающей действительности и одновременно для коррекции мышления.

В связи с этим мы сочли целесообразным выявить особенности выполнения методики «Исключение предметов и понятий» по семантическим группам, образующим единство более широкого порядка, у учащихся 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи для определения стратегий работы с детьми данной категории в ходе диагностики и коррекции речевого и интеллектуального развития.

Методика исследования

1. Назвать изображённые предметы.

2.

а) Самостоятельно: выбор и мотивация выбора. Инструкция: «Какая картинка здесь лишняя? Она не подходит ко всем остальным картинкам. Какая это картинка? Почему?».

б) Самостоятельно: выбор и мотивация выбора. Инструкция: «Какое слово здесь лишнее? Оно не подходит ко всем остальным словам. Какое это слово? Почему?».

3. В случае неверного ответа на 2 этапе (неверный выбор, неверная мотивация). Оказывается помощь, содержание которой определяется ответом ребёнка на 2 этапе.

Инструкция:

а) « … (помощь) А теперь ещё раз подумай, какая картинка здесь лишняя? Почему?»;

б) « … (помощь) А теперь ещё раз подумай, какое слово здесь лишнее? Почему?».

Был подобран стимульный материал, обозначенный нами как «Семантические группы, образующие единство более широкого порядка». При этом использовался материал, представленный в пособиях «Четвертый лишний». Игра – занятие. Для детей 5 – 7 лет. – Киров: ОАО «РАДУГА» [5], авторов Забрамная С.Д., Боровик О.В. «Практический материал для проведения психолого–педагогического обследования детей». – М.: ВЛАДОС, 2003 [6] и др.

- Категория: домашние животные – дикое животное:

– стимульный материал: козлик – лошадь – поросёнок – мышка;

– стимульный материал: медведь – корова – собака – кот.

- Категория: домашние птицы – домашнее животное, стимульный материал: утка – собака – курица – гусь.
- Категория: насекомые – домашнее животное, стимульный материал: кошка – бабочка – жук – паук.
- Категория: птицы – насекомое, стимульный материал: сова – попугай – кузнечик – ворона.
- Категория: рыбы – домашняя птица, стимульный материал: рыбка – дельфин – щука – утёнок.

- Категория: овощи – фрукты:

– стимульный материал: огурец – яблоко – морковь – лук;

– стимульный материал: яблоко – груша – лук – апельсин.

- Категория: ягоды – фрукт, стимульный материал: смородина – вишня – клубника – банан.
- Категория: деревья – цветы, стимульный материал: пальма – дуб – ель – цветы.
- Категория: имена – фамилия, стимульный материал: Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай.

Полученные результаты

Нами были выделены следующие варианты выполнения методики «Исключение предметов и понятий» нормально развивающимися учащимися и учащимися с ТНР.

1. Самостоятельно: выбор верный – мотивация верная / практически верная. Категории детей: норма, ТНР.

2. Самостоятельно: выбор верный – мотивация неверная; с помощью: мотивация верная. Категории детей: норма, ТНР.

3. Самостоятельно: выбор верный – мотивация неверная; с помощью: мотивация неверная. Категория детей: ТНР.

4. Самостоятельно: выбор неверный – мотивация неверная; с помощью: выбор верный – мотивация верная. Категории детей: норма, ТНР.

5. Самостоятельно: выбор неверный – мотивация неверная; с помощью: выбор верный – мотивация неверная. Категория детей: ТНР.

У детей обеих категорий не наблюдалось отказов от выполнения задания.

При прохождении данных этапов были установлены следующие варианты ответов у нормально развивающихся учащихся и учащихся с ТНР.

1. Адекватное разграничение принципов анализа. Например, стимульный материал: «Яблоко – груша – лук – апельсин», выделенное ребёнком лишнее понятие: «лук», мотивация: «Лук – это овощ, а это – фрукты», категории детей: норма, ТНР.

2. Адекватное вычленение признаков сравниваемых понятий, без обобщения до категориально–лексической семы. Например, стимульный материал: «Огурец – яблоко – морковь – лук», выделенное ребёнком лишнее понятие: «яблоко», мотивация: «Яблоко на дереве растёт, а остальное на грядке», категория детей: ТНР.

3. Вычленение дифференциальной семы, не имеющей отношения к категориально–лексической семе, дифференциальной семы, конкретизирующей категориально–лексическую сему в структуре трёх из сравниваемых понятий, категориально–лексической семы в структуре четвёртого из сравниваемых понятий. Например, стимульный материал: «Козлик – лошадь – поросёнок – мышка», выделенное ребёнком лишнее понятие: «мышка», мотивация: «У козлика, лошадки и поросёнка есть копыта, ещё они нужны в хозяйстве у бабушки, а мышка – это дикое животное», категории детей: норма, ТНР.

4. Вычленение категориально–лексической семы в структуре одного из сравниваемых понятий и её отсутствие в структуре других понятий. Например, стимульный материал: «Пальма – дуб – ель – цветы», выделенное ребёнком лишнее понятие: «цветы», мотивация: «Цветы – это растение, а всё остальное – деревья», категория детей: ТНР.

5. Нарушение иерархии категориально–лексической и дифференциальных сем. Например, стимульный материал: «Пальма – дуб – ель – цветы», выделенное ребёнком

лишнее понятие: «ель», мотивация: «У ели иголки вместо листиков», категория детей: ТНР.

6. Вычленение одной из дифференциальных сем. Категориально–лексическая сема отсутствует. Например, стимульный материал: «Пальма – дуб – ель – цветы», выделенное ребёнком лишнее понятие: «цветы», мотивация: «Цветы маленькие, а это всё большое», категории детей: норма, ТНР.

7. Вычленение одной из дифференциальных сем в связи с недостаточностью знаний и представлений об окружающей действительности. Например, стимульный материал: «Медведь – корова – собака – кот», выделенное ребёнком лишнее понятие: «медведь», мотивация: «Медведь живёт на Севере, а остальные животные у нас», категория детей: ТНР.

8. Вычленение одной из дифференциальных сем в связи с недостаточной активностью в данный момент психического тонуса (норма), истощаемостью психического тонуса (ТНР). Например, стимульный материал: «Пальма – дуб – ель – цветы», выделенное ребёнком лишнее понятие: «пальма», мотивация: «Растёт не в России, а дуб, ель и цветы растут в России», категории детей: норма, ТНР.

9. Вычленение несуществующей семы в связи с отсутствием навыка целостного анализа предлагаемого материала и в связи с трудностями концентрации внимания. Например, стимульный материал: «Рыбка – дельфин – щука – утёнок», выделенное ребёнком лишнее понятие: «дельфин», мотивация: «Дельфин плавает только в море и в океане», категории детей: норма, ТНР.

10. Указание дифференциальной семы двух объектов путём противопоставления отдельного признака одного объекта сходному признаку другого объекта. Остальные два понятия при этом не анализируются. Например, стимульный материал: «Рыбка – дельфин – щука – утёнок», выделенное ребёнком лишнее понятие: «щука», мотивация: «Щука не плывёт как утка», категория детей: ТНР.

11. Актуализация привычных ассоциаций по смежности и координации к одному из понятий. Вычленение дифференциальной семы, не имеющей отношения к категориально–лексической семе. Например, стимульный материал: «Козлик – лошадь – поросёнок – мышка», выделенное ребёнком лишнее понятие: «мышка», мотивация: «Мышка живёт в норке, у неё нет копыт, а у остальных у всех копыта есть», категории детей: норма, ТНР.

12. Актуализация привычных ассоциаций по смежности и координации к одному из понятий. Категориально–лексическая и дифференциальные семы не вычленяются. Например, стимульный материал: «Медведь – корова – собака – кот», выделенное ребёнком лишнее понятие: «корова», мотивация: «Корова даёт молоко», категория детей: ТНР.

13. Вычленение одной из дифференциальных сем в сочетании с актуализацией привычных ассоциаций по смежности и координации к одному из понятий. Категориально–лексическая сема отсутствует. Например, стимульный материал: «Козлик – лошадь – поросёнок – мышка», выделенное ребёнком лишнее понятие: «лошадь», мотивация: «Лошадка самая большая, на ней можно кататься», категория детей: ТНР.

14. Ответ на основе неверного слухового анализирующего наблюдения: неверное определение слова, которое обозначается как лишнее понятие. Например, стимульный материал: «Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай», выделенное ребёнком

лишнее понятие: «семя», мотивация: «Семя – это не имя, семя растёт в поле», категории детей: норма, ТНР.

Далее представляем соответствие вариантов выполнения методики и вариантов ответов.

1. Самостоятельно: выбор верный – мотивация верная / практически верная.

Стимульный материал	Варианты ответов		
	1.	3.	4.
Козлик – лошадь – поросёнок – мышка (домашние животные – дикое животное)	+	+	
Медведь – корова – собака – кот (домашние животные – дикое животное)	+		
Утка – собака – курица – гусь (домашние птицы – домашнее животное)	+		
Кошка – бабочка – жук – паук (насекомые – домашнее животное)	+		
Сова – попугай – кузнечик – ворона (птицы – насекомое)	+		
Рыбка – дельфин – щука – утёнок (рыбы – домашняя птица)	+		
Огурец – яблоко – морковь – лук (овощи – фрукт)	+		
Яблоко – груша – лук – апельсин (фрукты – овощ)	+		
Смородина – вишня – клубника – банан (ягоды – фрукт)	+		+
Пальма – дуб – ель – цветы (деревья – цветы)	+		+
Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай (имена – фамилия)	+		

2. Самостоятельно: выбор верный – мотивация неверная; с помощью: мотивация верная.

Стимульный материал	Варианты ответов			
	2.	6.	7.	11.
Козлик – лошадь – поросёнок – мышка (домашние животные – дикое животное)				+
Медведь – корова – собака – кот (домашние животные – дикое животное)			+	
Утка – собака – курица – гусь (домашние птицы – домашнее животное)	+			
Кошка – бабочка – жук – паук (насекомые – домашнее животное)		+		
Сова – попугай – кузнечик – ворона (птицы – насекомое)		+		
Рыбка – дельфин – щука – утёнок (рыбы – домашняя птица)	+			
Огурец – яблоко – морковь – лук (овощи – фрукт)	+			
Яблоко – груша – лук – апельсин (фрукты – овощ)		+		
Смородина – вишня – клубника – банан (ягоды – фрукт)		+		
Пальма – дуб – ель – цветы (деревья – цветы)		+		
Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай (имена – фамилия)				

3. Самостоятельно: выбор верный – мотивация неверная;
с помощью: мотивация неверная.

Стимульный материал	Варианты ответов	
	2.	13.
Козлик – лошадь – поросёнок – мышка (домашние животные – дикое животное)		+
Медведь – корова – собака – кот (домашние животные – дикое животное)		
Утка – собака – курица – гусь (домашние птицы – домашнее животное)	+	
Кошка – бабочка – жук – паук (насекомые – домашнее животное)		
Сова – попугай – кузнечик – ворона (птицы – насекомое)		
Рыбка – дельфин – щука – утёнок (рыбы – домашняя птица)		
Огурец – яблоко – морковь – лук (овощи – фрукт)		
Яблоко – груша – лук – апельсин (фрукты – овощ)		
Смородина – вишня – клубника – банан (ягоды – фрукт)		
Пальма – дуб – ель – цветы (деревья – цветы)		
Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай (имена – фамилия)		

4. Самостоятельно: выбор неверный – мотивация неверная;
с помощью: выбор верный – мотивация верная.

Стимульный материал	Варианты ответов						
	5.	6.	7.	8.	9.	12.	14.
Козлик – лошадь – поросёнок – мышка (домашние животные – дикое животное)							
Медведь – корова – собака – кот (домашние животные – дикое животное)						+	
Утка – собака – курица – гусь (домашние птицы – домашнее животное)							
Кошка – бабочка – жук – паук (насекомые – домашнее животное)			+				
Сова – попугай – кузнечик – ворона (птицы – насекомое)						+	
Рыбка – дельфин – щука – утёнок (рыбы – домашняя птица)					+		
Огурец – яблоко – морковь – лук (овощи – фрукт)		+					
Яблоко – груша – лук – апельсин (фрукты – овощ)		+					
Смородина – вишня – клубника – банан (ягоды – фрукт)		+					
Пальма – дуб – ель – цветы (деревья – цветы)	+			+			
Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай (имена – фамилия)							+

5. Самостоятельно: выбор неверный – мотивация неверная;
с помощью: выбор верный – мотивация неверная.

Стимульный материал	Варианты ответов			
	6.	10.	12.	13.
Козлик – лошадь – поросёнок – мышка (домашние животные – дикое животное)				+
Медведь – корова – собака – кот (домашние животные – дикое животное)				
Утка – собака – курица – гусь (домашние птицы – домашнее животное)				
Кошка – бабочка – жук – паук (насекомые – домашнее животное)				
Сова – попугай – кузнечик – ворона (птицы – насекомое)			+	
Рыбка – дельфин – щука – утёнок (рыбы – домашняя птица)		+		
Огурец – яблоко – морковь – лук (овощи – фрукт)				
Яблоко – груша – лук – апельсин (фрукты – овощ)	+			
Смородина – вишня – клубника – банан (ягоды – фрукт)				
Пальма – дуб – ель – цветы (деревья – цветы)				
Василий – Фёдор – Семён – Иванов – Николай (имена – фамилия)				

Выводы

1. Для учащихся 1 – 2 классов исследуемых категорий характерно 5 вариантов выполнения методики «Исключение предметов и понятий», которые определялись степенью самостоятельности детей при исключении лишних предметов и понятий, правильностью производимого ими выбора и мотивации. Из них 1, 2 и 4 варианты отмечались при работе с детьми обеих категорий и 3 и 5 варианты при работе с детьми с тяжёлыми нарушениями речи.

2. У учащихся 1 – 2 классов исследуемых категорий было отмечено 14 вариантов ответов при выполнении методики «Исключение предметов и понятий». Из них 1, 3, 6, 8, 9, 11, 14 варианты отмечались в ответах детей обеих категорий и 2, 4, 5, 7, 10, 12, 13 варианты в ответах детей с тяжёлыми нарушениями речи.

3. Представленное в настоящем исследовании соответствие вариантов выполнения методики и вариантов ответов может служить основой для определения стратегий работы с детьми в ходе диагностики и коррекции речевого и интеллектуального развития учащихся 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи.

Заключение

Обобщение данных материалов будет представлено в статье «Особенности выполнения методики «Исключение предметов и понятий» учащимися 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи (сообщение 2)», конкретные данные по использованному в исследовании стимульному материалу в статье «Особенности выполнения методики «Исключение предметов и понятий» учащимися 1 – 2 классов с тяжёлыми нарушениями речи (сообщение 3)».

Список литературы

1. Логопедия. Учебник для ВУЗов. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2009.
2. Основы теории и практики логопедии / Под ред. Р.Е. Левиной. – М.: Просвещение, 1967.
3. Волковская Т.Н., Левченко И.Ю. Логопсихология: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – (Высшее образование).
4. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Логопсихология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2006.
5. Четвертый лишний. Игра – занятие. Для детей 5 – 7 лет. – Киров: ОАО «РАДУГА».
6. Забрамная С.Д., Боровик О.В. Практический материал для проведения психолого–педагогического обследования детей. – М.: ВЛАДОС, 2003.

СТАБИЛЬНОСТЬ ПРОДУКТИВНОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВ РАЗЛИЧНОЙ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ БЕЗ ПОМОЩИ ЛОГОПЕДА ПРИ ПЕРВИЧНОМ И ПОВТОРНОМ ПРОГОВАРИВАНИИ У ДЕТЕЙ 6 – 7 ЛЕТ С ФФН И С ОНР (III УРОВЕНЬ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ)

Коваленко О.М.
к.п.н., доцент кафедры общей и клинической психологии
Московская международная академия
Кириллова Л.А.
студентка *5* курса кафедры специального (дефектологического) образования,
Московский государственный психолого-педагогический университет

Аннотация

Для исследования использовалась методика, представленная Г.В. Бабиной, Н.Ю. Сафонкиной: комплекс А «Выявление продуктивности произнесения слов различной слоговой структуры без помощи логопеда». Полученные результаты. По каждому из заданий приводится количество верных произнесений при первичном и повторном проговаривании у детей с ФФН и детей с ОНР (III уровень речевого развития) и указываются различия в продуктивности выполнения заданий при первичном и повторном проговаривании. Далее представлен обобщённый вариант полученных в исследовании количественных данных в виде групп заданий на основании различий в продуктивности их выполнения при первичном и повторном проговаривании детьми 6 – 7 лет с ФФН и ОНР (III уровень речевого развития).

Ключевые слова: фонетико–фонематическое недоразвитие речи, общее недоразвитие речи (III уровень), дети 6 – 7 лет, нарушение слоговой структуры слова.

STABILITY OF THE PRODUCTIVITY OF REPRODUCING WORDS OF VARIOUS SYLLABIC STRUCTURES WITHOUT THE HELP OF A SPEECH THERAPIST DURING PRIMARY AND REPEATED PRONUNCIATION IN CHILDREN AGED 6–7 WITH FFN AND WITH ONR (III LEVEL OF SPEECH DEVELOPMENT)

Kovalenko O.M.
PhD, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology
of the Moscow International Academy
Kirillova L.A.
5th year student of the Department of Special (Defectological) Education,
Moscow State University of Psychology and Education

Abstract

The study used the methodology presented by G.V. Babin and N.Yu. Safonkina: Complex A “Identifying the productivity of pronouncing words of various syllabic structures without the help of a speech therapist”. The results obtained. For each of the tasks, the number of correct pronunciations during primary and repeated articulation is given for children with FFN and children with ONR (III level of speech development), and the differences in the productivity of completing the tasks during primary and repeated articulation are indicated. Next, a generalized version of the quantitative data obtained in the study is presented in the form of groups of tasks based on the differences in their performance by 6 – 7–year–old children with FFN and ONR (III level of speech development).

Keywords: phonetic and phonemic speech underdevelopment, general speech underdevelopment (level III), children aged 6–7 years, word syllabic structure disorder.

Введение

Структура дефекта при фонетико–фонематическом недоразвитии речи (ФФН) представлена нарушениями фонетики и фонематических процессов, структура дефекта при общем недоразвитии речи (ОНР) включает в себя нарушения всех компонентов речевой системы [1; 2]. Нарушение слоговой структуры слова отмечается и при ФФН, и при ОНР [3; 4].

Ранее мы описывали продуктивность воспроизведения слов различной слоговой структуры детьми 6 – 7 лет с ФФН и с ОНР (III уровень речевого развития) на основании анализа результатов по методике, представленной Г.В. Бабиной, Н.Ю. Сафонкиной: комплекс А «Выявление продуктивности произнесения слов различной слоговой структуры без помощи логопеда (при первичном проговаривании)» и комплекс Б «Выявление продуктивности произнесения слов различной слоговой структуры с помощью логопеда: отражённое (при необходимости – замедленное) проговаривания слов; сопряжённое проговаривание слов» [5]. При этом нами были выделены четыре группы заданий по степени продуктивности их выполнения:

– 1 группа: задания, с которыми справляется 100% детей с ФФН и 100% детей с ОНР (III уровень речевого развития);

– 2 группа: задания, с которыми справляется 100% детей с ФФН и 74,1 – 98,1% детей с ОНР (III уровень речевого развития);

– 3 группа: задания, с которыми справляется 98,1% детей с ФФН и 40,7 – 87% детей с ОНР (III уровень речевого развития);

– 4 группа: задание, с которым справляется 92,6% детей с ФФН и 53,7% детей с ОНР (III уровень речевого развития) [6, с. 205].

В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на анализе результатов по комплексу А «Выявление продуктивности произнесения слов различной слоговой структуры без помощи логопеда». Цель: установить стабильность продуктивности воспроизведения слов различной слоговой структуры без помощи логопеда при первичном и повторном проговаривании у детей 6 – 7 лет с ФФН и с ОНР (III уровень речевого развития).

Методика исследования

Оборудование: предметные картинки.

Ход проведения. Ребёнку показывают предметные картинки и дают следующую и*нструкцию*: «Скажи, что это / кто это».

Полученные результаты

Количество верных произнесений при первичном и повторном проговаривании у детей с ФФН и детей с ОНР (III уровень речевого развития)

Различия в продуктивности выполнения заданий при первичном и повторном проговариванииу детей с ФФН и у детей с ОНР (III уровень речевого развития)

Количественные результаты: таблицы 1 – 12.

Задание 1. Произнесение односложных слов без стечений согласных звуков. Речевой и картинный материал – слова: «мак», «дым» и др.

Таблица 1.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании

Задание 2. Произнесение двусложных слов без стечений согласных звуков.
а) Речевой и картинный материал – слова: «вода», «коты» и др.

Таблица 2.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	98,1	100	Улучшение показателей на 1,9%: с 98,1% верных ответов при первичном проговаривании до 100% верных ответов при повторном проговаривании

б) Речевой и картинный материал – слова: «диван», «хомяк» и др.

Таблица 3.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании

Задание 3. Произнесение односложных слов со стечениями согласных звуков.

а) Речевой и картинный материал – слова со стечениями согласных звуков в начале слова: «стул», «внук» и др.

Таблица 4.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании

б) Речевой и картинный материал – слова со стечениями согласных звуков в конце слова: «танк», «лист» и др.

Таблица 5.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании

Задание 4. Произнесение двусложных слов со стечениями согласных звуков.

а) Речевой и картинный материал – слова со стечениями согласных звуков на стыке слогов: «кофта», «медведь» и др.

Таблица 6.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании

ОНР	98,1	100	Улучшение показателей на 1,9%: с 98,1% верных ответов при первичном проговаривании до 100% верных ответов при повторном проговаривании

б) Речевой и картинный материал – слова со стечениями согласных звуков в начале слова: «шкафы», «столы» и др.

Таблица 7.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	98,1	100	Улучшение показателей на 1,9%: с 98,1% верных ответов при первичном проговаривании до 100% верных ответов при повторном проговаривании

Задание 5. Произнесение трёхсложных слов без стечений согласных звуков.

а) Речевой и картинный материал – слова: «машина», «лопата» и др.

Таблица 8.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	94,4	94,4	Различий нет. Одинаковое количество верных ответов при первичном и повторном проговаривании: по 94,4%

б) Речевой и картинный материал – слова: «колобок», «барабан» и др.

Таблица 9.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании

ОНР	98,1	100	Улучшение показателей на 1,9%: с 98,1% верных ответов при первичном проговаривании до 100% верных ответов при повторном проговаривании

Задание 6. Произнесение трёхсложных слов со стечениями согласных звуков. Речевой и картинный материал – слова: «конфеты», «клубника» и др.

Таблица 10.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	100	Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми при первичном и повторном проговаривании
ОНР	85,2	93,5	Улучшение показателей на 8,3%: с 85,2% верных ответов при первичном проговаривании до 93,5% верных ответов при повторном проговаривании

Задание 7. Произнесение многосложных слов.

а) Речевой и картинный материал – слова без стечений согласных звуков: «пуговицы», «телевизор» и др.

Таблица 11.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	100	98,1	Ухудшение показателей на 1,9%: со 100% верных ответов при первичном проговаривании до 98,1% верных ответов при повторном проговаривании
ОНР	78,7	90,7	Улучшение показателей на 12%: с 78,7% верных ответов при первичном проговаривании до 90,7% верных ответов при повторном проговаривании

б) Речевой и картинный материал – слова со стечениями согласных звуков: «сковородка», «космонавты» и др.

Таблица 12.

Количество верных произнесений (в %),
различия в продуктивности выполнения

	Варианты проговаривания		Различия в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании
	первичное	повторное	
ФФН	92,6	98,1	Улучшение показателей на 5,5%: с 92,6% верных ответов при первичном проговаривании до 98,1% верных ответов при повторном проговаривании
ОНР	53,7	61,1	Улучшение показателей на 7,4%: с 53,7% верных ответов при первичном проговаривании до 61,1% верных ответов при повторном проговаривании

Представленные в настоящем исследовании данные были обобщены на основании различий в продуктивности выполнения заданий при первичном и повторном проговаривании детьми 6 – 7 лет с ФФН и ОНР (III уровень речевого развития). При этом нами выделены следующие четыре группы заданий.

Группы заданий
на основании различий в продуктивности их выполнения
при первичном и повторном проговаривании
детьми 6 – 7 лет с ФФН и ОНР (III уровень речевого развития)

1 группа. Различий в продуктивности выполнения задания при первичном и повторном проговаривании нет. Верное произнесение всех слов детьми с ФФН и детьми с ОНР (III уровень речевого развития).

Задания: ФФН – 1, 2а, 2б, 3а, 3б, 4а, 4б, 5а, 5б, 6; ОНР (III уровень речевого развития) – 1, 2б, 3а, 3б.

2 группа. Различий нет. Одинаковое количество верных ответов при первичном и повторном проговаривании (по 94,4%).

Задания: ФФН – ; ОНР (III уровень речевого развития) – 5а.

3 группа. Улучшение показателей.

Задания: ФФН – 7б; ОНР (III уровень речевого развития) – 2а, 4а, 4б, 5б, 6, 7а, 7б.

4 группа. Ухудшение показателей.

Задания: ФФН – 7а; ОНР (III уровень речевого развития) – .

В ответах детей с ФФН данные группы представлены следующим образом (таблицы 13 – 15).

1 группа. Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми
при первичном и повторном проговаривании.

Таблица 13.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
1	Произнесение односложных слов без стечений согласных звуков	СГС	мак, дым

2а	Произнесение двусложных слов без стечений согласных звуков	СГСГ	вода, коты
2б		СГСГС	диван, хомяк
3а	Произнесение односложных слов со стечениями согласных звуков в начале слова	ССГС	стул, внук
3б	Произнесение односложных слов со стечениями согласных звуков в конце слова	СГСС	танк, лист
4а	Произнесение двусложных слов со стечениями согласных звуков на стыке слогов	СГССГ, СГССГС	кофта, медведь
4б	Произнесение двусложных слов со стечениями согласных звуков в начале слова	ССГСГ	шкафы, столы
5а	Произнесение трёхсложных слов без стечений согласных звуков	СГСГСГ	машина, лопата
5б		СГСГСГС	колобок, барабан
6	Произнесение трёхсложных слов со стечениями согласных звуков	СГСГСГС, ССГССГСГ	конфеты, клубника

Рекомендации. Логопедическая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова не требуется.

3 группа. Улучшение показателей
(на 5,5%: с 92,6% верных ответов при первичном проговаривании
до 98,1% верных ответов при повторном проговаривании).

Таблица 14.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
7б	Произнесение многосложных слов со стечениями согласных звуков	ССГСГСГССГ, СГССГСГССГ	сковородка, космонавты

Рекомендации. Логопедическая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова требуется. Проводится на индивидуальных логопедических занятиях.

– Включение в речевой материал занятий слов с указанными типами слоговых структур для периодического самостоятельного проговаривания. В случае ошибки сказать ребёнку, что он произнёс то или иное слово неверно, и предложить повторить его ещё раз.

– Если названный ребёнком вариант снова неверный, то проводится соответствующая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова.

4 группа. Ухудшение показателей
(на 1,9%: со 100% верных ответов при первичном проговаривании
до 98,1% верных ответов при повторном проговаривании).

Таблица 15.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
7а	Произнесение многосложных слов без стечений согласных звуков	СГСГСГСГ, СГСГСГСГС	пуговицы, телевизор

Рекомендации. Включение в речевой материал занятий по коррекции нарушений чтения и письма слов с указанными типами слоговых структур для периодического самостоятельного проговаривания. В случае ошибки сказать ребёнку, что он произнёс то или иное слово неверно, и предложить повторить его ещё раз.

В ответах детей с ОНР (*III* уровень речевого развития) данные группы представлены следующим образом (таблицы 16 – 21).

1 группа. Различий нет. Верное произнесение слов всеми детьми
при первичном и повторном проговаривании.

Таблица 16.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
1	Произнесение односложных слов без стечений согласных звуков	СГС	мак, дым
2б	Произнесение двусложных слов без стечений согласных звуков	СГСГС	диван, хомяк
3а	Произнесение односложных слов со стечениями согласных звуков в начале слова.	ССГС	стул, внук
3б	Произнесение односложных слов со стечениями согласных звуков в конце слова	СГСС	танк, лист

Рекомендации. Логопедическая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова не требуется.

2 группа. Различий нет. Одинаковое количество верных ответов
при первичном и повторном проговаривании (по 94,4%).

Таблица 17.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
5а	Произнесение трёхсложных слов без стечений согласных звуков	СГСГСГ	машина, лопата

Рекомендации. Логопедическая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова требуется. Проводится на индивидуальных логопедических занятиях.

3 группа. Улучшение показателей на 12%: с 78,7% верных ответов при первичном проговаривании до 90,7% верных ответов при повторном проговаривании

Таблица 18.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
7а	Произнесение многосложных слов без стечений согласных звуков	СГСГСГСГ, СГСГСГСГС	пуговицы, телевизор

на 8,3%: с 85,2% верных ответов при первичном проговаривании до 93,5% верных ответов при повторном проговаривании

Таблица 19.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
6	Произнесение трёхсложных слов со стечениями согласных звуков	СГСГСГС, ССГССГСГ	конфеты, клубника

на 7,4%: с 53,7% верных ответов при первичном проговаривании до 61,1% верных ответов при повторном проговаривании

Таблица 20.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
7б	Произнесение многосложных слов со стечениями согласных звуков	ССГСГСГССГ, СГССГСГССГ	сковородка, космонавты

Рекомендации. Логопедическая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова требуется. Проводится на индивидуальных логопедических занятиях.

– Включение в речевой материал занятий слов с указанными типами слоговых структур для периодического самостоятельного проговаривания. В случае ошибки сказать ребёнку, что он произнёс то или иное слово неверно, и предложить повторить его ещё раз.

– Если названный ребёнком вариант снова неверный, то проводится соответствующая работа по коррекции нарушения слоговой структуры слова на 1,9%: с 98,1% верных ответов при первичном проговаривании до 100% верных ответов при повторном проговаривании

Таблица 21.

№ задания	Задание	Слоговая структура слова	Примеры слов
2а	Произнесение двусложных слов без стечений согласных звуков.	СГСГ	вода, коты
4а	Произнесение двусложных слов со стечениями согласных звуков на стыке слогов.	СГССГ, СГССГС	кофта, медведь
4б	Произнесение двусложных слов со стечениями согласных звуков в начале слова.	ССГСГ	шкафы, столы
5б	Произнесение трёхсложных слов без стечений согласных звуков.	СГСГСГС	колобок, барабан

Рекомендации. Включение в речевой материал занятий по коррекции нарушений чтения и письма слов с указанными типами слоговых структур для периодического самостоятельного проговаривания. В случае ошибки сказать ребёнку, что он произнёс то или иное слово неверно, и предложить повторить его ещё раз.

Выводы. Полученные результаты могут быть использованы при определении форм и содержания логопедической работы по коррекции нарушения слоговой структуры слова у учащихся 1 классов общеобразовательной школы, имеющих логопедические заключения «ФФН» и «ОНР (III уровень речевого развития)».

Список литературы

1. Логопедия. Учебник для ВУЗов. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2009.
2. Основы теории и практики логопедии / Под ред. Р.Е. Левиной. – М.: Просвещение, 1967.
3. Антоненкова Е.С., Колодовская Е.А. Некоторые аспекты слоговой структуры слова у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Традиции и новации в дошкольном образовании. 2025. № 2 (3). С. 14–19.
4. Шешукова Н.Н., Кокорина Д.А. Особенности нарушений слоговой структуры слова у дошкольников с фонетико–фонематическим недоразвитием // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник научных статей по материалам XXII международной научно–практической конференции. Киров, 2023. С. 717–722.
5. Бабина Г.В., Сафонкина Н.Ю. Слоговая структура слова: обследование и формирование у детей с недоразвитием речи. Учебно–методическое пособие. – М.: Книголюб, 2005. Серия «Логопедические технологии». – 96 с.

6. Коваленко О.М., Кириллова Л.А. Продуктивность воспроизведения слов различной слоговой структуры детьми 6 – 7 лет с фонетико–фонематическим недоразвитием речи и с общим недоразвитие речи (III уровень) // Мир педагогики и психологии. 2025. № 6 (107). С. 191–212.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ МЧС РОССИИ

Барышова Юлия Николаевна,
Барышов Александр Сергеевич
Московская международная академия

Аннотация

В статье рассмотрены основные факторы, цели судебной экспертизы в системе МЧС. Дан перечень специализации судебных экспертов.

Ключевые слова: безопасность, катастрофы, преступность, тревога, кризис, комплекс мер.

FORENSIC EXAMINATION IN THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

Yulia N. Baryshova
Alexander S. Baryshov
Moscow International Academy

Abstract

The article discusses the main factors and objectives of forensic examination in the Ministry of Emergency Situations. The list of specialization of forensic experts is given.

Keywords: safety, disasters, crime, alarm, crisis, set of measures.

Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний. В целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем ставятся конкретные вопросы. Судебная экспертиза в системе МЧС России проводится в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы.

Государственные судебно–экспертные учреждения в обязательном порядке производят судебную экспертизу для органов дознания, органов предварительного следствия и судов. СЭУ ИПЛ по Ярославской области выполняет только пожарно–технические экспертизы по материалам уголовных и административных дел, а так же материалам в рамках доследственной проверки по фактам пожаров.

Судебные экспертизы по уголовным делам, связанным с пожарами и нарушениями правил пожарной безопасности, по делам об административных правонарушениях в отношении физических лиц, производство по которым отнесено к компетенции органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, а также при осуществлении мероприятий по государственному контролю (надзору) должностными лицами органов ОНД проводятся бесплатно.

После окончания производства экспертного исследования учреждением выдаётся техническое заключение специалиста или заключение «пожарно–технической экспертизы».

Специализации судебных пожарно-технических экспертов в системе государственных судебно – экспертных учреждений Федеральной противопожарной службы МЧС России:

- СПТЭ–1 – «Реконструкция процесса возникновения и развития пожара».
- СПТЭ–2 – «Металлографические и морфологические исследования металлических объектов СПТЭ».
- СПТЭ–3 – «Рентгенофазовый анализ при исследовании объектов СПТЭ».
- СПТЭ–4 – «Молекулярная и атомная спектроскопия при исследовании объектов СПТЭ».
- СПТЭ–5 – «Термический анализ при исследовании объектов СПТЭ».
- СПТЭ–6 – «Обнаружение и классификация инициаторов горения при исследовании объектов СПТЭ».
- СПТЭ–7 – «Полевые инструментальные методы при исследовании объектов СПТЭ».
- СПТЭ–8 – «Анализ нарушений нормативных требований в области пожарной безопасности, прогнозирование и экспертное исследование их последствий».

Основные цели деятельности учреждений судебной экспертизы МЧС:

- защита интересов государства, прав и свобод граждан и юридических лиц путём проведения объективных научно–обоснованных судебных экспертиз и исследований;
- обеспечение исполнения полномочий должностных лиц органов государственного пожарного надзора, а также повышение эффективности деятельности при расследовании преступлений и правонарушений, связанных с пожарами;
- содействие судам, органам дознания, следствия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, посредством разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области науки и техники;
- научно–техническая деятельность, направленная на получение и применение новых знаний.

Некоторые задачи и функции судебно–экспертных учреждений МЧС России:

- производство судебных экспертиз и экспертных исследований;
- оценка соответствия объектов защиты (продукции) требованиям пожарной безопасности, в том числе проведение испытаний веществ, материалов, изделий, оборудования и конструкций на пожарную безопасность;
- производство экспертиз в рамках мероприятий по контролю (надзору);
- научно–техническое консультирование в рамках процессуальных действий по делам о пожарах, нарушениях требований пожарной безопасности и в области пожарной безопасности;
- выполнение работ по подготовке сотрудников и работников федеральной противопожарной службы к аттестации на право самостоятельного производства судебных экспертиз.

Головным судебно–экспертным подразделением МЧС России является Исследовательский центр экспертизы пожаров Санкт–Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. Организация и производство судебных экспертиз осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, Федеральным законом от 31 мая 2001 г. №73–ФЗ «О государственной судебно–экспертной деятельности в Российской Федерации» и другими нормативными правовыми актами.

Судебно–экспертные учреждения федеральной противопожарной службы Приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 10 марта 1945 года № 046 созданы первые передвижные пожарные лаборатории в Москве, Ленинграде, Свердловске и Горьком.

Приказом МЧС России 14 октября 2005 г. № 745 испытательные пожарные лаборатории преобразованы в судебно–экспертные учреждения федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы (далее – Учреждения), являющиеся самостоятельными юридическими лицами центрального подчинения.

В настоящее время в систему судебно–экспертных учреждений МЧС России входят 77 испытательных пожарных лабораторий федеральной противопожарной службы и два судебно–экспертных центра.

Головным судебно–экспертным подразделением, осуществляющим научно–методическое руководство Учреждениями, является Исследовательский центр экспертизы пожаров Санкт–Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России.

Учреждения оснащены необходимым современным материально–техническим, лабораторным и криминалистическим оборудованием, средствами измерения, обладают значительным кадровым и научным потенциалом, демонстрируют динамичное развитие, выполняя важные задачи, связанные с обеспечением пожарной безопасности различных отраслей экономики и промышленности России.

Основные цели деятельности Учреждений:

- защита интересов государства, прав и свобод граждан и юридических лиц, посредством проведения объективных научно–обоснованных судебных экспертиз и исследований;
- обеспечение исполнения полномочий должностных лиц органов государственного пожарного надзора, а также повышения эффективности деятельности при расследовании преступлений и правонарушений, связанных с пожарами;
- организация и производство судебных экспертиз и экспертных исследований;
- оказание содействия судам, органам дознания, следствия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, посредством разрешения вопросов,

требующих специальных познаний в области науки и техники;

• научно–техническая деятельность, направленная на получение и применение новых знаний.

Основные задачи и функции Учреждений:

• производство судебных экспертиз и экспертных исследований;

• оценка соответствия объектов защиты (продукции) требованиям пожарной безопасности (за исключением государственного пожарного надзора), в том числе проведение испытаний веществ, материалов, изделий, оборудования и конструкций на пожарную безопасность;

• производство экспертиз в рамках мероприятий по контролю (надзору);

• научно–техническое консультирование в рамках процессуальных действий по делам о пожарах, нарушениях требований пожарной безопасности и в области пожарной безопасности (в том числе: подготовка в письменном виде суждения по поставленным вопросам, проведение научно–технического консультирования с выездом на место происшествия);

• выполнение работ по подготовке сотрудников и работников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы к аттестации на право самостоятельного производства судебных экспертиз.

Учреждения вправе выполнять следующие работы для граждан и юридических лиц за плату:

• проведение расчетов и испытаний, выполненных по сертифицированным или апробированным иным способом методикам в области обеспечения пожарной безопасности;

• научно–практическая деятельность, оказание информационно–аналитических, консультационных и методических услуг в области пожарной безопасности, научно–техническое сопровождение при разработке нормативных документов, раздела проектной документации в сфере пожарной безопасности и специальных технических условий федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления, организациям и гражданам;

• экспертная оценка технической документации и проектных решений в части соответствия требованиям и нормам в области пожарной безопасности;

• анализ технической документации на продукцию, к которой установлены или должны быть установлены требования пожарной безопасности;

• строительный контроль в части обеспечения требований пожарной безопасности;

• разработка проектов деклараций пожарной безопасности;

• разработка планов эвакуации людей при пожаре;

• разработка инструкций о мерах пожарной безопасности;

• образовательная деятельность;

• деятельность в рамках Национальной системы оценки профессиональных квалификаций;

• осуществление независимой оценки соблюдения обязательных требований в форме органа инспекции.

Все виды деятельности, осуществляемые Учреждением в соответствии с законодательством Российской Федерации, требующие дополнительного получения лицензий, сертификатов либо аккредитации, осуществляются Учреждением только при наличии указанных документов.

Поэтому судебной экспертизе в современном мире отводится одно из главных мест. При этом, несмотря на вспомогательный характер, институты судебной экспертизы являются самостоятельными и значимыми элементами в системе МЧС.

КОРРЕКТНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ В УЧЕТЕ ПО МСФО (IFRS) 16 «АРЕНДА»

Железнякова Елена Александровна
кандидат экономических наук, доцент
Московская международная академия

Аннотация

Данная статья посвящена комплексному анализу роли и механизмов применения профессиональных суждений при реализации требований МСФО (IFRS) 16 «Аренда». Ключевая задача стандарта — преобразовать традиционную модель учета операционной аренды, что неизбежно сопряжено со сложными оценочными решениями, которые лежат в основе достоверного формирования финансовой отчетности.

Ключевые слова: МСФО (IFRS) 16, аренда, учет, профессиональные суждения.

THE CORRECTNESS OF THE APPLICATION OF PROFESSIONAL JUDGMENTS IN ACCOUNTING UNDER IFRS 16 LEASES

Elena A. Zheleznyakova
Ph.D., Associate professor
Moscow International Academy

Abstract

This article is devoted to a comprehensive analysis of the role and mechanisms of applying professional judgments in implementing the requirements of IFRS 16 Leases. The key objective of the standard is to transform the traditional accounting model for operating leases, which inevitably involves complex valuation decisions that underlie reliable financial reporting.

Keywords: IFRS 16, lease, accounting, professional judgments.

В настоящее время правильное использование профессионального суждения в рамках международного учета по МСФО (IFRS) 16 «Аренда» играет ключевую роль как при оценке и признании активов, представляющих право пользования, так и при обязательствах по аренде. Это также охватывает определение срока аренды, а также корректный расчет и отображение первичной и последующей оценки. Область применения таких суждений охватывает определение, подпадает ли конкретный договор под действие МСФО 16, а также ситуации, требующие оценки справедливой стоимости.

Отметим важность профессиональных суждений для учета, а именно:

- ответственность за принятые решения, под этим понимается правильное применение профессиональных суждений, которое является важной частью работы бухгалтера, так как оно напрямую влияет на финансовую отчетность компании;
- обеспечение сопоставимости, под этим понимается использование профессиональных суждений, которое позволяет обеспечить сопоставимость финансовой отчетности компаний, что способствует более качественному анализу и принятию решений;
- соблюдение требований стандарта, под этим понимается МСФО (IFRS) 16, которое требует от компании применения профессиональных суждений для корректного применения всех требований стандарта.

Критическая важность профессиональных суждений проявляется на всех ключевых этапах учета аренды:

Квалификация договора. Первоначальное и фундаментальное суждение заключается в анализе соглашения на предмет наличия в нем признаков аренды. Специалистам необходимо оценить, предоставляет ли договор право контролировать использование идентифицированного актива в течение определенного периода в обмен на вознаграждение. Это требует тщательного разграничения между собственно арендой и договорами на услуги.

Определение срока аренды. Существенное влияние на объем признаваемых активов и обязательств оказывает оценка срока аренды. Профессиональное суждение здесь необходимо для анализа всех вероятных периодов, включая опционы на продление или досрочное расторжение. При этом требуется учесть все экономические стимулы (например, значительные штрафы за прекращение договора или выгодные условия при продлении), которые могут сделать исполнение опциона практически неизбежным.

Первоначальная и последующая оценка. На дату начала аренды ключевым является суждение о ставке дисконтирования для оценки настоящей стоимости будущих арендных платежей. Поскольку ставка процента в аренде часто неявна, на практике требуется ее оценка, например, через определение ставки, которую бы потребовал арендодатель, или через анализ кредитного риска арендатора. При последующем учете профессиональные суждения применяются при тестировании актива в форме права пользования (right-of-use asset) на обесценение, а также при пересмотре учетных оценок в случае изменения условий аренды.

Сфера применения суждений охватывает два основных направления определение границ применения стандарта и оценочные процедуры.

Определение границ применения стандарта. Решение о том, подпадает ли конкретный договор под действие МСФО (IFRS) 16 или должен учитываться в соответствии с другими стандартами.

Оценочные процедуры. Ситуации, когда для применения стандарта требуется определить справедливую стоимость актива или иные переменные, не имеющие прямого рыночного аналога.

Таким образом, корректное и обоснованное применение профессиональных суждений является неотъемлемым элементом формирования прозрачной, уместной и достоверной финансовой отчетности в соответствии с МСФО (IFRS) 16, напрямую влияя на ключевые финансовые показатели компании.

Но обратим внимание на профессиональные суждения по аренде, которые надо перепроверить. Вынося профессиональные суждения при учете аренды, важно их практически обосновать. Ведь они касаются в основном предположений о будущем, выводы по ним субъективны, а их результат влияет на суммы актива и обязательства у арендатора или инвестиции у другой стороны.

Рассмотрим, типичные нюансы упускают специалисты международного учета, чтобы не повторить их ошибок.

Из-за необходимости выносить профессиональные суждение по вопросам, которые влияют на учет актива в форме права пользования и обязательства /инвестиции по аренде, два специалиста в отношении одной хозяйственной ситуации получают разные величины и в последующем будут иметь разные показатели прибыльности деятельности, финансового рычага и т.д. Рассмотрим вопросы, которые довольно часто встречаются на практике, но не всегда получают должного внимания со стороны отчитывающихся компаний.

Самое сложное профессиональное суждение – это определение срока аренды. МСФО (IFRS) 16 (пп. 18-21, B34-B41) требует, чтобы при определении срока аренды учитывались реальные возможные варианты продления или расторжения договора. Поэтому маловероятно, что получится отказаться от необходимости применять этот стандарт путем составления договора аренды на срок 11 месяцев или включения в его текст разнообразных вариантов расторжения в логике «в любой момент». Это обусловлено тем, что срок аренды, определяемый в соответствии с установленным стандартом, охватывает не только основной период аренды, но и дополнительные временные отрезки, связанные с возможностью продления. Эти периоды включаются в расчет, если существует высокая степень уверенности в том, что арендатор воспользуется своим правом на продление. При этом любые вариативные условия расторжения договора, которые могут быть инициированы исключительно со стороны арендодателя, не учитываются при определении общего срока аренды и не влияют на итоговые расчеты.

Следующее профессиональное суждение связано с определением стоимости базового актива. Стандарт по аренде в качестве практического упрощения разрешает не признавать базовые активы с низкой стоимостью (п. 5 МСФО (IFRS) 16). На практике бывает сложно определить, достаточно ли малую стоимость имеет базовый актив, чтобы появилась возможность не применять общие правила МСФО (IFRS) 16. В дальнейшем результаты такого суждения (порог между «низкой» и «высокой» стоимостью определенного вида предмета аренды) надо будет применять

последовательно, «независимо от размера и характера или обстоятельства арендатора». Стандарт не содержит большого количества рекомендаций, которые помогли бы оценить, что означает «низкая стоимость».

Примеры в пункте B8 стандарта приведены видимо для того, чтобы учетные специалисты могли провести аналогию со сравнительной стоимостью активов. Однако на практике отдельные телефоны, предметы мебели, компьютеры могут быть весьма дорогими, а другие — дешевле. Рыночное ценообразование на такие активы может складываться по-разному, в зависимости от производителя, марки, технических характеристик и т.п. Например, для крупной разветвленной организации с годовым операционным бюджетом в несколько миллиардов рублей договор аренды небольшого помещения в небольшом городе будет явно несущественным. Тем не менее, утверждать, что на данном основании ей можно не вести учет по правилам МСФО (IFRS) 16, значит допускать учетную ошибку.

На практике и в литературе в качестве основы для выводов по этому вопросу используется сумма в размере 5 000 долларов США, которую Совет по МСФО упоминает в своих рабочих документах в процессе работы над МСФО (IFRS) 16 в 2015 году, хотя ее явным образом в итоговом тексте стандарта не указали

Необходимо отметить взаимосвязь требований МСФО (IFRS) 16 и других стандартов МСФО. Использование профессиональных суждений при применении МСФО (IFRS) 16 «Аренда» требует учета его тесной методологической взаимосвязи с другими стандартами. Эта связь непосредственно влияет на порядок признания арендованных активов.

Так, если предметом аренды является актив, который в соответствии с МСФО (IAS) 16 «Основные средства» классифицируется как объект недвижимости, оборудования или другого основного средства, то у арендатора возникает обязательство признать актив в форме права пользования и соответствующее арендное обязательство. Это правило действует независимо от того, принадлежит ли базовый актив на праве собственности арендодателю или он сам является его арендатором.

В отличие от этого, для права использования нематериального актива, определяемого МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы», предусмотрена возможность выбора. Согласно пункту 4 МСФО (IAS) 38, арендатор вправе, но не обязан, применять требования МСФО (IFRS) 16 к договорам аренды нематериальных активов. Исключение составляют лицензионные соглашения на такие объекты, как кинофильмы, видеозаписи, патенты и авторские права, которые изначально исключены из сферы применения стандарта по аренде. Таким образом, в данной ситуации профессиональное суждение заключается не в оценке факта, а в выборе учетной политики.

Если договор аренды заключается в рамках совместной деятельности, то возникает вопрос, как определять размер учетных сущностей на балансе ее участников. На своем заседании в марте 2019 года Комитет по разъяснениям МСФО вынес решение по повестке дня о признании обязательств совместным оператором в связи с его долей участия в совместной деятельности, как определено в МСФО (IFRS) 11 «Совместное предпринимательство». В соответствии со схемой, описанной в запросе к Комитету, совместная операция не осуществляется через единого основного участника.

Один из участников от своего имени заключает с третьей стороной (арендодатель) договор аренды объекта основных средств, который нужен для совместной деятельности. Этот участник имеет право взыскать часть арендных расходов по этому договору с других участников в соответствии с их соглашением. Комитет отметил, что определение обязательств, которые несет отдельный участник, и совместных обязательств участников требует оценки положений и условий всех контрактных соглашений, которые касаются совместной деятельности, включая рассмотрение законодательства. В данном случае Комитет решил, что участник, заключивший договор аренды, взял на себя основную ответственность за арендные платежи перед арендодателем, поэтому только он должен признавать арендное обязательство, а не все участники совместной деятельности.

Еще один вопрос, который требует профессионального суждения – это замена предмета аренды.

Многие договоры аренды так или иначе предполагают ситуацию, когда предмет аренды может или обязательно должен быть заменен. В определенных случаях такие условия отменяют применение МСФО (IFRS) 16, в других — стандарт надо соблюдать. Ключевым критерием при оценке права на замену актива является его существенность для арендодателя. Согласно пункту B14 МСФО (IFRS) 16, право на замену признается существенным только при одновременном выполнении двух обязательных условий:

1) Практическая возможность осуществить замену: Арендодатель должен обладать реальной технической и организационной способностью заменить актив в течение срока его использования. Это предполагает, что:

- Клиент не может воспрепятствовать замене.
- У арендодателя есть беспрепятственный доступ к альтернативным активам, и он может оперативно их поставить.

2) Экономическая целесообразность замены: Арендодатель должен получать чистую экономическую выгоду от реализации этого права. Иными словами, ожидаемые выгоды от замены (например, снижение затрат на обслуживание или возможность сдать актив другому клиенту на более выгодных условиях) должны превышать связанные с ней расходы.

Важно подчеркнуть, что эти условия носят кумулятивный характер; невыполнение любого из них означает, что право на замену не является существенным.

На практике многие договоры аренды содержат формальные положения о праве арендодателя на замену. Однако если в рамках его бизнес-модели отсутствуют экономические стимулы для использования этого права (например, замена является сложной и дорогостоящей), то такое право не имеет существенного значения для целей квалификации договора.

Кроме того, МСФО (IFRS) 16 устанавливает временной критерий: право на замену должно быть действенным на протяжении всего срока аренды. Если оно может быть реализовано лишь при наступлении конкретного события, по истечении определенного срока или на заранее оговоренную дату, такое право также не признается существенным.

Особое внимание для вынесения профессионального суждения уделяется процентной ставке, которая закладывается в договор аренды.

Согласно определению в МСФО (IFRS) 16, «ставка, заложенная в договоре аренды» — это ставка дисконтирования, при которой приведенная стоимость арендных платежей и негарантированной ликвидационной стоимости актива равна сумме справедливой стоимости базового актива и первоначальных прямых затрат арендодателя.

Ключевым моментом здесь является упоминание арендодателя. Это создает фундаментальную практическую проблему для арендатора: для точного расчета ставки ему необходимы данные о затратах и оценках, которые являются внутренней информацией арендодателя и, как правило, не раскрываются. Поскольку в большинстве случаев арендатор не обладает этой информацией, он лишен возможности определить ставку, заложенную в договоре, и вынужден применять ставку своего дополнительного заимствования.

На практике определение данной ставки сопряжено со значительными сложностями, например, проблема специфичности активов и условий. Ставка должна отражать процент по кредиту, который арендатор мог бы получить для приобретения аналогичного актива на сопоставимых условиях. Например, для аренды рыболовецкого траулера на 10 лет в китайских иенах потребовалось бы найти ставку по кредиту в той же валюте, на тот же срок, с тем же активом в качестве обеспечения и с учетом кредитоспособности компании. Даже если такой кредит существует, его условия, как правило, не являются публично доступными.

Также есть проблема несоответствия графика платежей. Ставка по кредиту может существенно зависеть от его графика погашения. Ставка по срочному кредиту (с единовременным погашением в конце) может отличаться от ставки по кредиту с аналогичным сроком, но с равномерными платежами в составе основного долга и процентов (аннуитет), которые часто имитируют график арендных платежей. Критически важно, что МСФО (IFRS) 16 не содержит конкретных указаний, обязан ли арендатор искать ставку по кредиту со схемой платежей, идентичной арендной, или допустимо использовать ставки по кредитам с иной структурой платежей с последующей корректировкой.

Таким образом, процесс определения ставки дисконтирования по МСФО (IFRS) 16 зачастую основывается не на точных расчетах, а на профессиональных суждениях и сложных оценочных процедурах, что создает значительную область неопределенности в учете.

Не смотря на значительное снижение количества договоров аренды в валюте, оставшиеся договора в валюте создают у специалистов вопрос о том, как учитывать арендные платежи, если они составляют значительную сумму и привязаны к курсу валюты.

В данном случае возможны два варианта.

Вариант 1: арендные платежи осуществляются в валюте. В этом случае арендатор должен применять МСФО (IAS) 21 «Влияние изменений валютных курсов», если договор аренды предусматривает платежи, выраженные в иностранной валюте. В таком случае обязательство по уплате арендных платежей — это монетарная статья в иностранной валюте. Курсовые разницы, возникающие в результате пересчета обязательства по уплате арендных платежей по обменному курсу, отличному от обменного курса, использованного при первоначальном признании, признаются в составе прибыли или убытка в том периоде, в котором возникли эти разницы.

Вариант 2: арендные платежи осуществляются в рублях, но их размер определяется путем умножения конкретной суммы в валюте на ее курс, например, в котировке Банка России. Это переменные арендные платежи. Их можно считать зависящими от индекса или ставки (п. 27b и п. 28 МСФО (IFRS) 16 «Аренда»), если курс, который берется для пересчета в рубли, можно считать зависящим от рыночных условий. При первоначальном расчете оценочного обязательства арендные платежи принимают по курсу на дату первоначальной оценки. Далее при значительном изменении курса обязательство по аренде переоценивается по общим правилам.

На основе анализа ключевых аспектов МСФО (IFRS) 16 «Аренда» можно сформулировать следующие выводы о роли и характере профессиональных суждений в его применении:

1. Профессиональные суждения носят сквозной и фундаментальный характер
2. Суждения требуют комплексного анализа, выходящего за рамки стандарта
3. Отсутствие детальных предписаний усиливает ответственность компании
4. Критическую роль играет принцип существенности
5. Взаимосвязь с другими стандартами формирует область выбора

Профессиональные суждения в МСФО (IFRS) 16 — это не второстепенный элемент, а центральный механизм его применения. Они трансформируют бухгалтера из регистратора операций в аналитика, который должен:

- Интерпретировать не только договоры, но и экономическую сущность сделок.
- Оценивать и моделировать будущие денежные потоки и риски.
- Выбирать и обосновывать методы учета в условиях неполной информации.
- Документировать логику всех принятых решений для обеспечения прозрачности и аудируемости отчетности.

Таким образом, качество финансовой отчетности по аренде напрямую зависит от глубины, обоснованности и последовательности применяемых профессиональных суждений.

Список литературы

1. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 16 «Аренда». На территории РФ введен Приказом Минфина России от 11.06.2016 N 111н (с изменениями от 04.10.2023).
2. Алдарова Т.М. Учет аренды у арендатора: анализ положений МСФО (IAS) 17 «Аренда» и МСФО (IFRS) 16 «Аренда» // Аудиторские ведомости. 2016. № 6. С. 40-56.
3. Карельская С.Н., Зотова К.О. Влияние новых правил отражения аренды по МСФО (IFRS) 16 на финансовую отчетность российских компаний - Экономика. Право. Инновации. 2021. № 3. С. 4-11.
4. Ключников С.В. Новый стандарт по учету аренды МСФО (IFRS) 16 «Аренда»: применение и особенности- Оригинальные исследования. 2020. Том 10 №1. С. 31-22.
5. Коняхина О.Н Аренда в МСФО - Форум. 2020. № 3 (19). С. 151-155.
6. Кюльбакова М.В. Определение срока аренды по (IFRS) 16 «АРЕНДА» – Новые информационные технологии как основа эффективного инновационного развития. 2020. С 75-78

7. Макарова Л.М., Горбункова А.О. Учетно-аналитические процессы движения и использования внеоборотных активов в соответствии с МСФО // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 6-3 (51). С. 87-93.
8. Тетерлева, А. С. Международные стандарты финансовой отчетности : [учеб. пособие] / А. С. Тетерлева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 176 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ РЕСТИТУЦИИ И ЗАЩИТЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ В СДЕЛКАХ С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Тарасова Елена Валентиновна
Специалист по недвижимости, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье рассматривается одна из наиболее значимых для оборота недвижимости проблем, как асинхронность последствий признания сделки недействительной в рамках статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) с ограничениями виндикации из статьи 302 ГК РФ и с презумпцией добросовестности приобретателя, полагавшегося на данные ЕГРН (п. 6 ст. 8.1 ГК РФ).

Особое внимание уделено законодательной базе, в частности Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации недвижимости», включая ст. 35, 37 запись о возражении и о правопритязании/праве требования, ст. 66 о компенсации из казны; ст. 68.1 о выплате добросовестному приобретателю жилья). Обобщена логика подходов Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда РФ, а именно сделан фокус на выяснении воли собственника при выбытии и на осмотрительности приобретателя; приоритет компенсационных способов в случаях защищенной добросовестности.

Ключевые слова: недействительная сделка; недвижимость; реституция; виндикация; добросовестный приобретатель; ЕГРН; публичная достоверность реестра.

CONFLICT OF INTERESTS BETWEEN RESTITUTION AND PROTECTION OF A GOOD-NEEDED BUYER IN REAL ESTATE TRANSACTIONS

Elena V. Tarasova
Real Estate Agency, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article addresses one of the most significant issues for real-estate transactions: the temporal misalignment between the consequences of invalidating a transaction under Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation (Part One of 30.11.1994 № 51-FZ, as amended on 31.07.2025) and the limitations on vindication under Article 302 of the Civil Code, together with the presumption of a good-faith purchaser who relied on the Unified State Register of Real Estate (paragraph 6 of Article 8.1 of the Civil Code).

Special attention is paid to the legislative framework, in particular the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law № 218-FZ of 13.07.2015 «On State Registration of Real Estate» (as amended on 31.07.2025), including Articles 35 and 37 (entries of objection and of a claim/right to demand), Article 66 (compensation from the state treasury), and Article 68.1 (payments to good-faith purchasers of residential premises). The paper synthesizes the logic of the approaches of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, focusing on whether the property left the owner's possession by their will and on the purchaser's due diligence; where good faith is protected, compensatory remedies are prioritized.

Keywords: invalid transaction; real estate; restitution; vindication; bona fide purchaser; Unified State Register of Rights; public reliability of the register.

В гражданском обороте все держится на сделках, поэтому их признаки и форма должны быть ясно закреплены в законе. В научной литературе понятию сделки уделяется особое внимание, например, А. Г. Карапетов считает, что «сделкой следует признавать совершённое лицом волеизъявление, которое признаётся правопорядком как основание для возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей».

В свою очередь Г. Ф. Шершеневич под сделкой понимает «акт выражения воли, целенаправленно ориентированный на достижение юридического результата - установление, коррекцию или прекращение соответствующего правоотношения».

Нормативное же определение содержится в статье 153 ГК РФ, «сделкой признаются действия граждан и юридических лиц, ориентированные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Также в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» года указано, что «сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей».

Понятие «недействительность сделки» в прямой легальной дефиниции не раскрывается, хотя соответствующим положениям в ГК РФ посвящен значительный массив норм. Исторически институт недействительности уходит корнями в римское право, где применялась градация по степени порочности, несуществующие (negotium nullum), абсолютно недействительные (negotia irrita) и оспоримые (устранимо порочные) (negotia rescindibilia). Такой подход позволяет увидеть, как различная «глубина» порока влияет на способы защиты и последствия для участников оборота.

Недействительность сделок с недвижимым имуществом представляет собой область, где пересекаются стабильность гражданского оборота и защита прав собственности. Нормы главы 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025), в частности статьи 166-181 формируют общий правовой базис для регулирования данного вопроса. Однако на практике наиболее сложными аспектами являются определение метода защиты прав при последовательных сделках отчуждения и обеспечение фактической защиты добросовестного приобретателя, который полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости (далее-ЕГРН).

В практической деятельности нередко наблюдается следующая ситуация: первая сделка с объектом недвижимости признается недействительной, а объект уже находится во владении нового собственника.

Возникает закономерный вопрос о возможности реституции имущества. Согласно статье 167 ГК РФ «недействительная сделка влечет двустороннюю реституцию, каждая сторона возвращает полученное». В мире недвижимости к моменту спора объект часто у третьего лица, и формально «возврат в натуре» трансформируется в виндикационный иск. Но ст. 302 ГК РФ дает право истребовать у возмездного добросовестного приобретателя только при «выбытии помимо воли» собственника (утеря, хищение и т. д.), при этом добросовестность и волевой характер выбытия подлежат отдельному доказыванию.

Обзор Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) прямо фиксирует эту развилку, что сама недействительность не доказывает «помимо воли» и не дает «автоматической» виндикации.

Пункт 6 ст. 8.1 ГК РФ предусматривает добросовестность приобретателя, который обоснованно полагался на ЕГРН, пока не доказано иное. Отметки о возражении и о наличии правопритязаний предусмотренные статьями 35 и 37 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации недвижимости» выполняют функцию предварительного уведомления, однако не препятствуют проведению регистрации и не заменяют собой судебную защиту. Вследствие этого добросовестный покупатель нередко оказывается в ситуации конфликта интересов, с одной стороны, требование реституции предполагает возврат имущества, а с другой стороны, реестровая модель направлена на защиту права на приобретение.

В другом Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 28.01.2025 подчеркивается значение судебного порядка оспаривания зарегистрированных прав и роль требования о признании права отсутствующим для поддержания достоверности ЕГРН, что фактически усиливает защиту доверия к реестру.

Согласно постановлению Конституционного Суда РФ № 22-П/2025, опубликованному 26.05.2025, что «при истребовании служебного/публичного жилья у добросовестного приобретателя недопустимо ссылаться на «выбытие помимо воли», если сами органы публичного собственника совершали действия по передаче (пусть и с нарушениями)». Следует обратить внимание, подчеркнута роль компенсационного механизма и иных гарантий правовой определенности.

В соответствии с выводами вышестоящих судебных инстанций, следует отметить, что констатация недействительности сделки не является достаточным основанием для признания факта выбытия имущества помимо воли собственника и не предоставляет «автоматического» права на его изъятие у последующего приобретателя. В практической плоскости это обстоятельство влечет за собой значительные процессуальные риски, возможность регресса и неопределенность в судебных исходах, особенно в случаях, когда покупатель действовал на основании достоверных записей в реестре.

Однако, наиболее частые проблемы на практике встречаются при признании сделки недействительной, что зачастую приводит к требованию возврата квартиры. При наличии добросовестного приобретателя, осуществившего сделку на основании данных ЕГРН, такое требование сталкивается с положениями ст. 302 и п. 6 ст. 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В результате спор необходимо перевести из категории вещно-правовых отношений в категорию компенсации убытков.

Также стоит отметить, что в соответствии с положениями ст. 66 Федерального закона № 218-ФЗ и главы 10.1 статьи 68.1 вышеназванного закона, регламентирующими порядок возмещения убытков добросовестным приобретателям жилых помещений, предусмотрены четкие правовые механизмы. Однако подача исков к

государственным органам не всегда осуществляется незамедлительно, что может привести к затягиванию судебного процесса. При выборе оптимальной стратегии защиты прав и законных интересов добросовестных приобретателей возможно сокращение временных и финансовых затрат.

В рамках действующего законодательства, при условии подтверждения добросовестности последующего приобретателя и отсутствия выбытия имущества «помимо воли», предпочтение отдается компенсационным механизмам (возмещение убытков казне в соответствии со статьей 66 Гражданского кодекса Российской Федерации, специальные выплаты в соответствии с главой 10.1 для жилищных объектов), а не «механической» виндикации. Это позволяет снизить риски разрушения доверия к реестру и соответствует подходам, принятым высшими судебными инстанциями.

В статье 167 Гражданского кодекса Российской Федерации целесообразно внести уточнение: если объект перешел к добросовестному приобретателю, который полагался на данные ЕГРН (пункт 6 статьи 8.1), то базовым последствием недействительности предыдущей сделки является денежная компенсация, а не возврат имущества. Виндикация применяется только в случае доказанного выбытия имущества «помимо воли» или недобросовестности приобретателя.

Такая формулировка устраняет конфликт между реституцией и реестровой моделью защиты, обеспечивая более эффективное и справедливое разрешение споров, связанных с переходом прав на недвижимое имущество.

Итак, можно сделать вывод, что судебная практика демонстрирует постепенное выстраивание «пирамиды» способов защиты. Высшие судебные инстанции Российской Федерации провели детальный анализ и уточнение подходов к рассмотрению данных вопросов. В частности, были установлены презумпция добросовестности покупателя, который полагался на данные реестра, а также критерии «выбытия имущества помимо воли» при осуществлении виндикационных исков. Это позволило установить новые стандарты для квалификации споров и формулирования исковых требований.

С целью повышения юридической определенности и обеспечения правовой защиты участников гражданского оборота предлагается рассмотреть возможность внесения точечных изменений в законодательство. В частности, предлагается внести в статью 167 Гражданского кодекса Российской Федерации положение о компенсаторной реституции в случаях, когда приобретение имущества признано добросовестным. Усилить защиту прав лиц, зарегистрированных в ЕГРН, путем гарантированной выплаты компенсаций в случае оспаривания их прав. Расширить срок исковой давности по делам, связанным с защитой прав добросовестных приобретателей, для обеспечения их правовой стабильности. Данные меры направлены на повышение правовой определенности и защиты интересов участников гражданского оборота в сфере недвижимости.

Спиисок литературы

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС КонсультантПлюс.

2. Азаревич, Д. И. Система римского права. Т. I (1887) / / Страница: Азаревич Д. И. Система римского права. Т. I (1887).pdf / 223 // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Азаревич_Д._И._Система_римского_права._Т.I(1887).pdf/223. Дата обращения: 20.09.2025.

3. Карапетов, А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с.

4. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 148 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2025 № 22-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Панкратовой» // Собрание законодательства РФ, 09.06.2025, № 23, ст. 3102.

8. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4344.

Образовательное частное учреждение высшего образования
«Московская международная академия»
(ОЧУ ВО «ММА»)
КазИИТУ. Казахстанский университет инновационных
и телекоммуникационных систем
Международное высшее учебное заведение "Казахско-Русский Международный университет" (ТОО "МВУЗ "КРМУ")

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в III Международной научно-практической конференции «Педагогика, психология и экономика: вызовы современности и тенденции развития», которая состоится 10 февраля 2026 г.

Место проведения конференции: г. Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр.1.

Дата и время проведения конференции: **10 февраля 2026 г.**

Формат: заочный

На конференции планируется обсуждение следующих вопросов:

- Тенденции развития педагогики и психологии в современных условиях.
- Актуальные вопросы менеджмента и региональной экономики.
- Новые технологии в финансовом секторе, их влияние на состояние рынков финансовых услуг.
- Актуальные вопросы экономики, управления, здравоохранения.

Секция 1: Экономика и управление «Актуальные вопросы менеджмента, региональной экономики и деятельности в финансовом секторе»

Секция 2: Методология и технология профессионального образования «Современные тенденции в профессиональном образовании»

Секция 3: Общая психология, психология личности, история психологии «Психологические проблемы личности в современном мире: вызовы и перспективы»

Для участия в конференции просим подать заявку (форма заявки будет размещена на сайте ММА).

Рабочий язык: русский язык.

К публикации принимаются оригинальные научные статьи, объемом 3-10 стр., подготовленные как индивидуально, так и коллективом авторов (не более 3-х человек (аспирант + научный руководитель)). По решению организаторов конференции к публикации могут быть приняты статьи, подготовленные аспирантами в соавторстве с научными руководителями. По итогам конференции все материалы конференции будут опубликованы в электронном виде в сборнике материалов (публикация 7000 рублей) на сайте ОЧУ ВО «ММА», в РИНЦ сборник Конференции публиковаться не будет.

Заявки на участие в конференции направляются в срок до 20 января 2026 года (не включительно) на почту kusnecova.a@mmamos.ru .

Проверенный текст статьи для включения в сборник трудов конференции ММА направляется в срок до **07 февраля 2026 года** (не включительно) на почту ***kusnecova.a@mmamos.ru*** для дальнейшего составления сборника III Международной научно-практической конференции «Педагогика, психология и экономика: вызовы современности и тенденции развития».

ОБЗОР III МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЭТНОЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА И ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ» 17–18 ОКТЯБРЯ 2025 г.

Очередная, ставшая традиционной III Международная научная конференция «Этноязыковое многообразие мира и тюркское наследие», организованная на базе Казахского Национального университета имени аль-Фараби и НИИ тюркологии и алтаистики (Казахстан, Алматы) при участии Международной организации тюркской культуры (Турция, Анкара и Азербайджан, Баку), прошла 17–18 октября 2025 года в стенах Библиотеки аль-Фараби. Мероприятие проводилось в рамках грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по проекту «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту» [ИРН AP23486380], реализуемому по Программе научных и научно-технических проектов на 2024–2026 годы.

Работа конференции проходила в смешанном формате – очном и on-line. В ней приняли участие более 80 человек – ученых, преподавателей, исследователей в области тюркологии, филологии, истории, библиотековедения, архивного дела из 10 стран мира – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана, Турции, Австрии, Бельгии, Китая, Российской Федерации (в том числе из Республики Алтай, Республики Башкортостан, Республики Саха, Республики Татарстан, Республики Тыва).

Модератор конференции, ее главный идеолог и организатор, исполнительный директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби доктор филологических наук, профессор **Нурсулу Жамалбековна Шаймерденова** в своем вступительном слове обратила внимание на необходимость и важность преемственности поколений в научном освещении, в развитии и сохранении тюркского культурного наследия. Главной целью конференции стало обсуждение актуальных проблем тюркологии, сохранения и изучения рукописного и книжного наследия, а также осмысление научной деятельности ученых в свете новых образовательных и исследовательских парадигм.

Открытие конференции традиционно началось с приветственных слов ее почетных участников – выступили известные ученые разных стран, руководители научных и образовательных учреждений, писатели, деятели культуры.

Приветственное слово к участникам конференции от имени Председателя Правления – ректора КазНУ имени аль-Фараби, профессора **Жансеита Кансеитовича Туймебаева** зачитал заместитель председателя Правления – первый проректор КазНУ **Эркин Эрманович Дуйсенов.**

С приветствием и кратким обзором о совместной научной и творческой деятельности выступила руководитель научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» **Юлия Александровна Лысенко** *(Республика Алтай, г. Барнаул)*. В адрес конференции были зачитаны полученные письма со словами поздравления и приветствия от президента Международной тюркской академии, доктора исторических наук, академика Национальной академии наук Азербайджана **Шаина Меджид оглу Мустафаева** *(Азербайджан, г. Баку)* и известного писателя и кинорежиссера, Заслуженного деятеля Республики Казахстан **Бахытжана Канапьянова** *(Казахстан, г. Алматы)*. Их речи объединила мысль о том, что сохранение тюркского наследия и языка является важнейшей частью духовной модернизации современного общества.

Пленарная сессия проходила в течение всего первого дня конференции в очном формате (409 конференц-зал, 4 этаж) и в режиме on-line, где до и после перерыва выступили более 10 докладчиков – ведущих ученых разных стран.

Доклад профессора **Рамиля Миргасимовича Валеева** («*Творчество и наследие С.Е. Малова: изучение материальной и духовной культуры средневековых и современных тюркских центров и народов»* – Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация) был посвящен 145-летию известного ученого-востоковеда С.Е. Малова, его жизненному и творческому пути в периоды его пребывания в Казани, Санкт-Петербурге и в Алма-Ате.

В выступлении профессора **Чимизы Кудер-ооловны Ламажаа** («*Тюркский культурный мир России: проблемы изучения*» – Брюссель, Бельгия) были отчетливо сформулированы проблемы и перспективы исследования культурного ландшафта мозаичного распространения тюркской языковой группы на территории России; определен вектор изучения глубинного внутреннего слоя, «ядра» тюркской культуры; предлагались «сквозные» темы для оптимизации исследовательских стратегий.

Профессор **Сулейменова Элеонора Дюсеновна** (Алматы, Казахстан) в своем докладе «*Витальность тюркских языков*» отметила, что проблема витальности актуальна для всех языков, независимо от числа говорящих на них членов социума, но определяется, прежде всего, степенью и качеством функционирования языка на всех коммуникативных площадках, включая интернет; эти и другие факторы измерения витальности языка свидетельствуют о высокой степени жизнеспособности основных современных тюркских языков.

В докладе профессора **Дусмамата Сатторовича Кулмаматова** («*Еще раз об употреблении восточного слова язычей в восточных делах посольского приказа XVII века*» – Ташкент, Узбекистан) прозвучал детальный этимологический анализ употребления древнеславянского слова «*язычей»* в документах Посольского приказа XVII века.

Профессор **Александр Дмитриевич Васильев** (Москва, Россия) представил доклад «*Эпистолярное наследие российских ученых как источник по истории тюркологии*», в котором было раскрыто значение и назначение эпистолярного наследия российских ученых в процессе изучения исторических источников по евразийской культуре и тюркологии.

После перерыва на пленарном заседании были заслушаны доклады профессора **Валеева Гаделя Камиловича** «*К вопросу о тюркской составляющей русской культуры и языка*» (Челябинск, Россия) и профессора **Назарова Насриддина Атакуловича** «*Эпические традиции и историческая действительность: проблемы взаимосвязи*» (Ташкент, Узбекистан); профессора **Нурсулу Жамалбековны Шаймерденовой** «*Turco-Slavica в языковом пространстве Центральной Азии: границы влияния и адаптации*» (Алматы, Казахстан).

Дальнейшая работа конференции продолжилась на следующий день и шла по трем обозначенным в Программе направлениям:

<u>I направление</u> «Тюркские языки в мире и Казахстане» – модератор к.ф.н, профессор Сибирского федерального университета **В.А. Разумовская**.

<u>II направление</u> «Современные исследования в контексте языкового многообразия и контактологии» – доктор PhD, завкафедрой иностранной филологии КазНУ им. аль-Фараби **М.М. Аймагамбетова**.

<u>III направление</u> «Эпические тексты тюркских народов как основа духовного возрождения» – модератор магистр филологии, докторант КазНУ им. аль-Фараби **Д.А. Худайбердина**.

Всего за два дня было прослушано около 80 докладов.

<u>I направление</u> было представлено 15 докладами следующих ученых-исследователей: **Э.Ф. Шафранская** («*Вклад писателя Николая Карамзина в сохранение тюркского фольклора*» – Москва, Россия*);* **А.А. Добрынина** («*Диалог в полиэтническом обществе как отражение языковой картины: экспериментально-фонетическое исследование*» – Новосибирск, Россия); **В.Д. Нарожная, М.И. Кадеева** («*Специфика казахских топонимов:*

история, культура, язык» – Шымкент, Казахстан)*;* **Н.Д. Сувандии** (**«***Топонимы в тувинском и казахском языках*» – Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация); **В.В. Михайлова** («*Опыт медленного чтения эпического текста на примере произведения П.А. Ойунского "Улуу Кудангса*" – Республика Саха, Якутия, Российская Федерация); **В.А. Разумовская** (**«***Тюркские языки Сибири: этнопереводческий аспект*» – Красноярск, Россия) и др.

II направление включило в себя 13 докладов: **С.Б. Бегалиева** («*Лингвокультурологический анализ традиционных цвето-обозначений в тюркских языках*» – Алматы, Казахстан); **С.Ж. Баяндина** («*Особенности языкового взаимодействия тюркских этносов в Казахстане: социолингвистический аспект*» – Алматы, Казахстан); **У.Е. Мусабекова** («*Казахское письмо в историко-культурном развитии государства*» – Алматы, Казахстан); **А.А. Шахин** («*История тюрков в языке и через язык: анализ идей Л. Н. Гумилева*» – Астана, Казахстан); **Ш. Буркитбаева** («*Поэма "Малика кыз" как памятник общего культурного наследия тюркских народов в рукописном фонде КазНУ: тесктологическое исследование*» – Алматы, Казахстан); **М.М. Аймагамбетова** («*Английские заимствования в казахском языке: влияние и адаптация в контексте тюркской языковой системы*» – Алматы, Казахстан); **М.С. Зейнебекова** («*Экологическое сознание в романе А. Нурпеисова "Последний долг"* – Тараз, Казахстан) и др.

III направление оказалось самым многочисленным и, видимо поэтому, самым разнообразным в отношении географии докладчиков и их on-line участия в конференции: **К. Жанабаев** («*Эпос тюркских народов как основа духовного возрождения*» – Алматы, Казахстан); **Г. Гарипова, Ю. Кондракова** («*Художественная метафоризация пехлевийских назидательных трактатов в современной узбекской и татарской прозе*» – Москва, Россия); **Н.О. Козина** («*Анализ опыта работы с переводческими кадрами Казахстана в рамках программы "Основы редактирования и корректуры переводного текста"* – Москва, Россия); **А.Б. Акланова** («*Развитие и значение тюркологии в Казахстане*» – Измир, Турция); **Ш.С.Сафаров** («*Когнитивные особенности многоязычных индивидов*» – Самарканд, Узбекистан); **В.И. Семенова** («*Об особенностях развития диалекта бурятского языка*» – Иркутск, Россия); **М. Ергалиева** («*Культурная идентичность и универсальные вызовы современного мира*» – Нидэ, Түрция); **А.Ф. Шамахмудова** («*Социальные факторы языкового сдвига*» – Самарканд, Узбекистан); **Е.А. Яковлева** («*Лингвистическое градоведение Уфы: город как текст, как коммуникатор и как образ*» – Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация); **И.И. Файзуллина** («*Лингвокультурологическая специфика прагматонимов Республики Башкортостан*» – Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация); **С.М. Чинлода** («*Актуализация религиозно-философских смыслов Корана в кыргызской языковой картине мира*» – Бишкек, Кыргызстан); **А.А. Поначевная** (**«***Русский язык в контексте тюркского языкового наследия: контактология и интерференция в практике преподавания*» – Москва, Россия; **Д.Е. Канаева** («*Образ идеального героя в тюркских эпосах*» – Алматы, Казахстан); **М.Д. Шаймерденова** («*Наурыз в контексте этноязыкового многообразия: символика обрядов*» – Алматы, Казахстан) и др.

Внутри каждого направления, кроме заявленных докладов, проводились семинары и мастер-классы, презентации новых изданий и дискуссии.

Научно-просветительский семинар **«Наследие Дүйсембека Кабыланбай-улы: мост между эпохами»** прошел в атмосфере духовной общности и эмоционального подъема. Выступления **Ж.А. Арекеновой** («Редкие книги Библиотеки им. аль-Фараби: фонд Дуйсембека Кабыланбайулы»), **Д.С. Кулмаматова** («Из опыта работы с рукописными фондами Москвы и Ташкента»), **А.А. Искендир** («Сравнительный анализ практик хранения и изучения рукописей: опыт Италии, Великобритании и Казахстана») вызвали искренний интерес и вопросы. Исследователи обсудили ценность рукописных фондов и уникальные примеры сохранения культурного наследия, а также представили современные методы архивной работы и реставрации текстов.

Второй научно-методический семинар «**Школа *vs.* вуз в эпоху цифровизации и языкового многообразия**» был посвящен обсуждению актуальных вопросов цифровизации современного образования, способов эффективного использования ИИ, цифровых технологий и онлайн-курсов в школе и в вузе. Живой интерес и обсуждение вывали выступления **М.И. Кадеевой**, которая представила проект он-лайн курса «Метаязык науки и академическое письмо», и **В.Д. Нарожной,** раскрывшей концепцию и структуру электронного учебника «Исторический комментарий фактов русского языка». Учителя СШ №20 им. Г. Титова г. Шымкента **М.Л. Абдумавланова** и **Л.А. Димова** поделились своими новаторскими находками на уроках русского языка и литературы, показали возможности *учебного лонгрида* как инновационного инструмента цифровой лингводидактики.

Еще один научно-практический семинар **«Метафора в языке и речи»** прошел под руководством **Джеммы Болатовны Аманжоловой,** кандидата филологических наук, ассистента-профессора Astana IT University, старшего научного сотрудника НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби *(Астана, Казахстан)*. Магистры филологии, докторанты кафедры русской филологии, кафедры иностранной филологии и переводческого дела КазНУ им. аль-Фараби представили результаты исследований по проблематике своих докторских диссертаций: **М.Б. Кенесова** – «Лингводидактический потенциал сказочной метафоры»; **А.Т. Каиржанова** – «Тюркское метафорическое наследие в процессе обучения русскому языку»; **Ю.В. Павлова** – «Метафора как инструмент манипуляции в медиадискурсе».

В исключительно теплой атмосфере прошли выставки книг из серии «Тюркология» (Издательство «Қазақ университеті»), а также презентация книг издательства «Көкжиек-Горизонт» и знакомство с новинками научной и учебно-методической литературы в читальном зале Библиотеки им. аль-Фараби КазНУ.

В завершении конференции профессор **Нурсулу Жамалбековна Шаймерденова** в своем заключительном слове подвела итоги работы, отметив несомненную продуктивность состоявшихся встреч и конструктивность выработанных по каждому направлению рекомендаций.

Д.Б. Аманжолова, к.ф.н., асс. профессор Astana IT University
(Астана, Казахстан),
Н.В. Дмитрюк, д.ф.н., профессор, Южно-Казахстанский
педагогический университет им. О. Жанибекова (*Шымкент, Казахстан*)

Требования к оформлению материалов, присылаемых для публикации в научных изданиях ОЧУ ВО «ММА»

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска в формате MS Word 2003 или MS Word 2010 по адресу: kremnev@mmamos.ru.

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в научном издании.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

2. Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

1. название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
2. инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
3. название вуза полностью и города (курсивом по центру);
4. аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
5. ключевые слова (обычно 5–7) на русском языке;
6. перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
8. аннотацию на английском языке;
9. ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

1. введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;
2. основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);
3. заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;
4. библиографический список.

3. Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере в формате MS Word 2003 или MS Word 2010 на одной стороне листа стандартного формата А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами).

Шрифт Times New Roman, размер (кегль) 14, полуторный интервал, абзацный отступ – 1,25 см, межабзацный отступ отсутствует.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

Положение нумерации страниц – в нижнем колонтитуле по центру без отбивки пустой строкой, шрифт нумерации Times New Roman 14.

Объем статьи – до 20 000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5–7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом.

Для аннотации шрифт Times New Roman 12, курсив (наклонный), одинарный междустрочный интервал.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

4. Особенности набора знаков, цифр, формул следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать О (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

5. Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принимаются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

6. Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

7. Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Шрифт библиографических описаний Times New Roman 12, курсив (наклонный), одинарный междустрочный интервал.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания и страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий.

Приложение №1

1. Как сослаться на Интернет-ресурс

Ссылаться на Интернет-источники и электронные ресурсы можно и нужно. При этом ссылаться на Интернет-ресурсы необходимо в соответствии с государственным стандартом — ГОСТом Р 7.0.5-2008 «БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА»: Общие требования и правила составления, который вступил в силу с 01.01.2009 года.

Информация

Объектами составления библиографической ссылки в этом случае являются электронные ресурсы удалённого доступа.

Ссылки составляют как на электронные ресурсы в целом (электронные документы, базы данных, порталы, сайты, веб- страницы, форумы и т. д.), так и на составные части электронных ресурсов (разделы и части электронных документов, порталов, сайтов, веб-страниц, публикации в электронных сериальных изданиях, сообщения на форумах и т. п.).

2. Пример оформления ссылок на Интернет-ресурсы

В списке литературы, после печатных изданий делается подзаголовок «Электронные ресурсы», без кавычек, и, продолжая нумерацию основного списка литературы (печатных изданий), вставляются описания электронных источников в формате:

№. Наименование публикации, на которую идёт ссылка.

Автор ФИО полностью. Наименование ресурса (сайта в Internet). [Полный URL публикации (то есть по нему открывается именно тот документ, на который ссылаетесь)] (дата обращения к ресурсу дд.мм.гггг).

Пример: К вопросу об аллигаторах. Павлов Сергей Иванович. Центр научной фантастики. http://www.cnf.ru/qal.html (18.01.2007).

3. Общие замечания

Рекомендуется представлять единый список литературы к работе в целом. Каждый источник упоминается в списке один раз, вне зависимости от того, как часто на него делается ссылка в тексте работы.

Наиболее удобным является алфавитное расположение материала, так как в этом случае произведения собираются в авторских комплексах. Произведения одного автора расставляются в списке по алфавиту заглавий.

Официальные документы ставятся в начале списка в определенном порядке: Конституции; Кодексы; Законы; Указы Президента; Постановление Правительства; другие нормативные акты (письма, приказы и т. д.). Внутри каждой группы документы располагаются в хронологическом порядке.

Литература на иностранных языках ставится в конце списка после литературы на русском языке, образуя дополнительный алфавитный ряд.

Список электронных ресурсов указывается в самом конце, после печатных изданий делается подзаголовок «Электронные ресурсы», без кавычек, и, продолжая нумерацию основного списка литературы (печатных изданий).

Для каждого документа предусмотрены следующие элементы библиографической характеристики: фамилия автора, инициалы; название; подзаголовочные сведения (учебник, учебное пособие, словарь и т. д.); выходные сведения (место издания, издательство, год издания); количественная характеристика (общее количество страниц в книге).

ПРИМЕРЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ВСЕХ ВИДОВ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Книги одного автора

Атаманчук, Г. В. Сущность государственной службы: История, теория, закон, практика. – М.: РАГС, 2003. – 268 с.

Книги двух авторов

Ершов, А. Д., Конопаева А.Д. Информационное управление в таможенной системе. – СПб.: Знание, 2002. – 232 с.

Книги трех авторов

Кибанов, А. Я., Мамед-Заде Г.А., Родкина Т.А. Управление персоналом: регламентация труда: учеб. пособие для вузов. – М.: Экзамен, 2000. – 575 с.

Книги четырех авторов

Информация

Управленческая деятельность: структура, функции, навыки персонала / К. Д. Скрипник [и др.]. – М.: Приор, 1999. – 189 с.

Книги, описанные под заглавием

Управление персоналом: учеб. пособие / под ред. С. И. Самыгина. – Ростов-на-Дону: Еникс, 2001. – 511 с.

Словари и энциклопедии

Социальная философия: словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. – М.: Академический Проект, 2003. – 588 с.

Ожегов, С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.

Чернышев, В. Н., Двинин А.П. Подготовка персонала: словарь. – СПб.: Энергоатомиздад, 2000. – 143 с.

Экономическая энциклопедия / Е. И. Александрова [и др.]. – М.: Экономика, 1999. – 1055 с.

Статьи из сборников

Бакаева, О. Ю. Матвиенко Г.В. Таможенные органы Российской Федерации как субъекты таможенного права // Таможенное право. – М.: Юрист, 2003. – С. 51–91.

Веснин, В. Р. Конфликты в системе управления персоналом // Практический менеджмент персонала. – М.: Юрист, 1998. – С. 395–414.

Проблемы регионального реформирования // Экономические реформы / под ред. А. Е. Когут. – СПб.: Наука, 1993. – С. 79–82.

Статьи из газет и журналов

Арсланов, Г. Реформы в Китае: Смена поколений // Азия и Африка сегодня. – 2002. – N 4. – С. 2–6.

Громов, В. Россия и Европа // Известия. – 1999. – 2 марта. – С. 2.

Описания официальных документов

О базовой стоимости социального набора: Федеральный Закон от 4 февраля 1999 N 21-ФЗ // Российская газ. – 1999. – 11.02. – С. 4.

О правительственной комиссии по проведению административной реформы: Постановление Правительства РФ от 31 июля 2003 N 451 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – N 31. – Ст. 3150.

О мерах по развитию федеральных отношений и местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27 ноября 2003 N 1395 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – Ст. 4660.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Литература

1. Агафонова Н. Н., Богачева Т.В., Глушкова Л.И. Гражданское право: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А. Г. Калпина; изд. 2–е, перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002. – 542 с.

2. Атаманчук, Г.В. Сущность государственной службы: История, теория, закон, практика. – М.: РАГС, 2003. – 268 с.

3. Кузнецов Е. Механизм запуска инновационного роста в России // Вопросы экономики. – 2003. – N 3. – С. 19–32.

4. Экономика предприятия: учеб. пособие / Е. А. Соломенникова, В. В. Гурин, Е. А., Прищенко, И. Б. Дзюбенко, Н. Н. Кулабухова – Новосибирск: НГУ, 2002. – 243 с.

5. Hahn, Frank. The Next Hundred Years. Economic Journal, January, 1991, 101 (404) – pp. 47–50.

6. Holland, John H.; Holyoak, Keith J.; Nisbett, Richard E. and Thagard, Paul R. Induction: process of inference, learning and discovery. Cambridge, MA: MIT Press, 1986. – 302 p.

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).
Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. − 560 с.
Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. − 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:
телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru